

РЕШЕНЫ

СТАВЛЯ

НА ПЕЧАТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го Ноября, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ.

ИЗДАТЕЛЬ

Издатель

Издатель

Издатель

МХХ

Издатель

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ТЕТУШКА И ДОБРОДѢТЕЛЬ!

Водевиль въ одномъ дѣйствіи,

передѣланный съ Французскаго (*La tante mal gardée*) В. З.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Ивановичъ Линева, служившій по счетной части.

Марья Николаевна, жена его.

Семень Семеновичъ Голубчикъ, племянникъ Линева.

Александръ Александровичъ Ждановъ.

Надежда Петровна Сашева, дальняя родственница Линева и ея воспитанница.

Семень, слуга Линева.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домъ Линева.

Небольшая комната въ домъ Линева. На первомъ планѣ по обѣимъ сторонамъ двери, на правой въ комнаты Линева, на лѣвой къ Марья Николаевна. Дверь въ глубинѣ. На второмъ планѣ на лѣвой сторонѣ балконъ, выходящій въ садъ, на правой окно. Диванъ, столъ, нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, Сашева (одна выходитъ съ своей половины, другая въ главную дверь).

Сашева.

Здравствуйте, Марья Николаевна. Вы

ужь встали, такъ рано и послѣ бала... Я шла къ вамъ...

Линева.

А я къ тебѣ, милая Надя. Вчера ты пріѣхала къ намъ въ то самое время, какъ я собиралась ѣхать на балъ. Я сказала

тебѣ нѣсколько словъ, и такъ какъ ты не могла ѣхать со мною...

САШЕВА.

Вы видѣли сами, какъ я устала и озябла съ дороги. Я едва могла поздороваться съ вами и дойти до моей комнаты... Ну, а теперь, не правда ли совсѣмъ не замѣтно, что я вчера пріѣхала изъ Саратова.

ЛИНЕВА.

Ни сколько!.. Ты очень мила сегодня, и тебѣ смѣло можно представить твоему жениху... развѣ ты не ждешь этого съ нетерпѣніемъ?

САШЕВА.

Я... какъ бы вамъ сказать... не чувствую большого удовольствія при мысли, что должна буду выйти за Семена Семеновича Голубчика. Я его видѣла разъ, въ деревнѣ, у моей тетушки. Вашъ мужъ былъ давно знакомъ съ нею, и привезъ своего племянника познакомиться. Племяннику-то я какъ на грѣхъ и понравилась. Тетушка переговорила съ Петромъ Ивановичемъ, и они положили между собою выдать меня за Голубчика; я ничего объ этомъ не знала и не обращала на него ни какого вниманія. Онъ еще раза два пріѣхалъ къ намъ, и тетушка объявила потому, что это мой женихъ, и что онъ пріѣдетъ на другой день просить руки моей. Онъ такъ и сдѣлалъ—пріѣхалъ и попросилъ. Руку то я ему дала бы пожалуй, да вотъ видите ли, въ то время какъ онъ цѣловалъ ее, я посмотрѣла на него и увидѣла, что онъ... какъ бы вамъ сказать...

ЛИНЕВА.

Не очень хорошъ собою!..

САШЕВА.

Не очень!.. вы слишкомъ добры, Марья Николаевна.

ЛИНЕВА.

Что жъ? это не большой порокъ, разумѣет-

ся въ мужъ. Но зачѣмъ же ты согласи-лась на его предложеніе?

САШЕВА.

Согласилась?.. Да моего согласія и не думали спрашивать. Тетушка моя все обдѣлала, отвѣчала за меня, и мнѣ послѣ этого нечего было дѣлать... къ тому же...

ЛИНЕВА.

Одинъ молодой человѣкъ, прекрасный собою, ловкій, умный, поввалился намъ больше нашего жениха?

САШЕВА.

Кто это сказалъ вамъ? Какъ это вы узнали?

ЛИНЕВА.

Развѣ у всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ твоихъ лѣтъ не одна и та же исторія?.. Ты видишь, что я очень хорошо понимаю тебя. Разсказывай же мнѣ поскорѣе, въ какомъ положеніи ваши дѣла?

САШЕВА.

Очень въ дурномъ... Я видѣла его на вечерахъ въ нашемъ городѣ. Онъ былъ такой скучный, молчаливый, ни съ кѣмъ не говорилъ и не танцевалъ... Онъ мнѣ очень понравился, но я ему, кажется, не совсѣмъ, потому что онъ даже не смотрѣлъ на меня. Но разъ, на балъ, онъ вдругъ ангажировалъ меня, меня одну, и всего только на одинъ кадрилъ, но за то послѣ просидѣлъ подлѣ меня, по крайней мѣрѣ, полчаса, и разговаривалъ со мною, хотя о вещахъ не очень интересныхъ, но такъ умно, такъ мило. Прощаясь со мною онъ сказалъ: я надѣюсь, еще не въ послѣдній разъ видѣться съ вами!..

ЛИНЕВА.

И когда же вы снова увидѣлись?..

САШЕВА.

Никогда!.. Не правда ли, это такъ странно, такъ неучтиво!.. Онъ вскорѣ послѣ этого бала уѣхалъ, Богъ знаетъ куда. Потомъ я узнала, что и вы пріѣхали изъ вашей деревни и поселились въ Москвѣ; вы

прислали за мною, и я опять вижу васъ, мою добрую Марью Николаевну, ужъ замужнюю женщиною, знатной дамой... а мой-то, ухалъ и не подумалъ на мнѣ жениться.

ЛИНЕВА.

Развѣ онъ общалъ тебѣ это, говорилъ о любви своей? Ты, право, смѣшна Нада— всего одинъ разъ говорила съ человѣкомъ, и хочешь, чтобъ онъ на тебѣ женился?.. Гдѣ же это видано? Ты видишь, что онъ о тебѣ и не думаетъ. Брось свои романческія идеи, и бери примѣръ съ меня: за меня посватался пожилой человѣкъ, почти старикъ, и я согласилась выйти за него, хоть также, можетъ быть, имѣла другія мысли, другія надежды...

САШЕВА.

А! вотъ вы ужъ и раскаиваетесь въ этомъ...

ЛИНЕВА.

Нѣтъ! Нѣтъ!.. я теперь счастливѣйшая женщина, если бы не одно!..

САШЕВА.

Воспоминаніе прошедшаго?

ЛИНЕВА.

Нѣтъ! Мученія настоящаго. Сдѣлавшись женою моего мужа, я сдѣлалась также и теткой его племянника. Это одно мѣшаетъ мнѣ быть совершенно счастливой. Мой племянникъ и твой женихъ не даетъ мнѣ ни минуты покоя! Онъ каждый день преслѣдуетъ меня, надоѣдаетъ своею услужливостію, слѣдитъ за мною какъ тѣнь. Право, можно бы подумать, что онъ влюбленъ въ меня. Я подозреваю, однако, что другая причина заставляетъ его такъ неутомимо преслѣдовать меня, и если я только увѣрюсь въ этомъ...

САШЕВА.

О! это очень дурно. Этакъ онъ, пожалуй, и за мной будетъ присматривать, когда на мнѣ женится.

Но 1.

Нѣтъ! мужъ довърчивъ долженъ быть, Женѣ во всемъ дать долженъ волю. За мной присматривать, слѣдить— Я просто даже не позволю.

ЛИНЕВА.

Нѣтъ? Другъ мой, первый долгъ жены — Всегда во всемъ повиноваться— И воля мужа ны должны Хоть по неволѣ покоряться.

САШЕВА.

Такъ надо слушаться его?.. Но я трудовъ не пожалю, Чтобъ воля мужа моего Была бы также и моею!..

ГОЛУБЧИКЪ (за сценой).

Отстанешь ли ты отъ меня, бездѣльникъ?

ЛИНЕВА.

Такъ и есть! Это его голось! Мученія мои начинаются съ самаго утра.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Голубчикъ (въ балетномъ костюмѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, но весь измятый и въ пыли), и СЕМЕНЬ.

СЕМЕНЬ (входитъ хохоча).

Ха! ха! ха!

Голубчикъ (не сидя дамъ).
Замолчишь ли ты, разбойникъ?

СЕМЕНЬ.

Да помилуйте, сударь, какъ не смѣяться?

ГОЛУБЧИКЪ.

Я тебѣ зажму ротъ, негодай!

ЛИНЕВА (становясь между ими).

Что такое случилось?

ГОЛУБЧИКЪ (въ сторону).

Моя тетушка—попался я!

СЕМЕНЬ.

Да, я сейчас нашел этого господина спрятаннымъ въ...

ГОЛУБЧИКЪ.

Дуракъ! тебѣ такъ показалось... я просто разсматривалъ...

ЛИНЕВА.

Спрятаннымъ? Гдѣ онъ былъ спрятанъ?

СЕМЕНЬ.

Въ большомъ шкафу съ платьемъ, что стоитъ въ комнатѣ подлѣ вашей спальни...

ГОЛУБЧИКЪ.

Я тебѣ говорилъ, дуралей, что это случайно, стеченіе обстоятельствъ... воля судьбы...

ЛИНЕВА.

Но, позвольте узнать, какимъ образомъ вы попали въ мой шкафъ? и еще въ балетномъ костюмѣ.

ГОЛУБЧИКЪ.

Совершенно противъ моего желанія... самымъ невиннымъ образомъ... Послѣ вчерашняго бала... я видѣлъ... мнѣ показалось, что вы не такъ были здоровы... и потому я не могъ уснуть всю ночь, даже не раздѣвался... и только что разсвѣло... я не могъ оставаться въ мучительной неизвѣстности... и бросился узнать о вашемъ здоровьѣ, но ошибкою... въ разсѣянности... занятый мыслью о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ, я принялъ этотъ шкафъ за дверь... и въ торопяхъ, вы понимаете?

ЛИНЕВА (въ сторону).

Вѣрно онъ замѣтилъ на балѣ Александра. (Вслухъ) Я поняла, что вы присматриваете за мною, что вы компрометируете меня вашими поступками, что вы наблюдаете за каждымъ шагомъ, который я сдѣлаю, какъ шпионъ или лазутчикъ...

ГОЛУБЧИКЪ.

Какъ! вы можете думать?..

ЛИНЕВА.

Я не думаю, но увѣрена, что вы всегда подлѣ меня, хоть я и не вижу васъ. Я не могу ни на минуту остаться одна, я того и жду, что вы наконецъ начнете падать передо мною съ облаковъ или выходить изъ подъ полу... хорошо еще, что вы не очень ловки, и присутствіе ваше въ моемъ домѣ тотчасъ же можно узнать. Вы то уроните стулъ, какъ два дня тому назадъ, то разобьете стекло, какъ третьяго дня.

ГОЛУБЧИКЪ.

Это не моя вина... я проходилъ мимо, а стекло вещество такое хрупкое... ломкое...

ЛИНЕВА.

То вы наступите на хвостъ собаки, и она поднимаетъ ужаснѣйшій лай... какъ, напримѣръ, вчера...

СЕМЕНЬ.

Ха! ха! ха!

САШЕВА.

Ха! ха! ха!

ГОЛУБЧИКЪ (въ сторону).

Боже мой! Моя невѣста! Я ее и не замѣтилъ. (Раскланивается съ ней и хочетъ подойти къ ней; она переходитъ отъ него на другую сторону).

ЛИНЕВА.

Чѣмъ же все это наконецъ кончится? Оставьте ли вы меня въ покоѣ? Признаюсь, вашимъ неожиданнымъ появленіемъ вы когда нибудь испугаете меня такъ, что я захвораю.

ГОЛУБЧИКЪ.

Позвольте, моя наружность совсѣмъ не страшна. Меня еще до сихъ поръ никто не пугался.

ЛИНЕВА.

Вѣрно всѣ, которые васъ видѣли, были храбрѣе меня.

САШЕВА (въ сторону).

И меня то же!

Линева.

Я до сихъ поръ сомнѣвалась въ цѣли вашихъ поступковъ, но сегодняшній убѣдилъ меня совершенно...

Голубчикъ.

Помилуйте! Такая малость! Это была шутка, ребячество...

Линева.

Вы очень счастливы, что не я нашла васъ въ этомъ шкафѣ!

No 2.

Голубчикъ.

Что жъ бы вы сдѣлали?

Линева.

И бы безъ жалости Васъ въ томъ шкафу заперла на замокъ!

Голубчикъ.

Что вы? Какъ можно? Изъ такой жалости! Я бы тамъ, право, задохнуться могъ! Дѣйствую здѣсь по винушенью моральному! Нѣтъ, я на зло не умру никогда!

Линева.

Право, смѣшно, что одѣты по бальному, Вы на тотъ свѣтъ бы явились тогда!..

Голубчикъ.

Покорно васъ благодарю.

Линева.

Мнѣ, однако, надо еще много кой о чемъ поговорить съ тобою, Надя. Пойдемъ въ мою комнату.

Голубчикъ.

Присутствіе мое, вѣроятно, связываетъ васъ.

Линева.

Нѣтъ-съ, но оно меня беспокоитъ.

Голубчикъ (въ сторону).

Понимаю! Я ее живая совѣсть. Она боится голоса своей совѣсти.

Линева.

Помните же, что я вамъ сказала, и не попадитесь мнѣ никогда въ шкафъ.

Сашева (уходя Лине-
сой).

Милая Марья Николаевна, нельзя ли какъ нибудь сдѣлать, чтобъ онъ на мнѣ не женился.

Линева (ей).

Хорошо, хорошо, мы обдѣлаемъ все это. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Голубчикъ (одинъ).

А! она бѣжить отъ меня! Она говоритъ, что я не даю ей ни минуты покоя, а я самъ... развѣ я знаю, что такое спокойствіе? Зачѣмъ она сдѣлалась моею теткой? Я велъ жизнь веселую и спокойную, терпѣливо ожидая тридцати тысячь годового дохода, которые должны были мнѣ достаться послѣ смерти моего добраго дядюшки. И вдругъ она подкопалась подъ мое мирное счастье, она лишила меня невинныхъ надеждъ, она довела меня до того, что я сдѣлался шпиономъ, самымъ ужаснымъ шпиономъ. И онъ, дядя мой, шестидесятитрехъ-лѣтній старикъ, который долженъ былъ заботиться о счастьи своего племянника, сдѣлалъ самый черныи поступокъ, оказалъ самую гнусную неблагодарность за всѣ мои попеченія о его драгоценномъ здоровьѣ. Онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, на кокеткѣ, которая не уважаетъ ни почтенныхъ сѣдинъ дяди, ни святости правъ племянника на его наслѣдство. И къ чему ему была жена? Развѣ я не былъ для него отцомъ, матерью, женою?... И потомъ... кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, когда я подумаю, что онъ можетъ сдѣлаться отцомъ... То есть, она можетъ сдѣлаться матерью!.. Что тогда? Я буду уничтоженъ, разоренъ, ограденъ... При этой мысли, свѣтъ темнѣетъ въ глазахъ моихъ... Я вижу вокругъ себя цѣлыя толпы маленькихъ

двоюродныхъ братьевъ, которые съѣдаютъ мои тридцать тысячъ. И къ тому же я вспоминаю отвѣтъ доктора Корвизара, когда одинъ великій человѣкъ спрашивалъ его, можетъ ли пожилой человѣкъ имѣть дѣтей: «Въ пятьдесятъ лѣтъ часто, въ шестьдесятъ иногда, въ семьдесятъ всегда!» А дядѣ моему шестьдесятъ три года!.. Нѣтъ! чортъ возьми! Я не допущу до этого!.. Я беру подъ свое покровительство голову моего дядюшки, который, какъ на зло мнѣ, нисколько не ревнивъ. Это ужасно! Это ни на что не похоже! Онь, по словамъ доктора Корвизара, долженъ навѣрно.... Но я здѣсь! я стою на стражѣ у домашняго спокойствія моего дяди! Я заставляю ее свято исполнять супружескіе обѣты, я сдѣлаю тетюшку мою добродѣтельною, даже противъ ея воли, потому что для меня эти два слова *тетюшка* и *добродѣтель*—враждуютъ между собою, не хотятъ жить вмѣстѣ, расходятся на зло мнѣ, но я заставлю ихъ соединиться! А! вы жалуетсяе на то, что я присматриваю за вами, почтенная тетюшка! А! вамъ не нравится это! Вы позволите гнѣваться на меня за то, что я спрятался въ вашъ шкафъ, а не знаете того, что я пріѣхалъ съ вами вмѣстѣ съ бала, сидя на запяткахъ вашей кареты, что я замѣчалъ каждое ваше слово, каждый взглядъ вашъ, что я перебивалъ во всѣхъ шкафахъ, печкахъ и сундукахъ вашей комнаты. Мнѣ показалось вчера, что вы очень выразительно мигнули этому подлиналѣ, который не отставалъ отъ васъ цѣлый вечеръ, какъ будто хотѣли сказать ему: до скорого свиданія! А я-то зачѣмъ былъ тутъ, развѣ я даромъ племянникъ моего дяди! Я тотчасъ же бросился нарушить это свиданіе, и хоть его и не было сегодня, все равно, осторожность не мѣшаетъ никогда. Докторъ Корвизаръ сказалъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Голубчикъ, Линевъ (*сходитъ съ правой стороны*).

Линевъ (*подходя къ Голубчику, который его не замѣчаетъ*).

А! что жъ такое сказалъ докторъ Корвизаръ?

Голубчикъ.

А! мой добрый дядюшка, мой милый, мой почтенный дядюшка!.. Докторъ Корвизаръ сказалъ великую истину, которую я не желаю однако видѣть.... Здоровы ли вы? Позвольте мнѣ обнять васъ....

(*Цѣлуются*).

Линевъ.

Помаленьку, помаленьку, брожу еще, какъ видишь.

Голубчикъ.

Ну, а главное: что, какъ голова ваша?

Линевъ.

Голова? Здорова! Что ей можетъ сдѣлаться?

Голубчикъ.

Здорова!.. Ну, слава Богу! Не говорите, однако, что ей можетъ сдѣлаться? Есть болѣзнь!.. докторъ Корвизаръ сказалъ..

Линевъ.

Я такъ крѣпко спалъ сегодня!

Голубчикъ (*въ сторону*).

Ну, вотъ.... скажите пожалуйста, я за него глазъ не смыкалъ всю ночь, а онъ спитъ, да еще крѣпко. (*Вслухъ*.) Знаете ли вы какъ это нездорово крѣпко спать, какъ это вредно, въ особенности для головы!..

Линевъ.

Что ты тутъ бредишь все о головѣ.... Вѣрно у тебя своя не въ порядкѣ....

Голубчикъ.

Что мнѣ своя? Я забочусь только о вашей, о вашей, слышите ли!

Линевъ.

Да отвяжись ты! Скажи-ка лучше, что сдѣлалось съ моею женой?

Голубчикъ.

Какъ, что сдѣлалось? Что вы хотите этимъ сказать? Ради Бога не пугайте меня! Это можетъ имѣть дурныя послѣдствія... Я этакъ могу умереть не дождавшись вашего на... вашего благословенія!

Линевъ.

Да что съ тобою сдѣлалось... Я спрашиваю тебя, не видалъ ли ты моей жены?

Голубчикъ.

Какъ не видалъ ли я? А развѣ она ушла куда нибудь, ее нѣтъ въ этомъ домѣ?

Линевъ.

Ну, куда ей уйти съ позаранка? Я хочу знать, отчего она не приходила сегодня поздороваться со мною. Вѣрно она занята чѣмъ нибудь?

Голубчикъ.

Занята? да кому же и знать объ этомъ, какъ не вамъ, ея мужу; вы должны слѣдить за нею, наблюдать ее.

Линевъ.

Та, та, та! Съ чего ты это взялъ? Я имѣю полную довѣренность къ женѣ моей; она дѣлаетъ все; что ей угодно, а сплю спокойно, обѣдаю исправно, чего же мнѣ еще больше!

Голубчикъ *(въ сторону)*.

Онъ спитъ, Господи! Спитъ надъ самой пропастью! Это ужасно!

Линевъ.

Съ тобою сдѣлалось что нибудь особенное. Дай-ка посмотрѣть на тебя... Да какъ ты разряженъ... Къ чему это ты издѣлалъ бальный костюмъ, такъ рано?

Голубчикъ.

Я еще не снималъ его со вчерашняго дня!... Я не спалъ цѣлой ночи!

Линевъ.

Не спалъ! А! Ну теперь я все понимаю!... Ты узналъ, что къ намъ пріѣхала

твоя невѣста—это другое дѣло. Бѣдняжка! какъ ты влюбленъ въ нее! Ну, да скоро все кончится. Свадьба твоя назначена на этой недѣль... Бери только примѣръ съ меня! Будь такимъ же добрымъ и довѣрчивымъ мужемъ, какъ я!

Голубчикъ.

Какъ вы? Чтобъ я... *(въ сторону)* Господи, Боже мой! Какъ бы мнѣ развевелить его... Онъ, просто, рыба, лягушка, камень! Довѣрчивымъ!... Но знаете ли вы, что женщина есть существо слабое и коварное, что она можетъ обмануть насъ...

Линевъ.

Можетъ!

Голубчикъ.

Что у насъ въ Россіи есть много молодыхъ и опасныхъ людей, противъ которыхъ правительство однако не издало закона. Эти люди изверги и преступники: они осмѣливаются любить чужихъ женъ.

Линевъ.

Что же? Это очень естественно...

Голубчикъ.

Очень естественно! Но вѣдь тогда мужья... *(Показываетъ на голову.)* Это также очень естественно.

Линевъ.

Это дѣло мужей! Они сами должны заботиться о своей чести!... Въ твои лѣта...

Голубчикъ.

Въ мои лѣта!... Положимъ! А въ ваши?

Линевъ.

Въ мои?

Голубчикъ.

Ну, да, да, въ ваши?

Линевъ.

Въ мои лѣта надобно имѣть довѣренность.

Голубчикъ.

Довѣренность, довѣренность!... Вы все бредите довѣренностью!... Докторъ Корвизаръ сказалъ...

Линевъ.

Отстань ты отъ меня съ своимъ докторомъ Корвизаромъ... Я пойду къ женѣ...

Голубчикъ.

Одно слово, еще одно слово, мой добрый дядюшка! Я такъ люблю васъ, вы должны исполнить мою просьбу... У васъ въ этомъ домѣ есть пустая квартира, которая сообщается съ вашей... Не правда ли, вы отдадите ее мнѣ?... вашему племяннику?

Линевъ.

Ты хочешь жить съ нами? Пожалуй! я не прочь! Только вотъ видишь ли ты, я рѣшительно ни во что не мѣшаюсь. Это зависитъ отъ моей жены. Кстати, вотъ и она! Ты можешь самъ попросить ее объ этомъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Голубчикъ, Линевъ, Линева.

Линева.

Ахъ! это вы, другъ мой! Здоровы ли вы? Хорошо ли вы спали?

Линевъ.

Спасибо! спасибо! мой ангельчикъ! Я шель къ тебѣ... Ты сегодня и не приходила поздороваться со мною!...

Линева.

Я виновата передъ вами!... Но мнѣ было столько хлопотъ съ Надею, убирать ея вещи, показывать ей гардеробъ... (Увидя Голубчика.) Какъ? вы еще здѣсь?...

Голубчикъ.

Да-съ. Желаніе видѣть моего почтеннаго дядюшку, родственныя обязанности...

Линевъ.

Ты кстати пришла, душа моя. Племянникъ мой имѣетъ до тебя небольшую просьбу...

Линева.

До меня?

Голубчикъ (тихо Линева).

Пожалуйста не говорите ей ничего.

Линевъ.

Это отчего? Жена моя очень добра, и вѣрно согласится на нее... Онъ хочетъ жить вмѣстѣ съ нами.

Линева.

Вмѣстѣ съ нами?... Что это значитъ? (Голубчику.) И вы имѣли дерзость просить объ этомъ моего мужа. (Линеву.) Я увѣрена, что не вы сдѣлали ему это предложеніе... Удивляюсь, какъ у него достало столько смѣлости. Знайте же, сударь, что этотъ человекъ присматриваетъ какъ шпионъ за каждымъ моимъ шагомъ, и другая на моемъ мѣстѣ давно бы подумала, что это дѣлается по приказанію мужа...

Линевъ.

Какъ? Что это значитъ?

Голубчикъ (въ сторону).

Ну, прекрасно! Она посорить меня съ дядей! Еще только этого недоставало!

Линевъ.

Онъ подсматриваетъ за тобою, этотъ негодяй!...

Голубчикъ.

Повѣрьте, что это изъ одного усердія, изъ одной любви къ вамъ.

Линева.

Я увѣрена, что вы ничего не знали объ этомъ. Ваша благородная довѣренность лучше всякихъ шпионовъ удерживаетъ меня отъ одной мысли о дурномъ поступкѣ; но согласитесь, что этотъ вѣчный надзоръ можетъ надоѣсть, особливо, когда его не заслуживаютъ. Если что можетъ заставить женщину позабыть свои обязанности, такъ это недовѣрчивость и подсматриваніе за ея поступками. Племянникъ вашъ, съ его обширнымъ умомъ, долженъ бы, кажется, понимать это!

Голубчикъ.

Она же еще смѣется надо мною!

Н. З.

Линева.

За женщиной присматривать украдкой,

Не значить ли обиду нанести?

А щенъе такъ заманчиво и сладко!

И женщины охотно любятъ мстить!

И если мужъ женѣ недоверяетъ,

Слѣдтъ за ней — ну какъ его простить?

И если онъ войну ей объявляетъ,

Такъ какъ его ирѣтно побдѣнтъ!

Голубчикъ (*въ сторону*).

Съ такими правилами... Дядя, дядя! Мечъ виситъ надъ твоею головою, или скорѣе, другое, ужасное орудіе.

Линевъ.

Такъ вотъ ты каковъ, Голубчикъ! Ты тиранъше жену мою, ты преслѣдуешь ее, не даешь ей покоя! Да знаешь ли, что я за это съ тобой сдѣлаю?

Голубчикъ.

Дядюшка! Не гнѣвайтесь, разсудите!..

Линевъ.

Простите его на этотъ разъ! Онъ самъ видитъ, какую смѣшную роль взялъ онъ на себя. Этотъ урокъ послужитъ ему въ пользу. Онъ самъ сбирается жениться, и долженъ знать, что думаютъ женщины о подобныхъ поступкахъ. (*Мужу.*) Другъ мой! насъ ожидаетъ завтракъ. Прощайте, мой милый племянникъ!

Линевъ (*уходя*).

Не хочешь ли и ты позавтракать съ нами?

Голубчикъ.

Покорно васъ благодарю, дядюшка! я сытъ. Вы уже угостили меня.

Линевъ.

Ступай, по крайней мѣрѣ, переодѣнься, а то въ этомъ парадѣ ты похожъ на чучелу.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Голубчикъ потомъ Ждановъ.

Голубчикъ.

Смѣйся! смѣйся! Несчастный старикъ, стоящій на краю пропасти... Фу, пропасть, еще я же осмѣянъ и униженъ, я, хранитель чести моего дяди, дѣйствующій изъ одной чистой и безкорыстной любви къ добродѣтели!... Что она не говори, а я твердо увѣренъ, что вчерашній франтъ ухаживаетъ за нею... Я какъ теперь его вижу.. онъ такъ смотрѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ проглотить.. онъ (*Оборачивается и видитъ вошедшаго Жданова*). Ахъ, Боже мой! что это! Караулъ! Это онъ! это....

Ждановъ (*въ сторону*).

Что съ вами? (*вслухъ*) Что это за чепуха? Чего вы испугались.

Голубчикъ.

Я... что со мной, то есть, что я... Вы не узнаете меня, государь мой, вы не зн... чему же вы смѣетесь?..

Ждановъ (*смѣясь*).

Извините!... Мнѣ теперь и самому кажется, что я гдѣ-то видѣлъ васъ, право не припомню....

Голубчикъ.

А я помню, понимаете ли вы! Я знаю васъ, очень хорошо... Что вамъ угодно?... Господинна Линева нѣтъ дома!..

Ждановъ.

Мнѣ это все равно, я хочу видѣть госпожу Линеву; въ передней мнѣ сказали, что она завтракаетъ, и я рѣшился подождать.

Голубчикъ.

А! вы хотите видѣть госпожу Линеву, вы знакомы съ ней?

Ждановъ.

Да! и очень!

Голубчикъ.

Очень!... (*въ сторону*). И подлѣ меня нѣтъ ни одного стула, на который бы я могъ опереться.

Ждановъ.

Я былъ другомъ ея отца...

Голубчикъ.

И теперь хотите быть другомъ мужа...

Ждановъ.

Послушайте, однако... вы мнѣ дѣлаете такіе странные вопросы... Позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю честь говорить? Вы вѣрно принадлежите къ этому семейству?

Голубчикъ.

Я... (*въ сторону*) Скрою кто я, а то онъ не признается въ любви своей (*вслухъ*). То есть вы хотите знать, кто я... Человѣкъ очень незначительный, маленькій (...Какая мысль! Мой нарядъ). Я танцевальный учитель-съ! Пришелъ сюда давать уроки одной дѣвушкѣ, родивъ госпожи Линевой... Стало быть, вы мнѣ смѣло можете признаться, что любите госпожу Линеву?

Ждановъ.

Тсъ... послушайте! вы съ ума сошли! Съ чего вы взяли?

Голубчикъ.

О! я тотчасъ же угадалъ!... Вы на меня смѣло можете положиться!... Я радъ помогать любовнымъ интригамъ. Это мое ремесло. Мы, танцевальные учителя, умѣемъ дѣлать антрша и хранить тайны. (*Дѣлаетъ антрша*). Легкость и скромность, вотъ мой девизъ.

Ждановъ.

Въ такомъ случаѣ, я могу вамъ открыться. Я точно люблю ее, но очень несчастливъ...

Голубчикъ (*въ сторону*).

Ага! попался, разбойникъ! Bravo, Голубчикъ! Вотъ что называется поддѣлъ молодца (*вслухъ*). Понимаю, понимаю, васъ еще до сихъ поръ водятъ одними обѣщаніями...

Ждановъ.

Совсѣмъ нѣтъ! Она просто слушать

меня не хочетъ... и такъ какъ тутъ должны быть какія нибудь причины, то... вы, почтеннѣйшій, потрудитесь мнѣ дать кой-какія свѣдѣнія о ея мужѣ. Что онъ за человѣкъ? Очень онъ старъ?

Голубчикъ (*въ сторону*).

Почтеннѣйшій! Смотри пожалуйста! Онъ со мною безъ церемоніи. Постой же, я удружу тебѣ! (*вслухъ*) Старъговорите вы? Нисколько... то есть на взглядъ... Но собственно говоря, это расчетливый человѣкъ, здоровья удивительнаго, свѣжъ, крѣпокъ, бодръ.

Ждановъ.

Но что жъ, онъ ревнивъ?

Голубчикъ.

Ревнивъ ли онъ? Это тигръ, левъ Африканскій, Отелло, минотавръ, который съ алчною радостью проливаетъ кровь своихъ соперниковъ, который убить человѣка считаетъ игрушкою, который кушается въ крови своихъ противниковъ, который...

Ждановъ.

Но, помилуйте, въ его лѣта?

Голубчикъ.

Въ его лѣта?... Его лѣта тутъ ничего не значатъ. Я уже вамъ сказалъ, что онъ колоссальнаго здоровья. Онъ старый солдатъ, сдѣлалъ восемь кампаній, имѣетъ двѣнадцать ранъ, взялъ двадцать шесть неприятельскихъ знаменъ, былъ въ тридцати сраженіяхъ...

Ждановъ.

Право?

№ 4.

Голубчикъ.

Свирѣль онъ, и золь онъ, и бѣшенъ!

Ждановъ.

Прекрасно!

Съ такимъ человѣкомъ я встрѣтиться радъ.

Голубчикъ.

Скорѣй уходите, что медлить напрасно, Повѣрьте, вамъ здѣсь оставаться опасно, Онъ тотчасъ навѣрно вернется назадъ.

Ждановъ.

Такъ я остаюся! Посмотримъ на чудо!

Голубчикъ.

Ужель вы хотите, чтобъ онъ васъ убилъ?
Онъ мѣтко стрѣляетъ....

Ждановъ.

И это не худо!

Голубчикъ.

Ну, вѣтъ! на его бы я мѣстѣ отсюда
Давно бы далеко ужъ былъ!

Такъ вы рѣшительно не хотите уйти
отсюда?

Ждановъ.

Ни за что на свѣтъ! Уйти, не выдав-
шись съ нею, не узнавши рѣшенія судь-
бы своей.... Сначала я боялся оскорбить
сѣдины этого человѣка, который называет-
ся ея мужемъ; онъ мнѣ казался такимъ
почтеннымъ старикомъ, но если онъ та-
кой герой, какимъ вы его описываете,
тѣмъ лучше! Я могу дѣйствовать смѣло и
рѣшительно.

Голубчикъ (*въ сторону*).

Кажется, я и тутъ все дѣло испортилъ.
Всѣ мои добродѣтельные планы не ведутъ
ни къ чему! Господи! подумаешь, отчего это
добродѣтельнымъ людямъ ничего не удает-
ся на свѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Голубчикъ, Ждановъ, Линевъ.

Линевъ.

А! ты здѣсь еще, племянникъ! Тѣмъ
лучше. Ты мнѣ нуженъ. Я вчера заказалъ
кой-какія бездѣлки для твоей невесты.
Поѣдемъ со мною вмѣстѣ, ты возьмешь ихъ
въ магазинъ и подарить ей.... (*Увидя
Жданова*). Ахъ, извините! Я сначала не
примѣтилъ васъ: глаза мои довольно пло-
хо видятъ.

Ждановъ.

Помилуйте.... я дождаюсь здѣсь....

(*Отводя въ сторону Голубчика*). Что
это за человѣкъ?

Голубчикъ (*тихо*).

Это онъ, тиранъ, чудовище!...

Ждановъ (*тихо*).

Онъ мнѣ кажется такимъ простакомъ.

Голубчикъ (*тихо*).

Тсъ! онъ притворяется! Посмотрите,
какъ онъ коварно смотритъ на васъ....
Погодите, я скажу ему нѣсколько
словъ....

Ждановъ.

Въ мою пользу?

Голубчикъ.

Разумѣется! (*Отводитъ въ сторону Ли-
нева*) На два слова.... Видите ли вы это-
го молодого человѣка?

Линевъ (*тихо*).

Вижу! онъ мнѣ очень нравится. Пре-
красная наружность.

Голубчикъ (*также*).

Нравится? прекрасная наружность! Это
извергъ, змѣй, василискъ....

Линевъ.

Я ничего этого не вижу!

Голубчикъ.

Вы ничего не видите? Мало ли чего
вы не видите? Этотъ коварный юноша
зналъ вашу жену еще до замужства;
онъ всякій день видѣлся съ нею.... онъ
хочетъ и теперь продолжать свое знаком-
ство....

Линевъ.

А.... очень пріятно, очень!... (*Хочетъ
подойти къ Жданову, Голубчикъ тя-
нетъ его къ себѣ*).

Голубчикъ.

Что вы? что вы? Очень пріятно! И это
называется мужемъ, и это имѣетъ же-
ну.... Понимаете ли вы: онъ вчера на ба-
лѣ цѣлый вечеръ танцевалъ съ вашей
женою.

Линевъ.

Онъ танцевалъ съ моею женою.... (*Под-*

ходитъ къ Жданову). Позвольте поблагодарить васъ, милостивый государь...

Ждановъ.

За что, сударь. (Въ сторону). Вѣрно танцевальный учитель расхвалилъ меня.

Голубчикъ (тянетъ къ себѣ Линева).

Помилуйте, что вы дѣлаете!

Линевъ.

Отстанешь ли ты отъ меня?... (Жданову). Если я могу вамъ чѣмъ нибудь услужить....

Ждановъ.

Помилуйте!... (Въ сторону). Я послѣ дамъ этому учителю что нибудь! Онъ поговорилъ въ мою пользу.

Голубчикъ (тянетъ къ себѣ Линева).

Господи, Боже мой! Да подумайте, что вы дѣлаете?... Выслушайте меня.

Линевъ.

Да что тебѣ надобно?

Голубчикъ.

Вѣдь этотъ человекъ пришелъ къ вашей женѣ.... Слышите ли вы?

Линевъ.

Слышу.... слышу.... (Жданову). Вы хотите видѣть жену мою?... Она сейчасъ будетъ.... Прикажете доложить о васъ?...

Ждановъ.

Покорно васъ благодарю; обо мнѣ уже докладывали. (Въ сторону). Онъ однако очень учтивъ.

Голубчикъ (тихо Линева).

Дядюшка! дядюшка! Вы сами себя готовите погибель, вы сами....

Линевъ.

Фу, ты несносный! Надобно хуже горькой рѣдьки.... Огвяжешься ли ты, наконецъ?... Вотъ, кстати, и моя жена!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Голубчикъ, Линевъ, Линева, Ждановъ.

Линева (въ сторону).

Онъ здѣсь, какая неосторожность!

Ждановъ (въ сторону).

Я опять увидѣлъ ее! О, какое счастье!

Голубчикъ (Линева).

Смотрите! смотрите!... Въ какомъ они смущеніи!... Надѣюсь, что вы не оставите ихъ однихъ....

Линевъ (Жданову).

Вы хотѣли видѣть жену мою, милостивый государь—вотъ она!

Ждановъ.

Я хотѣлъ только засвидѣтельствовать мое почтеніе Марьѣ Николаевнѣ, которую я давно уже имѣю честь знать....

Линевъ.

Вы извините меня, если я не могу остаться съ вами. У меня есть кой-какія дѣла....

Голубчикъ (въ сторону).

Что я слышу!

Линевъ.

Я долженъ ѣхать съ моимъ племянникомъ. (Показывая на Голубчика).

Ждановъ (въ сторону).

Что такое? Танцевальный учитель его племянникъ!

Голубчикъ (въ сторону).

Да онъ просто съ ума сошелъ, мой почтенный дядюшка, гдѣ это видано!

Линевъ (Линева).

Прощай, душа моя!... Я тебя оставляю. (Тихо). Этотъ господинъ хотѣлъ говорить съ тобою. (Голубчику). Что жъ ты племянникъ, готовъ?

Голубчикъ.

Но, дядюшка, мнѣ бы не хотѣлось!...

Линевъ.

Пустяки! Я тебѣ приказываю ѣхать со мною.

Ждановъ (подходя къ Голубчику, жметъ ему руку).

Не знаю какъ выразить вамъ мою благодарность: это все вы устроили.

Голубчикъ (въ сторону).

Отстаньте, пожалуйста, отъ меня!

Линевъ (въ дверяхъ).

Ну, что жъ ты!

(Уходитъ).

Голубчикъ.

Сию минуту!

Линева (въ сторону).

Столько довѣренности, благородства!...

Линевъ (за сценой).

Скоро ли ты?

Голубчикъ.

(Иду, чортъ возьми, иду!... (Въ сторону).

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Линева, Ждановъ.

Линева.

Какъ, сударь? Вы осмѣлились явиться сюда, въ домъ моего мужа?

Ждановъ.

О! не смотрите на меня такъ строго! Не разрушайте моего счастья, моей мечты. Видя васъ, я забываю объ этомъ ненавистномъ бракѣ; мнѣ кажется, что вы свободны, что мы попрежнему любимъ другъ друга....

Линева.

О! замолчите! Развѣ вы не чувствуете, что эти слова должны оскорблять меня! Я не должна болѣе ни слушать, ни видѣть васъ. Я уже сказала вамъ вчера на балѣ, что все кончено между нами.

Ждановъ.

Да, вчера, на балѣ я не успѣлъ ничего сказать вамъ.

Линева.

Я не хочу ничего слышать. Вы должны забыть все, что происходило между нами.

Ждановъ.

Мнѣ забыть тѣ дни, когда я любилъ и надѣялся, когда вы любили меня—о! не будьте такъ жестоки, оставьте мнѣ хоть воспоминаніе о нихъ.

Н. 5.

О прошлыхъ дняхъ я часто воспоминаю, и для чего целью ихъ воротить? Хотя васъ любить не должно мнѣ, я знаю! Но можно ль васъ, скажите, не любить? Пусть все мечты, надежды все напрасны, но ниши лишь мила мнѣ жизнь моя; Не говорю: зачѣмъ вы такъ прекрасны, но для чего люблю васъ страстно я?

Линева.

Вы должны забыть о вашей любви! Помните, что мы не могли принадлежать другъ другу: ни у васъ, ни у меня не было ни какого состоянія. Одно слово моего отца разрушило всѣ мечты и надежды. Онъ думалъ сдѣлать меня счастливою, сдѣлавши богатой....

Ждановъ.

И онъ ошибся, не правда ли?... Вы не счастливы, Марья Николаевна, вы несчастливы?...

Линева.

Нѣтъ! нѣтъ! съ чего вы это взяли?...

Ждановъ.

Но голосъ, какимъ вы мнѣ все это говорите, ваше волненіе, слеза, которая противъ вашей воли показалась на глазахъ у васъ! Марья Николаевна, не обманывайте меня, вы несчастливы!

Линева.

Вы видѣли мужа моего, этого добраго и благороднаго человѣка: онъ предупреждаетъ мои малѣйшія желанія, даетъ мнѣ полную свободу располагать моимъ временемъ, любить меня, какъ отецъ и супругъ.

N. 6.

Я вѣсь ему обязана на свѣтѣ,
 Опъ насъ меня заставилъ позабыть!
 За жизнь мою, за всѣ минуты эти,
 Могу ль его, скажите, не любить?
 Такъ для чего теперь воспоминанья,
 Уже ль должна роптать я на Творца?
 Уже ль должна за всѣ благодѣянья
 Я обмануть супруга и отца?

Ждановъ.

Но мужа вашего мнѣ описывалъ совершенно другимъ образомъ этотъ племянникъ или танцовальный учитель; я тутъ ровно ничего не понимаю.

Линева.

Я все объясню вамъ: это племянникъ моего мужа, который безъ моей воли защищаетъ меня отъ моихъ поклонниковъ, и вѣроятно представилъ моего мужа чудовищемъ, для того, чтобы поскорѣе удалить васъ отсюда...

Ждановъ.

Но я сказалъ ему, что пренебрегу всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы только увидѣться съ вами.

Линева.

Это вѣрно привело его въ отчаяніе. Но оставимъ его въ покоѣ. Скажите мнѣ, какимъ образомъ вы опять очутились въ Москвѣ? Вы вѣдь уѣхали, служили въ губерніи...

Ждановъ.

Тотчасъ послѣ вашей свадьбы. Могъ ли я поступить иначе? Отъ меня скрыли все: имя вашего мужа, мѣсто, куда вы переѣхали; мнѣ запретили видѣть васъ, и я уѣхалъ! Тамъ, въ деревнѣ, въ глуши деревни встрѣтилъ я дѣвушку, которая напомнила мнѣ васъ. Она была такъ же хороша собою, принимала во мнѣ участіе; но одна мысль полюбить эту дѣвушку напомнила мнѣ о васъ. Тоска сильнѣе заговорила въ моемъ сердцѣ: я бросилъ мое выгодное мѣсто, и пріѣхалъ сюда...

Линева (*смотря на дверь на право, которая тихо открывается*).

Тише!... Говорите тише.

Ждановъ.

Мнѣ нечего больше говорить. Вы знаете мое положеніе: одна служба давала мнѣ кусокъ хлѣба; я подалъ въ отставку для того только, чтобы увидѣть васъ.

Линева.

Что вы сдѣлали!... Вы все потеряли.... Надобно помочь вамъ.... Мужъ мой имѣетъ большія связи.

Ждановъ.

Вы хотите, чтобы я принялъ отъ него помощь! Никогда! Я ненавижу его...

Линева (*видя, что дверь шевелится*).

Тише.... насъ подслушиваютъ. (*Захлопываетъ дверь и запираетъ ее на ключъ*).

Ждановъ.

Что мнѣ за дѣло! Я не боюсь ничего! Я вижу васъ.

Линева.

Развѣ вы хотите погубить меня?...

Ждановъ.

Я! о, клянусь вамъ!...

Линева.

Я не требую вашихъ клятвъ! Между нами все кончено! Я уже сказала вамъ: ничто на свѣтѣ не заставитъ меня измѣнить своимъ обязанностямъ. Но я не должна давать повода клеветѣ и сплетнямъ. За мною присматриваютъ ежеминутно, я окружена самымъ бдительнымъ надзоромъ.... О, ради Бога, оставьте меня!

Ждановъ.

Вы видите, я угадалъ! вы несчастливы!

Линева.

Да, если вы здѣсь останетесь!

Но 7.

Ждановъ.

Я плу! Но васъ я снова здѣсь увижу?...

Линева.

Никогда!

Я теперь жена другого,
О любви, молю, ни слова!
И прощайте навсегда!

Ждановъ.

Мнѣ ль безъ васъ жить въ жалкомъ кругѣ,
Съ этой страстію въ крови?...

Линева.

Позабудемъ другъ о другѣ!
И обязанность супруги
Выше страсти и любви!

Вмѣствъ.

Ждановъ.

Такъ на вѣкъ я позабуду
Нашу прежнюю любовь,
Но безъ васъ одинъ не буду
Въ этой жизни счастливъ вновь!

Линева.

Такъ на вѣкъ вы позабудьте
Нашу прежнюю любовь,
И одинъ счастливы будьте
Безъ меня въ жизни вновь!
(Ждановъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Линева, потомъ Сашева, Голубчикъ
и Семень.

Линева (одна).

Какъ онъ любить меня!... а я! съ какою твердостью перенесла я эти ужасныя минуты, это опасное свиданіе. Я побѣдила себя, благодаря моему племяннику, который очень кстати пришелъ ко мнѣ на помощь.... (Отворяя дверь.) Его уже нѣтъ здѣсь! Впрочемъ, онъ можетъ быть и спрятался куда нибудь.

Сашева (входя).

Ахъ, Марья Николаевна, Марья Николаевна! Ахъ Боже мой!

Линева.

Что съ тобою, душа моя? Ты, кажется, такъ встревожена.

Сашева.

О! да еще бы нѣтъ! Послѣ того, какъ я съ нимъ встрѣтилась?

Линева.

Съ твоимъ женихомъ? Неужто это могло такъ взволновать тебя?

Сашева.

Съ моимъ женихомъ? Я о немъ и не думаю. Онъ, впрочемъ, сейчасъ подарилъ мнѣ прекрасный фермуаръ, но тотчасъ же и ушелъ, пробормотавъ что-то, чего я совсѣмъ не поняла.

Линева (въ сторону).

Это былъ онъ.

Сашева.

Только я рада совсѣмъ не этому подарку.... Я шла рассказать вамъ о немъ, какъ вдругъ здѣсь въ передней встрѣтила....

Линева.

Кого же?

Сашева.

Того молодого человѣка, о которомъ я вамъ говорила сегодня поутру....

Линева.

Какъ?... такъ это онъ?...

Сашева.

Еще бы не онъ! Я его очень хорошо знаю, какъ же ошибиться; онъ былъ такъ разстроенъ, что даже и не замѣтилъ меня, за то ужъ я очень хорошо разглядѣла.

Линева.

Боже мой! какой случай!... И ты.... ты любишь его?

Сашева (увидя Голубчика, который входитъ въ главную дверь и крадется вдоль стѣны).

Ахъ, тише, пожалуйста!... Мой женихъ идетъ!...

Линева.

Опять онъ!...

Сашева (тихо).

Это странно! Онъ такъ скоро убѣжалъ отъ меня, не сказавъ мнѣ ни слова, и те-

перъ вошелъ такъ осторожно... ахъ... смотрите, онъ спрятался на балконъ. (Голубчикъ прячется за занавѣсомъ балкона.)

Линева (тихо).

Тше! тше! Не оборачивайся! не замѣчай его! Какая дерзость!... Я отплачу ему за это. (Идетъ къ столу и звонитъ.)

Семенъ (входя).

Что прикажете, сударыня?

Линева.

А! Семенъ!... Сейчасъ отсюда вышелъ молодой человекъ.

Семенъ.

Точно такъ-съ. Онъ остановился въ швейцарской, и пишетъ какую-то записку.

Линева.

Тѣмъ лучше. Попроси его опять ко мнѣ. Скажи, что я забыла дать ему одно порученіе....

Семенъ.

Слушаю-съ! (Уходитъ.)

Сашева (тихо Линевои).

Ахъ, Марья Николаевна. Вы, пожалуйста, ему ничего не говорите о томъ, что я вамъ сказала!

Линева.

Не бойся!... У насъ съ нимъ совсѣмъ другія дѣла. Ступай въ свою комнату, и ложись во всемъ на меня....

Сашева.

Какъ вы добры, Марья Николаевна... (Тихо.) Онъ все еще сидитъ тамъ за занавѣсомъ, мой женихъ!...

Линева.

Хорошо! хорошо! Ступай! (Сашева уходитъ на лѣво.)

Голубчикъ (выставляя голову изъ за завѣсы).

Ого! ого!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Линева, Ждановъ, Голубчикъ спрятавшись.

Ждановъ.

Боже мой! какое счастье!... вы велѣли позвать меня!

Линева.

Да! я... виновата передъ вами... передъ вашей любовью; я слишкомъ строго обошлась съ вами, отняла у васъ надежду....

Ждановъ.

Что я слышу?...

Линева.

Я должна была поступать такимъ образомъ. Насъ подслушивали, да! а теперь... теперь мы одни! я позволяю говорить вамъ о любви вашей, позволяю любить меня такъ, какъ я сама люблю васъ.

Ждановъ (бросаясь на колѣни).

О! я съ ума сойду отъ радости! Вы любите меня!...

Голубчикъ (изъ-за завѣсы).

О! о! о!

Линева.

Мнѣ послышался чей-то голосъ!...

Ждановъ.

Нѣтъ! нѣтъ! Мы одни!... Я слышала только одно, что вы меня любите! Это слово наградило меня за всѣ мои мученія, утѣшило, оживило меня! Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!...

Линева.

Теперь вы увѣрены въ любви моей. Встаньте же, и опять уйдите отсюда. Мужъ мой скоро вернется....

Ждановъ.

Еще одну минуту...

Линева.

Нѣтъ! нѣтъ! Послѣ... въ другомъ мѣстѣ... здѣсь и у стѣны есть уши, и даже

очень длинныя уши!... Но мы увидимся... я вамъ обѣщаю это.

Ждановъ.

Какъ мнѣ благодарить васъ.... Но когда же, скоро ли?

Линева.

Скоро, очень скоро.... Ступайте же.

Голубчикъ.

О! о! о!

Ждановъ.

Я не прощаюсь съ вами! мы еще увидимся?

Линева (*уходя въ свою комнату на льво*).

Непремѣнно! (*Уходитъ*.)

Ждановъ (*вслпдъ ей*).

Сегодня же, не правда ли, сегодня же? Не отвѣчаетъ! все равно!... Я увижу ее сегодня же. (*Бросается въ главный дсери, но Голубчикъ выбываетъ изъ-за завѣсы и схватываетъ его*.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Ждановъ, Голубчикъ.

Голубчикъ (*держа его*).

Сегодня! извергъ! сегодня! возмутитель общественнаго спокойствія!... Человѣкоубійца!...

Ждановъ.

Что это значить? Выпустите ли вы меня?.. Какая дерзость! Что вамъ отъ меня надобно?

Голубчикъ.

Что мнѣ надобно? И онъ объ этомъ спрашиваетъ, онъ, который разрушилъ мое счастье, мое спокойствіе!

Ждановъ.

Да что вы, на чемъ помѣшались?

Голубчикъ.

На чемъ помѣшался? А! скажите пожалуйста, онъ еще смѣется надо мною! На

чемъ помѣшался? На нравственности, сударь, на добродѣтели! Понимаете ли вы — я все слышалъ, я сидѣлъ тутъ, за завѣсою, невидимымъ свидѣтелемъ, живою совѣстью преступниковъ...

Ждановъ.

Какъ? вы подслушивали? Какая гадость!... Вы должны, сударь, дать мнѣ удовлетвореніе. Кто вы такой, племянникъ, танцевальный учитель, сумасшедшій, мнѣ все равно!.. Вы должны драться со мною.

Голубчикъ.

Я... я буду драться съ вами? А если вы меня убьете, кто жъ тогда останется защищать невинность? Жизнь моя нужна для нравственности. Я, сударь, защитникъ добродѣтели, и не хочу, чтобы она плакала по мнѣ, когда я погибну...

Ждановъ.

Если вы такъ низки, что не хотите раздѣлаться со мною, благороднымъ образомъ, то не смѣйте вмѣшиваться въ дѣла, которыя до васъ не касаются...

Голубчикъ.

Раздѣлаться благороднымъ образомъ? Вы это называете благороднымъ образомъ? Посягать на жизнь человѣка есть дѣло законопреступное, государь мой. Дуэли запрещены Правительствомъ, государь мой. Они суть дѣло безнравственное, а я стою за нравственность, государь мой!

Ждановъ.

Такъ оставьте меня въ покоѣ, и убирайтесь отсюда.

Голубчикъ.

Оставить васъ въ покоѣ совершить преступленіе, оскорбить добродѣтель, потому что моя тетушка есть тоже добродѣтель въ своемъ родѣ. Убираться отсюда, мнѣ, племяннику моего дяди!..

Ждановъ.

Перестанете ли вы кричать! Я вамъ зажму ротъ.

Голубчикъ.

Зажать ротъ добродѣтели и нравствен-

ности! Попробуйте! Я стану кричать, стучать, топтать ногами, ломать стулья, звать на помощь! А! вы думали безнаказанно внести оскорбленіе въ домъ моего дяди, обольстить жену его...

Ждановъ (*схватывая его за руку*).

Это ужъ слишкомъ! Молчи, негодай.

Голубчикъ (*стараясь освободиться*).

Караулъ! добродѣтель бьютъ, добродѣтель оскорбляютъ, добродѣтель рѣжутъ... Увы!..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Голубчикъ, Ждановъ Линева.

Линева (*прибѣгал*).

Что это? что за крикъ! Господа? что съ вами.

Голубчикъ (*вырываясь изъ рукъ Жданова*).

Дядюшка! добрый дядюшка! это вы! Помогите! Спасите въ лицѣ вашего племянника нравственность и добродѣтель!

Ждановъ.

Если вы скажете хоть одно слово...

Голубчикъ.

Двадцать одно, сто одно: А! вы думали зажать ротъ добродѣтели!..

Линева (*становясь между ими*).

Да что такое случилось?..

Голубчикъ.

О! вы тотчасъ же все узнаете... я вамъ расскажу все по порядку... это и до васъ касается...

Ждановъ.

Увѣряю васъ, что этотъ человѣкъ сошелъ съ ума...

Голубчикъ.

Я сошелъ съ ума? я!.. да! признаюсь, было съ чего сойти!..

Ждановъ.

Видите ли, онъ самъ признается...

Линева.

Ну, да въ чемъ же дѣло, наконецъ?

Голубчикъ.

Дѣло въ томъ, что я спрятался здѣсь на балконѣ...

Линева.

Спрятался?

Ждановъ.

Еще разъ прошу васъ...

Голубчикъ.

Отвяжитесь! И оттуда все видѣлъ и слышалъ.

Линева.

Ну, а что жъ такое ты видѣлъ и слышалъ?..

Ждановъ (*ему*).

Умоляю васъ не вѣрьте ему!..

Голубчикъ.

Слушайте! слушайте!.. Вотъ что видѣлъ я: этотъ господинъ стоялъ на коленяхъ передъ моею женою, вашей тетуской, нѣтъ передъ вашей женою и моею тетуской, вотъ такъ (*бросается на колѣни передъ Линевою и схватываетъ его за руку*). Онъ жалъ ея руку!..

Ждановъ.

О! можетъ ли что быть ужаснѣе моего положенія?..

Голубчикъ.

Онъ говорилъ ей (*подражая изъ голоса*): О! я съ ума сойду отъ радости! Вы любите меня!..

Линева.

Но моя жена... моя жена...

Голубчикъ.

Ваша жена?.. О, она такъ была довольна этимъ признаніемъ, такъ нѣжно подала ему руку, очень умильно сдѣлала

ему глазки и отвѣчала: я позволяю вамъ любить меня, такъ какъ сама люблю васъ...

Ждановъ.

Это ужъ слишкомъ! Повѣрьте, что этотъ бездѣльникъ жжетъ.

Голубчикъ.

Я лгу, я бездѣльникъ!. И это все для васъ, дядюшка, для добродѣтели...

Линевъ (Жданову).

Ахъ, сударь... и въ то время, какъ я довѣрялъ вамъ... оставлялъ васъ нарочно однихъ...

Ждановъ.

Увѣряю васъ, что все это выдумка этого клеветника, но если вы не вѣрите мнѣ, я знаю чего отъ меня требуетъ долгъ и честь... и такъ какъ вы старый солдатъ и любите пороховой дымъ...

Линевъ.

Я старый солдатъ?.. Помилуйте, я вѣкъ свой служилъ по счетной части, и отроду не стрѣлялъ ни разу.

Ждановъ.

Но мнѣ сказалъ этотъ господинъ...

Голубчикъ.

Только для того, чтобы испугать васъ.

Ждановъ.

Это переходитъ границы моего терпѣнія!. Я боюсь за себя и не поручусь на минуту за свое хладнокровіе... Мы еще увидимся. (Уходитъ).

Голубчикъ.

Ушелъ... Слава Богу — я начиналъ уже беспокоиться, чтобы моя любовь и нравственность не завлекли меня слишкомъ далеко.

Линевъ.

Кто бы могъ ожидать этого!

Голубчикъ.

Ну, что, увѣрились ли вы теперь?..

Линевъ.

Да! теперь мнѣ остается только спросить у моей жены, правда ли это?

Голубчикъ.

Скажите, пожалуйста! Только этого не доставало! Ну, да скажетъ ли она вамъ правду?

Линевъ.

Молчи, пожалуйста. Она ничего не скроетъ отъ меня.

Голубчикъ.

Увѣренъ таки! рѣшительно увѣренъ, Господи! да неужто ты на всѣхъ мужей посылаешь такое ослѣпленіе!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Линевъ, Линева Голубчикъ.

Линева (входитъ).

Я искала васъ, другъ мой; Боже мой... Что это съ вами?.. Какое у васъ странное лице!

Линевъ.

Какъ? странное лице?..

Голубчикъ (въ сторону).

Ужъ не начали ли у него пробиваться?

Линева.

И у моего племянника тоже?

(Смѣется).

Голубчикъ.

Какъ, и у меня тоже?.. У меня-то по какой причинѣ?..

Линевъ.

Кажется, она смѣется надъ тобою?.. А!

Голубчикъ.

Вы смѣетесь, тетушка? Вамъ смѣшно это, тетушка?

Линева.

Да! я смѣюсь надъ тѣмъ, какъ удачно подшутила надъ вами!

Голубчикъ.

Подшутила? вы называете это шуткой?

Линевъ.

Но, душа моя, сейчасъ откуда вышедъ молодой человекъ.

Линева.

А! вы его видѣли?

Голубчикъ.

Да, мы его видѣли, и я также, я все видѣлъ.

Линева.

О, я знаю! Вы сидѣли спрятавшись за завѣсой.

Линевъ.

Какъ, ты знала это?

Линева.

Разумѣется! Развѣ я бываю когда нибудь одна? Развѣ племянникъ мой не всегда со мною, развѣ онъ не прячется поминутно куда ни попало, въ шкафъ, за дверь, на балконъ, въ ящикъ...

Линевъ.

Племянникъ! знаешь ли ты, какъ это дурно? Мнѣ кажется, что я ужъ разъ запретилъ тебѣ это?..

Голубчикъ.

Давѣдъ это ни на что не похоже, дядюшка!.. Ясейчасъ оказалъ вамъ услугу, открылъ ужасный замыселъ, и вы же браните меня!

Линевъ.

Постой, постой... Да, душа моя, мнѣ бы хотѣлось знать, зачѣмъ этотъ молодой человекъ становился передъ тобой на колѣни?..

Голубчикъ.

Да, зачѣмъ онъ становился? Тоже вѣрно для шутки? Не правда ли?

Линева.

Выслушайте меня. Господинъ Ждановъ давно знакомъ съ нашимъ домомъ! Онъ былъ лучшій другъ моего покойнаго батюшки. Оставивъ свое мѣсто въ губерніи, онъ пріѣхалъ въ Москву, желая вступитъ здѣсь въ службу. Не зная къ кому обратиться, не имѣя протекціи, онъ вспомнилъ обо мнѣ, и зная, что вы имѣете большія знакомства, пришелъ просить меня, чтобы я постаралась черезъ васъ достать ему какое нибудь мѣсто.

Линевъ.

А, это очень ясно! Теперь я понимаю!

Голубчикъ.

Очень ясно! Господи! Ну, похоже ли это на правду—просить мѣста... ну, а на колѣни-то зачѣмъ онъ становился—тоже просить чего нибудь?

Линевъ.

Да! вотъ это немножко странно! Зачѣмъ ему было становиться на колѣни?

Линева.

Онъ просилъ меня еще объ одномъ дѣлѣ, очень важномъ; теперь еще я не могу сказать вамъ въ чемъ состояла его просьба, но онъ завтра же будетъ и васъ самихъ просить объ этомъ.

Линевъ.

И меня тоже?

Голубчикъ (*въ сторону*).

О Сирена! о коварная женщина! о злополучный дядя!

Линева.

Да, вы одни можете исполнить его просьбу. Я отвѣчала даже сначала, что совсемъ не хочу вмѣшиваться въ это дѣло, но замѣтя, что нашъ племянничекъ сидитъ за завѣсою, велѣла опять позвать Жданова, и сказала, что сама буду стараться о его дѣлѣ, а такъ какъ оно очень важно, то онъ въ восторгъ бросился передо мной на колѣни, чтобъ поблагодарить меня..

Линевъ.

А, понимаю... да, да, да, а племянникъ мой, сидѣвши за завѣсою, вообразилъ себя... ха! ха! ха!

Линева.

Не правда ли, какъ онъ смѣшонъ! ха! ха! ха!

Голубчикъ (*смѣясь нарочно*).

Ха! ха! ха! очень смѣшно! чрезвычайно смѣшно!.. (*въ сторону*) Змѣя, аспидъ.

ЛИНЕВА.

Это отучить его подсматривать за мною, ха! ха! ха!

ЛИНЕВЪ.

Посмотри, какъ онъ растерялся, ха! ха! ха!

ГОЛУБЧИКЪ.

Но, послушайте, любезный дядюшка, дорогой дядюшка! братъ моей матери! Подумайте: естьли тутъ хоть искра вѣроятія, правдоподобія, истины. Что это за дѣло, о которомъ тетушка моя не можетъ сказать...

ЛИНЕВА (мужу).

Если вамъ угодно, другъ мой, я сейчасъ же все расскажу.

ЛИНЕВЪ.

Я вѣрю тебѣ, мой ангелъ, къ чему же?

ГОЛУБЧИКЪ.

Очень бы любопытно было послушать.

ЛИНЕВА.

Очень жаль, только что вы этого не услышите. Пойдемте ко мнѣ, другъ мой, я все расскажу вамъ.

ЛИНЕВЪ.

Но зачѣмъ же?..

ЛИНЕВА.

Нѣтъ! я хочу вполне разувѣрить васъ и доказать какъ иногда шпіонство дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ...

ГОЛУБЧИКЪ (въ сторону).

Я смѣшонъ! Я! Торжествуй порокъ! Но не на долго! Я обличу тебя.

ЛИНЕВЪ.

Я иду, душенька... но чуть было не забылъ; мнѣ надобно еще взять денегъ изъ Банка, вотъ по этому билету... чловѣка послать нельзя.

ЛИНЕВА.

Но чего же лучше, вотъ вашъ племянникъ можетъ съездить...

ГОЛУБЧИКЪ (въ сторону).

Что? Какъ? Она хочетъ освободиться отъ меня, выжить меня отсюда?

ЛИНЕВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! Ты поѣдешь, племянникъ, я прикажу заложить для тебя мои дрожки...

ГОЛУБЧИКЪ.

Но, милый дядюшка, развѣ вы не чувствуете, не понимаете...

ЛИНЕВЪ.

Ты долженъ меня слушаться! Негодяй этакой! Долженъ стараться приобрести мое расположеніе, а не ссорить меня съ моею женою. Вотъ, божусь тебѣ, что я это въ послѣдній разъ прощаю тебѣ.

ЛИНЕВА.

Пойдемте же, другъ мой.

(Уходитъ).

ГОЛУБЧИКЪ (останавливая Линева).

Постойте. Одно слово, любезный дядюшка! Если я вамъ докажу, что я правъ, заставлю васъ собственными глазами смотрѣть на ихъ свиданіе... что вы тогда скажете?

ЛИНЕВЪ.

Что жъ я скажу тогда... Ну, я увижу, что тамъ надобно будетъ сказать....

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ГОЛУБЧИКЪ, потомъ Сашева.

ГОЛУБЧИКЪ.

Это просто неслыханное дѣло! Если всѣ мужа на него похожи, такъ я могу поздравить всѣхъ женъ. Это ужъ будетъ роскошь съ ихъ стороны, если онѣ будутъ добродѣтельны.... Я докажу однако моему дядюшкѣ, противъ его воли, непостоянство супружескаго счастья и коварство жены его... (Увидя Сашеву, входящую съ лѣвой стороны). А! моя невѣста!...

САШЕВА (въ сторону).

Ахъ, Господи! это мой женихъ.

(Вслухъ). Извините... я не ожидала встрѣтить васъ... Я искала...

Голубчикъ.

Кого же вы искали?... Вѣрно мою тетушку?...

Сашева.

Да, ес!...

Голубчикъ.

Ну, что жъ, это хорошо... это прекрасно!... Надобно искать ее какъ можно чаще, всегда, каждую минуту. Не надобно никогда оставлять ее одну. (Въ сторону). О! какая гениальная идея, она будетъ помогать мнѣ!...

Сашева.

Никогда! къ чему это?

Голубчикъ.

Къ тому, чтобы строго наблюдать за ея нравственностью и добродетелью... Это, видите ли, необходимая основа всѣхъ гражданскихъ обществъ, цѣпь, связывающая раздѣльныхъ членовъ общества съ цѣлымъ организмомъ государства...

Сашева.

Что такое вы мнѣ тутъ говорите, я ничего не понимаю!...

Голубчикъ.

Ахъ, Господи! кажется, я говорю ясно. (Въ сторону). Куда какъ непонятливы всѣ эти дѣвчонки до свадьбы, а послѣ свадьбы проведутъ хоть кого. (Вслухъ). Ну... видѣли ли вы молодого человѣка, который приходилъ къ моей тетушкѣ?

Сашева.

Молодого человѣка? видѣла; ну, что жъ?...

Голубчикъ.

Ну, то, что этотъ молодой человѣкъ не человѣкъ, а пзвергъ, что онъ злодѣй, душегубецъ.

Сашева.

Полноте! это все не правда!

Голубчикъ.

Не правда! какъ не правда! Знаете ли,

что онъ хочетъ заставить мою тетушку нарушить супружескую вѣрность? Знаете ли вы, что значитъ нарушить супружескую вѣрность?

Сашева.

Нѣтъ, не знаю!

Голубчикъ.

Ахъ, Господи, ничего не знаетъ! Ну, какъ же мнѣ вамъ объяснить это?... Онъ, просто, влюбленъ въ нее, понимаете ли вы, что значитъ влюбленъ...!

Сашева.

Какъ же, очень понимаю, да неужто онъ влюбленъ въ нее?...

Голубчикъ.

И еще какъ?.. Я засталъ его здѣсь на коленяхъ передъ моею тетушкой, онъ изъяснился ей въ любви.

Сашева.

Ахъ, Боже мой! Какъ же это можно?

Голубчикъ.

Неправда ли: ваше чистое и непорочное сердце ужасается такому упаду нравственности... Но, что еще ужаснѣе: тетушка моя отвѣчала, что сама любитъ его!...

Сашева (плача).

Что же это такое? На что же это похоже?

Голубчикъ.

Плачьте, плачьте! существо непорочное, дочь природы! Такой поступокъ можетъ оскорбить вашу ангельскую чистоту... видите, я плачу вмѣстѣ съ вами!

Сашева.

Да послушайте, мнѣ кажется все это неправда?

Голубчикъ.

Какъ неправда, отчего неправда?...

Сашева.

Да, вы сказали, что тетушка ваша любитъ его, этого молодого человѣка... да какъ же ей любить его, вѣдь у нея есть мужъ....

Голубчикъ.

Ну, такъ что жъ изъ этого?... Развѣ ей ужъ и нельзя любить другаго...

Сашева.

Разумѣется нельзя, вѣдь она должна любить одного мужа.

Голубчикъ (*въ сторону*).

Фу, ты Господи! Какая безтолковая!

№ 8.

Такъ въ свѣтъ водится, ей, ей!...

Да вы меня поймете, что ли:

Любить по должности мужей—

Ну, а другихъ изъ доброй воли!

Сашева.

Да какъ же это можетъ быть,

Да и чего ей не достало?

Ей мужа надобно любить;

А одного ей развѣ мало?

Голубчикъ.

Положимъ, наврѣтъ, что я

Не нравлюсь вамъ теперь.

Сашева.

Нисколько!

Голубчикъ.

Но все таки вѣдь за меня

Вы вышли за мужъ бы, и только!

Сашева.

Ну, по неволѣ! Какъ же быть!

Голубчикъ.

А если бъ вы теперь другаго

Любили?

Сашева.

Что же, разлюбить

Не знаю средства ни какаго!

Голубчикъ.

Хоть этого и никогда

Не можетъ быть, но что за дѣлю!

Вы что бы сдѣлали тогда?...

Сашева.

Ну, я тогда бы посмотрѣла!...

Голубчикъ.

Что посмотрѣли? Чего тутъ смотрѣть!...
Вы просто ничего не понимаете!

Сашева.

Нѣтъ! я очень хорошо поняла, что
Марья Николаевна любить его... О! это
ужасно!

Голубчикъ.

Да! этому надобно препятствовать, стараться помѣшать всеми силами... если бы вы иногда такъ присматривали.. за ней, подслушивали... Я тоже это дѣлаю; какую прекрасную пару мы бы составили: мы жили бы душа въ душу...

Сашева.

Да вѣдь это очень дурно!

Голубчикъ.

Напротивъ, очень хорошо! Вы еще не понимаете истинной нравственности... я вамъ ее растолкую.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Голубчикъ, Сашева, Линева.

Линева.

Васъ дожидаются дрожки, любезный племянникъ. (*Отдавая ему бумагу*). Вотъ вамъ билетъ моего мужа, съездите въ Банкъ.. да, пожалуйста, не торопитесь, тѣмъ болѣе, что и мужъ мой не скоро воротится; онъ пошелъ просить объ этомъ молодомъ человѣкѣ, который васъ такъ напугалъ.

Голубчикъ (*въ сторону*).

О, верхъ безстыдства! сама еще надъ этимъ смѣется! И какъ хитро все придумано, чтобъ удалить меня и мужа, и остаться одной!

Линева.

Ты, мнѣ кажется, Надя, еще не привела въ порядокъ своего гардероба. Займись этимъ, покамѣстъ еще не совсѣмъ смерклось.

Голубчикъ (*подастъ ей знакъ и кашлетъ*).

Гмъ! гмъ!...

Линева.

Вы еще не уѣхали?

Голубчикъ.

Я вду.... вду!

Сашева.

Я бы хотѣла остаться съ вами, Марья Николаевна?

Линева.

Зачѣмъ это, душа моя? Ты мнѣ не нужна.... ступай и займись своимъ дѣломъ.

(Голубчикъ опять дѣлаетъ знаки).

Сашева (въ сторону).

Нѣтъ! я не хочу за ней присматривать! Женить мой злой челоуѣкъ, и все это выдумалъ про нее!

(Уходитъ).

Линева (Голубчику).

Вы еще здѣсь?

Голубчикъ (съ досадою отворяетъ дверь).

Ухаль! ухаль!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Линева (одна), потомъ Ждановъ.

Линева.

Что это значитъ? Что за знаки подавалъ Надѣ мой племянникъ? О чемъ они говорили? Ужъ не рассказалъ ли онъ ей?... Отъ него станется.... Мнѣ однако надобно разувѣрить Жданова. Я дурно сдѣлала, что призвала его во второй разъ.... Но, что жъ дѣлать. Мнѣ хотѣлось отомстить моему племяннику.... Что это? что за шумъ? (На балконъ показывается Ждановъ). Боже мой! Это онъ! опять! Зачѣмъ вы здѣсь?... Оставьте меня!

Ждановъ.

Успокойтесь, онъ не видалъ меня! Не моя вина, что я являюсь къ вамъ черезъ балконъ: я хотѣлъ войти въ дверь, но увидя, что онъ выходитъ изъ нее, бросился въ вашъ садъ, зная, что если онъ увидитъ меня, непременно помѣшаетъ

нашему свиданію. Въ саду былъ балконъ, подъ балкономъ скамейка, и я....

Линева.

Но зачѣмъ вы пришли сюда? Кто звалъ васъ? Что вамъ угодно?

Ждановъ.

Васъ ли я слышу! Не вы ли сами говорили.... что любите меня.... а.... вѣрно вы боятесь вашего племянника? (Смотритъ въ окно). Онъ скачетъ, какъ сумасшедшій, и непременно сломитъ или шею или дрожки....

Линева.

О, какое мнѣ до него дѣло! Я не боюсь его, потому что не люблю васъ, потому что никогда не любила васъ, потому что говорила вамъ это только для того, чтобы отомстить моему племяннику за его шпіонство. Онъ подслушивалъ не въ первый, а во второй разъ.

Ждановъ.

Какъ мнѣ понять васъ? Третій разъ вижу я сегодня съ вами, и всякій разъ вы обращаетесь со мною различнымъ образомъ. То насъ подслушиваютъ, то нѣтъ. Чему же наконецъ я долженъ вѣрить?

Линева.

Я виновата передъ вами, потому что вздумала шутить вашей любовью, обманывать васъ. Но, ради Бога, оставьте меня!

Ждановъ.

Какъ! неужели вы меня обманывали! Неужели.... О! это ужасно!... Я такъ любилъ васъ!

Линева.

Не говорите мнѣ ни слова о любви! Я прошу васъ... Развѣ вы хотите, чтобы я обманула моего мужа?...

Ждановъ.

О! вы любите меня! Я хочу, я долженъ вѣрить этому. Меня убьетъ одна мысль о томъ, что вы могли смѣяться надо мной!

Линева.

Нѣтъ! нѣтъ! вы ошибаетесь! Я люблю васъ, но теперь одна мысль объ этой любви приводитъ меня въ ужасъ. Мы должны разстаться навсегда!... Это необходимо! Здѣсь есть другая... прекрасная и умная, которая любитъ васъ и сдѣлаетъ счастливымъ!

Ждановъ.

Я могу быть счастливъ только подлѣ васъ! Я люблю только васъ!

Линева.

А Надю Сашеву?

Ждановъ.

Боже мой! Кто вамъ сказалъ объ этомъ?

Линева.

Она сама! она здѣсь! Живетъ у насъ. Развѣ вы не любите ее?

Ждановъ.

О! нѣтъ! Это правда, что въ глуши уѣзднаго города она правилась мнѣ, но я боялся измѣнить любви моей къ вамъ, и уѣхалъ отъ нее.

Линева.

Вы очень дурно поступили. Я не требовала этой жертвы... Она васъ любитъ. Забудьте меня и женитесь на Сашевой!

Но 9.

Ужели я могла въ васъ ошибиться?

Нѣтъ, вы должны мнѣ жертву принести.

Меня забыть, со мной на вѣкъ проститься, и отъ самой себя меня спасти!...

Хотите ль вы, чтобъ насъ оклеветала

Молва, чтобъ я блѣднѣла передъ ней?...

Я васъ молю, и неужели мало

Любви ея и дружбы вамъ моей?...

Ждановъ.

Но, отказаться отъ васъ навсегда, отъ моихъ надеждъ!

Линева.

Которыя никогда не сбудутся?... Подумайте только, къ чему приведетъ васъ эта любовь?... Я никогда не рѣшусь измѣнить супружескому долгу, вы будете вѣчно преслѣдовать меня, страдать и му-

читься—я борюсь съ своими чувствами, и кто знаетъ, чѣмъ все это кончится?... Я васъ знаю, вы человекъ благородный, вы поняли меня, вы соглашаетесь.... (*Слышенъ шумъ*). Боже мой! Это вѣрно онъ, мой неизбѣжный племянникъ.

Голубчикъ (*за сценой*).

Отстанете ли вы, дурачье?...

Ждановъ.

Онъ опять скажетъ вашему мужу.... Куда мнѣ спрятаться? А! на его же мѣсто. (*Бросается на балконъ*).

Линева.

Когда я избавлюсь отъ него?...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Ждановъ (*на балконъ*), Линева, Голубчикъ (*весь въ грязи*), потомъ Семенъ

Голубчикъ (*въ кулисы*).

Нашли чему смѣяться! Какъ это глупо! Со всякимъ можетъ случиться.... А!... (*въ сторону*.) Никого! (*вслухъ*) Мое почтеніе, любезная тетушка.

Линева.

Я желаю знать, любезный племянникъ, кто вамъ далъ право являться ко мнѣ въ такомъ видѣ?

Голубчикъ.

Оно, конечно... это немножко странно... но когда вы узнаете причину.... (*Въ сторону*.) Кажется, ему бы тутъ некуда спрятаться.

Линева.

Я хочу только знать, зачѣмъ вы сюда пожаловали?

Голубчикъ.

Вы тотчасъ узнаете!.. Я поѣхалъ отсюда прямо въ Банкъ, взявъ деньги и поелъ тѣль назадъ, какъ Эоль, не смотря на всѣ крики и ругательства, которыми меня осыпали, зацѣпляя на каждомъ шагу за кареты и коляски....

Линева.

И все это для того, чтобы скорѣе сюда вернуться.

Голубчикъ.

Чтобы скорѣе увидите васъ, милая тетушка! Но почти у самаго вашего дома, дрожки—кракъ, колесо на бокъ, и я полетѣлъ прямо въ грязь... Мнѣ кажется страннымъ, что ваши люди стали смѣяться надъ моимъ несчастіемъ.

Линева.

Мнѣ кажется страннымъ то, что они пустили васъ ко мнѣ въ такомъ видѣ.

Голубчикъ.

Позвольте, однако...

Линева.

Я ничего не позволяю вамъ! Прошу васъ отправиться чиститься куда вамъ угодно.

Голубчикъ.

Но, позвольте вамъ напомнить, что я здѣсь въ домѣ моего дяди, (*показываетъ направо*) что здѣсь его половина.

Линева.

Такъ вы можете отправиться на его половину. Это моя комната, и я не хочу, чтобы вы марали ее своимъ присутствіемъ.

Голубчикъ.

Какая аллегорія!

Линева.

Вы сами вынуждаете меня обходиться съ вами такимъ образомъ. Ваше вѣчное шпіонство мнѣ наконецъ надоѣло, и я беру свои мѣры, чтобъ прекратить ваши преслѣдованія. Вы знаете, что мнѣ стоитъ сказать только слово моему мужу, но я предпочитаю лучше попросить васъ самихъ прекратить ваши посященія. (*Звонитъ.*)

Голубчикъ (*въ сторону*).

Все кончено! жребій брошенъ! Настаетъ рѣшительная минута.

Семень (*входя*).

Вы звонили, сударыня?

Линева.

Да! Принеси свѣчи и помни, что если

этотъ господинъ когда нибудь опять сюда явится, то ты скажешь, что меня нѣтъ дома.

Семень.

Слушаю, сударыня. (*Уходитъ, вноситъ свѣчи и опять уходитъ.*)

Голубчикъ.

Однако, это уже безчеловѣчно! Поступать такимъ образомъ съ племянникомъ!

Линева.

Вамъ угодно будетъ выйти отсюда?

Голубчикъ.

Я ухожу. (*Въ сторону.*) Она его дожидается. (*Уходитъ направо.*)

Линева (*въ сторону*).

Онъ вѣрно ужъ спустился въ садъ. Боюсь подойти къ балкону! Племянникъ мой вѣрно смотритъ въ замочную скважину. (*Уходитъ налево.*)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Ждановъ (*на балконѣ*), Голубчикъ.

Голубчикъ (*выходя опять*).

Ушла! Она ждетъ его, это ясно! Она выживаетъ меня! это еще яснѣе... По счастью, я, какъ предусмотрительный человѣкъ, запасся средствомъ для открытія тайныхъ свиданій. (*Вынимаетъ изъ кармана щипчекъ.*)

Ждановъ (*показываясь изъ-за занавѣсы*).

Что онъ хочетъ дѣлать?

Голубчикъ.

Влѣзетъ ли онъ въ окно, войдетъ ли въ дверь, все таки долженъ пройти черезъ эту комнату на половину моей тетушки. Свѣчи здѣсь обыкновенно гасить, и хоть я и буду въ ближайшей комнатѣ, но все таки ничего изъ нее не увижу.... Остается одно средство: услышать какъ онъ прійдетъ: для этого я запасся хлопущками прекраснаго устройства... Я

разсыплю ихъ здѣсь. *(Сыплетъ у окна и двери.)* Едва онъ ступитъ на нее, хлопущка-кракъ, я выбѣгаю, схватываю его за воротъ, кричу: воръ! караулъ! и преступленіе открывается.... да здравствуетъ изобрѣтательность! *(Сыплетъ еще.)*

Ждановъ.

Этакой разбойникъ!

Голубчикъ.

Теперь кончено! Милости просимъ, похититель моего счастья, нарушитель моего спокойствія!... Убѣдишься же ты наконецъ, Ома невѣрующей, дядя злонолучный! Чтобъ скорѣе заманить молодца, погасимъ свѣчи. *(Гаситъ свѣчи и уходитъ въ дверь направо. На сценѣ темнота.)*

Ждановъ *(выходя на авансцену)*.

Какая злодѣйская выдумка.... Какъ бы мнѣ не попасть на эти хлопущки! Что мнѣ теперь дѣлать?... Вылѣзть черезъ балконъ? Нѣтъ! я хочу видѣть ее, у ногъ ея выпросить прошеніе, сказать, что я готовъ повиноваться ея волѣ! Идутъ! Пусть же злодѣй племянникъ поймастъ когонибудь другаго! *(Уходитъ на льво.)*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Линевъ, потомъ Голубчикъ.

Линевъ *(въ дверяхъ)*.

Что это? и огня нѣтъ! кажется не поздно? *(Наступаетъ на хлопущку. Сильный трескъ.)* Ай! Что такое?... Я достала мѣсто Жданову, по просьбѣ моей жены.... *(Новый трескъ.)* Ой! что же это такое? *(Нѣсколько хлопущекъ трескаютъ рядомъ.)* Ай! я горю! помогите!

Голубчикъ *(выбѣгая)*.

Ага! попался, разбойникъ! вотъ я тебя! караулъ! караулъ! держите! воръ! *(Схватываетъ его.)*

Линевъ *(борясь съ нимъ)*.

Караулъ! воръ! рѣжутъ! помогите! *(Падаетъ на стулъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же, Семень, Линева, потомъ Ждановъ и Сашева.

Семень *(прибѣгая со свѣчами изъ главной двери)*.

Что за шумъ? Что такое? Господа! *(Бросается разнимать ихъ.)*

Линева.

Боже мой! что случилось!...

Голубчикъ.

Я поймалъ вора, разбойника! Гдѣ мой дядя? гдѣ онъ? *(Увидя его.)* Что это? это онъ самъ?

Линева.

Мой мужъ!

Линевъ *(Голубчику)*.

Разбойникъ!

Голубчикъ.

Такъ это я васъ схватилъ, любезный дядюшка?

Линевъ.

Бездѣльникъ! измялъ всего меня!

Линева.

Что жъ его побудило сдѣлать такую дерзость?

Линевъ.

Да чортъ его знаетъ! рассыпалъ по полу какого-то зелья, попалъ на меня въ темнотѣ, началъ трясть, душить; я думалъ, что онъ хочетъ убить меня!

Голубчикъ.

Я!... Мнѣ совершить дядеубійство! Нѣтъ! я не способенъ къ этому; это была ошибка, я принялъ васъ за другаго.

Линевъ.

Вѣроятно, за того молодого человѣка, который былъ здѣсь поутру?

Голубчикъ.

Точно такъ-съ. Вы лучше всѣхъ знаете это! Онъ былъ у васъ...

Линева.

Онъ и теперь у меня.

Линевъ.

Какъ? Что жъ это значить?

Голубчикъ.

Она не стыдится въ этомъ признаться?...

Линева.

Да, и опять стоялъ передо мною на колѣняхъ и упрашивалъ меня...

Голубчикъ.

О чемъ же?

Линева.

Чтобъ я уговорила мужа согласиться на его свадьбу съ вашею невѣстой.

Линевъ.

Ахъ да! ты ужъ говорила мнѣ объ этомъ! Но вѣдь я обѣщала ей руку племяннику.

Голубчикъ.

Ничего! ничего! дядюшка! вы развѣ не видите, что все это адская выдумка (*Подходя къ двери налево,*) и что этотъ злодѣй не смѣетъ показаться.

Ждановъ (*быстро выходитъ и наступаетъ на него*).

Вы думаете, что я васъ боюсь?..

Голубчикъ.

Позвольте! позвольте! дядюшка, это еще ничего не доказываетъ! Я поймаю его тотчасъ, я докажу вамъ, что это одна хитрость. А! вы любите мою невѣсту, вы хотите на ней жениться! а! вы хотите этого? Извольте, я согласенъ! Я возвращаю дядюшкѣ его обѣщаніе, я отдаю вамъ мою невѣсту?... Что, сударь, что скажете? (*Сашева входитъ тихонько*.)

Ждановъ.

Что я скажу? Вы великодушнѣйшій изъ смертныхъ, я не знаю какъ благодарить

васъ, и съ восторгомъ принимаю руку Надежды Петровны....

Линевъ.

Онъ принимаетъ ее!

Линева.

А мой любезный племянникъ можетъ и не жениться?

Голубчикъ.

Постойте! постойте! онъ принимаетъ, конечно! Онъ знаетъ, что Надежда Петровна никогда не согласится за него выйти?

Сашева (*подходя*).

Отчего же нѣтъ?

Линева.

Вы слышите?

Голубчикъ.

Это неправда!... Она любитъ меня, одного меня!

Сашева.

Ужъ вотъ это неправда, такъ неправда!

Ждановъ (*Линеву*).

Я клянусь вамъ, что сдѣлаю ее счастливою. Согласитесь на нашу свадьбу!

Линевъ.

Ну, ужъ если племянникъ мой согласенъ, такъ и я тоже!

Голубчикъ.

Но позвольте, позвольте! все это только предлогъ, чтобъ остаться въ Москвѣ.

Линевъ.

Я достала для него мѣсто въ Петербургѣ, и онъ поѣдетъ туда тотчасъ послѣ свадьбы.

Ждановъ.

О! какъ я вамъ благодаренъ.

Голубчикъ.

Ну, такъ нѣтъ же, я не согласенъ, я не хочу этого!

Линевъ.

Послушай-ка ты, Голубчикъ! Развѣ ты думаешь, что я позволю тебѣ шутить со мною? Ты развѣ отказался отъ своей не-

вѣсты, и не видать тебѣ ее, какъ ушей своихъ! А за то, что ты преслѣдовалъ жену мою, хотѣлъ меня съ нею поссорить, я запрещаю тебѣ показываться мнѣ на глаза.

Голубчикъ.

Послѣ этого вступайся за нравственность и добродѣтель! Но, дядюшка!

Линева.

Простите его, я одолжена ему моимъ спокойствіемъ.

Сашева.

А я мужемъ.

Ждановъ.

А я моимъ счастіемъ.

Линевъ.

Ну! ну! ужъ такъ и быть, пусть только это послужитъ ему урокомъ.

Голубчикъ.

Скажите, пожалуйста! Они же еще благодарятъ меня? *(Въ сторону.)* А я все таки остаюсь съ тетужкой!

Н. 10.

Линева *(къ публикѣ)*.

Шлемянникъ мой за то наказанъ,
Что смѣлъ такъ недоверчивъ быть,
Но въ этомъ онъ теперь обязанъ
У васъ прощенія просить.

Голубчикъ *(къ публикѣ)*.

Нѣтъ! извиняться не хочу я,
Могу ль доверенность имѣть?
И васъ, напротивъ, попрошу я
Почаще на нее смотреть!

(Завѣса опускается.)

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ,

или

ХУДОЖНИКЪ И ЗАВѢЩАНІЕ,

Водевиль въ одномъ дѣйствіи и двухъ картинахъ, П. И. Григорьева.

Представленъ въ первый разъ на Александринскомъ Театрѣ, 19-го Ноября 1842 го.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Монрозъ, старый Командоръ.

Госпожа де Серне, его сестра, вдова.

Леонія, ея дочь.

Леопольдъ де Серне, ея сынъ.

Анатоль Бишоно, живописецъ.

Жокей.

Служанка.

Родственниковъ и свидѣтели.

1 { Гости.

2 { Гости.

Дѣйствіе происходитъ въ домъ Г-жи де Серне.

Театръ представляетъ самую маленькую комнату, чисто меблированную. Большія кресла; въ углу сены трюмо и шкафъ съ платьемъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анатоль Бишоно сидитъ въ креслахъ и посвистываетъ. На немъ дорожная блуза, на головѣ спренья фуражка, въ рукъ записка.

Жокей (при началъ уходитъ со сцены въ среднюю дверь).

(На сценѣ совершенно темно.)

Пепоятное, чудное, удивительное, че

тообразное приключеніе!.. Голодъ и любопытство завлекли меня въ такую интригу, отъ которой я теряю послѣдній свой разсудокъ!.. Гдѣ я?—Не знаю. У—кого я?—неизвѣстно. За чѣмъ я здѣсь?—не понимаю! (на свистывая куплетъ) О, фортуна! выведи меня изъ этого темнаго и глупаго лабиринта... Если бъ я не послушался этой записки, этого плута жокея,

который божился, что именно меня здѣсь ожидаютъ, я былъ бы гораздо счастливѣе, я бы теперь сидѣлъ въ гостинницѣ Дикой Козы, вмѣстѣ съ пассажирами дилижанса, утолялъ бы жажду виномъ, голодъ котлетами, какъ прямой путешествующій художникъ, потомъ полетѣлъ бы далѣе, далѣе отъ шумнаго Парижа, потомъ, потомъ... Нѣтъ, чортъ возьми! куда потомъ, когда меня перехватили на дорогѣ, посадили въ щегольской кабріолетъ, привезли сюда и засадили въ эту темную комнату!.. Случай ли это, или злая мистификація моихъ Парижскихъ друзей, понять не могу! Но нѣтъ, я уѣхалъ изъ Парижа тихо, неожиданно; никто изъ друзей не знаетъ куда я дѣвался, я хотѣлъ проститься съ ними тогда, какъ уже буду въ Марсели... Если бъ даже кто изъ моихъ пріятелей поселился здѣсь и теперь прислалъ за мною, все таки онъ не могъ бы знать, что я путешествую, что я теперь въ гостинницѣ Дикой Козы!.. Просто, проклятая шутка! Ничего не понимаю, а ѣсть хочу художнически!.. (опять насвистываетъ) Ахъ! постой! догадался, догадался! это вѣрно шутка Каламбера или Фроме! Пари держу, что это такъ! Вѣрно тотъ или другой имѣетъ дядюшку, или тетушку, въ окрестностяхъ Ліона... именно такъ... Каламберъ или Фроме проводятъ здѣсь ваканціи... вѣрно увидѣлъ какъ я выходилъ изъ дилижанса... и... да это превосходная мысль! чудная шутка! Искусный и скромный жокей... таинственная записка... кабріолетъ... похищеніе въ загородный домъ дяди, гдѣ меня ожидаетъ хохотъ и вкусный семейный обѣдъ!.. Такъ! такъ, чортъ побери! Ха! ха! ха! теперь загадка объясняется...

ЯВЛЕНІЕ II.

Бишоно и Жокей (входитъ съ фонаремъ).

Жокей.

Ну, Г. Бишоно, теперь вы не будете

жалѣть, что бросили свой обѣдъ въ гостинницѣ Дикой Козы. Я сейчасъ доложилъ господамъ, что мы пріѣхали благополучно.

Бишоно.

Хорошо, хорошо, я ужъ догадался, у кого я.

Жокей.

Тѣмъ лучше, сударь. Вы должны знать, что васъ ожидаетъ здѣсь самый богатѣйшій столъ.

Бишоно.

Знаю, братецъ, знаю. Гдѣ же твой господинъ? что жъ онъ неидетъ?

Жокей.

Какой господинъ? вы вѣрно хотѣли спросить: гдѣ моя *госпожа*?

Бишоно.

Да перестань меня морочить! я, братецъ, знаю, гдѣ я.

Жокей.

Очень радъ-съ.

Бишоно.

Послушай: ты вѣдь принадлежишь Г. Каламберу?

Жокей.

Что такое-съ?

Бишоно.

Или Барону Фроме.

Жокей.

Извините-съ, я не знаю ни того, ни другаго изъ этихъ господъ.

(Уходитъ, оставя фонарь на столѣ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бишоно (смотря ему вслѣдъ).

Какъ! чортъ побери! да гдѣ же я?.. онъ опять скрылся, разбойникъ! Оставилъ меня снова ломать голову и путаться въ догадкахъ... Постой! онъ сказалъ, что я у его *госпожи*... ну, это меня немножко

утѣшаетъ, подаетъ надежду... Постою, при помощи этого фонаря, прочту еще разъ таинственную записку; авось какъ нибудь догадаюсь или добьюсь толку. (*Читаетъ вслухъ, приставивъ фонарь къ запискѣ.*) «Господина Анатоля Бишоно ждутъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ; его убѣдительно просятъ, нимаю не медля, слѣдовать за подателемъ этой записки; надѣются на его скромность и поспѣшность.» Имени нѣтъ, и рука совершенно незнакомая! Чудеса! романъ! преннтересная интрига! презаманчивое приключеніе!

Дивлюсь таинственной судьбѣ!
Но покоряюсь безъ роптанья;
Меня ждетъ женщина къ себѣ,
И на объѣдъ, и на свиданье!..
Воображаю, какъ она
Очаровательна, любезна,
Любви восторженной полна,
А сверхъ того — и денегъ бездна!

И за роскошнѣйшимъ столомъ,
Она со мною сядетъ рядомъ,
То вдругъ поподучетъ виномъ,
То подаритъ изжвѣйшимъ взглядомъ...
А я, межъ тѣмъ, все пью, да ѣмъ,
Въ тиши пріятнаго досуга,
И если ей не надобѣтъ,
Такъ мы легко поймемъ другъ друга!

(*Смотря на часы*) Однако, вотъ ужъ семь часовъ... и какъ я понимаю, это самое настоящее время... Я же такъ голоденъ, что готовъ, кажется, одинъ съѣсть за пятерыхъ!.. Ахъ! что это? Должно быть, тутъ близко столовая или кухня... я слышу запахъ трюфлей... (*обнюхивая воздухъ*) Нѣтъ, это кажется пахнетъ жареною перепелкой... Ахъ, Боже мой! упонятельный запахъ!.. Скоро ли она прійдетъ? у меня и сердце бьется, и аппетитъ разгорается... А, дверь отворяется! это она! ну, теперь мнѣ все ясно. Оживаю!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бишоно и служанка (*вноситъ два канделабра и ставитъ ихъ на столъ*).

СЦЕНА ОСВѢЩАЕТСЯ.

Служанка (*весело*).

Ну, сударь, слава Богу, что вы пріѣхали! Какъ мы всѣ обрадовались!..

Бишоно (*про себя*).

Нѣтъ, это не она, а просто, кажется, служанка.

Служанка.

А мы ужъ начали было отчаяваться въ вашемъ пріѣздѣ, сударь.

Бишоно.

А! вы ужъ, душечка, начинали отчаяваться? И я, признаться, тоже, начинаю...

Служанка.

Дамы наши были въ ужасномъ безпокойствѣ! До нихъ, видите, дошли слухи, что одинъ дилжансъ, ѣхавшій изъ Парржа въ Лионъ, вдругъ утромъ разбился не далеко отъ Бона.

Бишоно.

Можетъ быть, но, скажи мнѣ, мплочка: если эти дамы отчаялись въ моемъ пріѣздѣ, такъ вѣрно ужъ онѣ сѣли за столъ?

Служанка.

О, нѣтъ, сударь. Нельзя же было имъ съѣсть безъ васъ.

Бишоно.

А! слава Богу! Такъ прошу тебя, моя душечка, проводи меня къ нимъ скорѣе; я тороплюсь засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе и... познакомиться съ ними. Проходя черезъ паркъ съ вашимъ жокеемъ, я замѣтилъ внизу большое освѣщеніе, вѣрно это ваша столовая?

Служанка.

Точно такъ, сударь; но вы въ дорожномъ платьѣ.

Бишоно.

Ахъ, чтожь возьми! что жъ дѣлать? я
Кн. XXIII—5.

въ торопяхъ забылъ свой чемоданъ въ гостиницѣ Дикой Козы.

Служанка.

Впрочемъ, успокойтесь, сударь; барыня моя сію минуту прійдетъ, и вѣрно поможетъ вашему горю. Она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала васъ, что ужась. До свиданія, сударь. *(Присѣдаетъ и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Бишоно *(одинъ)*.

Г-мъ! Прощай, душенька, прощай... спасибо, что по крайней мѣрѣ, освѣтила комнату... Чортъ возьми! хоть я еще вовсе не понимаю этого приключенія, но ясно вижу, что это явная ошибка! Я со всѣмъ не тотъ, за кого меня принимаютъ. О! да я воображаю, что будетъ отъ хозяйки дома: она увидитъ незнакомаго ей челоуѣка, начнетъ передо мною разсыпаться въ извиненіяхъ, въ ошибкахъ глупыхъ слугъ и пречтливо укажетъ мнѣ двери... О, тогда, чортъ возьми, приключеніе мое приметъ трагическій оборотъ, и ужъ кому нибудь да умереть сегодня.

Когда я съ дамой распрощаюсь,

И нежной страсти не ввишу,

Тогда отъ голода скончаюсь,

Или жокеемъ задушу!

Фортуна! сжался! и съ участьемъ,

Съпялая, улыбинься вполне...

Ты дураковъ снабжаешь счастьемъ,

Такъ вспомни кстади обо мнѣ!

(Прислушивается) А, кажется, идутъ... Фортуна или хозяйка, мнѣ все равно: только я чувствую, что приближается ужасная катастрофа: ошибка обнаружится и меня выгонятъ, непременно выгонятъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бишоно, Служанка, потомъ Г-жа де Серне.

Служанка *(вбѣгал)*.

Барыня идетъ, сударь!

Бишоно *(тихо ей издали)*.

Такъ за столъ еще не сѣли, а?

Служанка.

Да не бойтесь, безъ васъ не сядутъ. *(Обращаясь въ глубину дверей.)* Пожалуйте, сударыня.

Г-жа Серне *(увидя Бишоно, кланяется ему съ ласковою улыбкой)*.

Ахъ! наконецъ вы пріѣхали! *(Обращаясь къ служанкѣ.)* Оставьте насъ... *(и когда служанка ушла, Г-жа Серне запираетъ дверь за нею, потомъ подходитъ въѣжливо къ нему)*.

Бишоно *(также расшаркиваясь, говоритъ про себя)*.

Ба, что это значить? старуха! и она какъ будто узнала меня! Будемъ осторожны.... интрига въ ея лѣта называется западней. Посмотримъ, какъ она украситъ мое похищеніе.

Г-жа Серне.

Ахъ! Г. Бишоно, мы васъ ожидали въ ужасномъ безпокойствѣ! Видно, мой Леопольдъ не нашелъ мѣста въ дилижансѣ, чтобъ пріѣхать вмѣстѣ съ вами?...

Бишоно.

Не знаю-съ, можетъ быть....

Г-жа Серне *(съ чувствомъ)*.

Но, все равно: вы здѣсь, это главное. Только въ какомъ мы долгу у васъ: сколько за нами благодарности, сколько извиненій....

Бишоно *(не зная, что сказать)*.

Мнѣ... я... помилуйте, сударыня....

(Особо.) Какъ она счастлива! она знаетъ о чемъ идетъ рѣчь, а я блуждаю въ неизвестности.

Г-жа Серне.

Конечно, Леопольдъ открылъ вамъ настоящія причины, которыя заставляютъ насъ такъ спѣшить этимъ дѣломъ. Мы знаемъ, что вы искренній другъ моего сына, его школьный товарищъ, за котораго онъ отвѣчаетъ какъ за самого себя; потому-то именно мы и рѣшились сдѣлать васъ сообщникомъ нашего таинственнаго заговора. Леопольдъ, во вчерашнемъ письмѣ, извѣщая о вашемъ приѣздѣ, успокоилъ насъ совершенно. Я увѣрена, что мы не раскаемся, вручая вамъ то, что намъ дороже всего на свѣтѣ!

Бишоно.

Помилуйте... я постараюсь... заслужить... (Особо.) Все таки ничего не понимаю!

Г-жа Серне.

Также могу увѣрить васъ, что и вы сами не раскаетесь въ вашей довѣренности къ Леопольду и къ намъ...

Бишоно.

О! помилуйте... я въ этомъ совершенно увѣренъ... (Особо.) Ошибка, страшная ошибка!

Г-жа Серне.

Такъ теперь намъ надо поспѣшить: вы таки немного опоздали; всѣ гости уже собрались въ залъ и ждутъ. Леопольдъ пишетъ мнѣ, что всѣ необходимыя формы были соблюдены въ Парижѣ; это очень хорошо; мы съ своей стороны также не упустили ничего...

Бишоно.

А! и вы также? это очень хорошо. (Особо.) Сейчасъ пойдемъ обѣдать!

Г-жа Серне.

Ахъ! да вы въ дорожномъ костюмѣ!

Бишоно.

Что жъ дѣлать! извините... все мое имѣніе теперь въ Дипей Козѣ.

Г-жа Серне.

Впрочемъ, не тревожьтесь: все было предусмотрено; цѣлую недѣлю мы думали только о васъ.

Бишоно.

Ахъ, покорно васъ благодарю...

Г-жа Серне.

Вотъ, въ этомъ шкафѣ вы найдете платье Леопольда; описывая васъ, онъ увѣрялъ, что вы съ нимъ одного роста... однако, вы немного повыше... но это ничего; одѣвайтесь поскорѣе, въ этихъ ящикахъ вы найдете все необходимое.

Бишоно.

Покорно васъ благодарю... но, позвольте, мнѣ бы хотѣлось прежде узнать... а сверхъ того, я ужасно...

Г-жа Серне.

Послѣ, послѣ, любезный Г. Бишоно, одѣвайтесь поскорѣе... Черезъ четверть часа придетъ за вами братъ мой, командоръ, чтобъ представить васъ роднымъ и друзьямъ. До свиданія, сударь... Какъ я рада! даже я могу теперь сказать вамъ... (Протягивая ему руку.) До свиданія, мой милый Бишоно! до свиданія! (Кланяясь ласково уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бишоно (одина, ей вслѣдъ).

До свиданія, Г-жа... Г-жа... чортъ знаетъ, кто такая! Ну, любезный Анатолю Бишоно, шутка-то завязывается не на шутку.

Что скажешь? какова старушка?

Да это чудо изъ чудесъ!

Добра, привѣтлива, какъ душа,

И просто такъ хитра, какъ бѣсъ!

Я разбираю какъ хочешь строго,

Она жъ добилась своего:

Наговорила очень много,

А не сказала ничего.

Изъ всей ея галматіи я понялъ только одно, что у нее есть сынъ, Леопольдъ,

и братъ, командоръ, который прійдетъ за мною, чтобъ меня кому-то представить и, потомъ, безъ сомнѣнія, дать мнѣ досыта пообѣдать. Ну, такъ давай же скорѣй наряжаться въ платье моего любезнаго Леопольда... этого истиннаго, школьнаго друга, котораго я и въ глаза не знаю!... *(Вынимаетъ изъ шкафа черный фракъ, жилетъ, бѣлый галстухъ, щеточки, духи, перчатки, и проч.)* О! о! о! да это прекрасно! щеточки... духи... жилетъ... фракъ... галстухъ... все здѣсь приготовлено, какъ нарочно... даже и бѣлыя перчатки... *(Снимаетъ свою блузку.)* Bravo! видно мой пріятель Леопольдъ весь въ меня: любить пощеголять... *(Одѣвается.)* Ну! если это точно шутка, такъ она право не дурна! Я даже готовъ называть ее чудесною!... Чортъ возьми! почему жъ мнѣ ею не воспользоваться? голодному художнику это право простиительно... Они говорятъ, что я имъ нуженъ, что безъ меня они не могутъ никакъ обойтись—извольте, господа, я весь къ вашимъ услугамъ, только накормите меня хорошенько... *(Надѣвъ галстухъ.)* Я человекъ благородный... Фу, какъ ѣсть хочется!... Я артистъ въ душѣ... Галстухъ повязанъ художнически!... Я люблю быть полезнымъ обществу... Только хорошъ ли у васъ поварь?... Добрая старушка однако говоритъ, что она цѣлую недѣлю думала обо мнѣ, очень радъ... *(Надѣвая жилетъ.)* Жилетъ какъ на меня сшить... Милая старушка!

Чтобы мнѣ себя спасти,
Все радъ сдѣлать для старухи,
Все на жертву принести
Я согласенъ съ голодухи!

(Затягивая жилетъ.)

Кричите галію связать
Для того велить разсудокъ,
Чтобъ заставить замолчать
Вонющій мой желудокъ!...

(Надѣвая фракъ.)

Хоть я въ платьѣ и чужомъ—
Какъ голодный жрецъ искусства,
Но, при имени своемъ

Не лишень ума и чувства,
А иной, чтобъ въ люди влѣзть,
Поступаетъ хуже втрое:
Имя, деньги, умъ и честь —
Все беретъ себѣ чужое.

(Беретъ щетку.) Теперь причешемся и нафабримъ усы... я хочу, чтобъ почтенная старушка была совершенно мною довольна... Она хочетъ мнѣ вѣрить какую-то драгоценность... какая щедрая старушка! я за это напишу ея портретъ; а чтобъ польстить ея самолюбію, нарочно напишу ее десятью годами помоложе. *(Любуется, стоя передъ зеркаломъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бишоно *(у зеркала)* и командоръ Монрозъ *(въ дсеряхъ).*

Монрозъ.

Ну, любезный Бишоно, готовы ли вы?

Бишоно *(про себя).*

А! это вѣрно почтенный командоръ!... *(Вслухъ.)* Готовъ! готовъ! сейчасъ, командоръ! надѣваю перчатки... *(Про себя.)* Что-то онъ скажетъ, увидя меня? Что, какъ заставить меня раздѣться?

Монрозъ *(любуясь имъ).*

А, bravo! я вижу, что Леопольдъ не обманулъ насъ. Вы молодецъ! Bravo! Это не мѣшаетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ...

Бишоно *(про себя).*

Э, такъ и онъ думаетъ, что я настоящий... *(Вслухъ.)* Очень радъ, любезный командоръ, что имѣю честь вамъ нравиться... Какъ ваше здоровье?

Монрозъ.

Благодарю. Дайте руку, любезный другъ мой! По теперешнему положенію дѣлъ, вы мнѣ не чужой.

Бишоно.

Вы думаете? однако, я боюсь...

Монрозъ *(перебивая).*

Что мы васъ не полюбимъ? О! не опа-

сайтесь этого: хоть я вижу съ вами въ первый разъ, но съ удовольствіемъ протягиваю руку! Я введу васъ и представлю всѣмъ нашимъ. Ахъ, кстати: вы вѣрно не забыли инструкціи, которую далъ вамъ Леопольдъ?

Бишоно (*смотря ему въ глаза*).

Инструкціи? Вотъ ужъ по чистой совѣсти скажу, что я и не могу забыть ничего, сказаннаго мнѣ Леопольдомъ.

Монрозъ.

Прекрасно, прекрасно, стало быть, вы также помните, что мою племянницу зовутъ Леоніей?

Бишоно.

А! Леоніей?... Какъ же, помню, помню.

Монрозъ.

А главное—вы знаете, какъ необходимо въ глазахъ свѣта, въ особенности, чтобъ скрыть отъ родственниковъ боковой линіи, нашей старой кузины Уреулы, всю странность и крутость въ этомъ дѣлѣ — необходимо, говорю я, вамъ надо притвориться, что вы знали мою племянницу еще въ Парижѣ, когда она гостила тамъ съ матерью у Г-жи Марти. Понимаете?

Бишоно.

Помилуйте.... какъ нельзя лучше! Надо притвориться, понимаю! что... т. е. ваша племянница была у Г-жи Марти.... и что я также.... видѣлъ ее, будто бы, у Г-жи Марти.... понимаю, понимаю. Только скажите, Командоръ, когда же все это было?

Монрозъ.

Въ прошломъ году.

Бишоно.

Очень хорошо-съ. Въ прошломъ году меня не было въ Парижѣ; впрочемъ, для родныхъ боковой линіи вашей это, я думаю, все равно.

Монрозъ.

О, конечно.

Бишоно.

А скажите, пожалуйста, Командоръ, вы ужъ я думаю... отобѣдали?

Монрозъ.

Помилуйте, когда же было; мы васъ ожидали.

Бишоно.

А, покорно васъ благодарю. Это мнѣ очень пріятно....

Монрозъ.

О! вы не воображаете, какое счастье для васъ и моей племянницы, что вы пріѣхали вовремя. Еще день и было бы поздно. Когда мы услышали сегодня, что возлѣ Бона сломался дилижансъ, мы съ сестрою чуть не умерли отъ безпокойства.

Бишоно (*про себя*).

А, видно, я имъ очень нуженъ. Посмотримъ, до чего дойдетъ эта шутка? Мнѣ бы только пообѣдать.... я отъ голода едва на ногахъ держусь.

Монрозъ.

Ну, любезный Бишоно, такъ отправимтесь, насъ давно ожидаютъ....

Бишоно.

Извольте, отправимтесь.... (*Про себя, на уходъ*.) Ахъ, кабы прямо въ столовую! (*Командоръ уходитъ*).

Бишоно.

Ну, мой другъ, Бишоно,
Ужъ теперь все равно:

Ужъ теперь отправляйся ихъ слушать,

Лишь бы только вполнѣ,

Лишь бы досыта мнѣ

Богъ помогъ хорошенько покушать.

О! Творецъ! вразуми!

Помоги, накорми,

Хоть въ душѣ я артистъ благородный,

Но чего не навреть,

И на что не пойдетъ

Благородный съ душою голодной!

(*Убѣгаетъ*).

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Театръ представляетъ богатую комнату, роскошно меблированную. Въ срединѣ главный выходъ; подлѣ средняго выхода, на лѣвой сторонѣ, въ расгверенныя двери, виднѣтъ богатый свадебный столъ, убранный цвѣтами и вазами. На правой сторонѣ комнаты Г-жи Серне.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ сидятъ: Г-жа СЕРНЕ; подлѣ нее, въ богатомъ свадебномъ нарядѣ Леонія; ихъ окружаютъ родственницы и родственники. Нѣкоторые изъ мужичинъ поглядываютъ съ любопытствомъ въ главныя двери, идѣ выходъ.

1-й и 2-й мужичины.

Идетъ! идетъ! ну, слава Богу! дождалсь! Вотъ онъ! вотъ онъ!

Леонія (тихо матери).

Ахъ, маменька, я ужасно боюсь!...

Г-жа СЕРНЕ (тихо ей).

Тсъ, ради Бога, успокойся... (Громко.)

Да, друзья мои, наконецъ вы увидите, какой прекрасный мужичина Г. Бишоно.

1-я и 2-я дамы.

Тѣмъ лучше для васъ... не правда ли?...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Монрозъ, вводитъ за руку Бишоно. (Всеобщіе поклоны и привѣтствія).

Хоръ (родственникововъ).

Позвольте васъ поздравить

Въ кругу семьи своей...

И вамъ себя представить,

Какъ истинныхъ друзей!...

Бишоно (весело раскланиваясь со всѣми).

Господа! господа!... я такъ радъ...

такъ благодаренъ за столь радушный приемъ... что не нахожу словъ... (Увидя Леонію, говоритъ про себя.) А, вотъ, кажется, и племянница командора... прелесть дѣвушка! (Кланяясь Г-жѣ Серне и Леоніи.) Какъ я счастливъ... что заслужилъ ваше вниманіе... повѣрьте, что я... буду умѣть оцѣнить... (Увидя накрытый столъ.) А, вотъ гдѣ столовая!

Монрозъ (спадая въ рѣчь).

И прочая, и прочая... (Беретъ его за руку и подводитъ къ гостямъ.) Ну, господа! рекомендую вамъ Г. Бишоно... будущаго супруга Леоніи де Серне, моей племянницы...

Бишоно (про себя, ужаснувшись, услышавъ его слова).

Какъ! Что? Что? возможно ли! Охъ, у меня зарябило въ глазахъ!... (Почти падаетъ на плечо командора.)

Монрозъ (тихо ему).

Смѣлѣй, смѣлѣй, Бишоно! побольше твердости и хладнокровія... успокойтесь...

Бишоно (тихо ему, приходя въ себя).

Г. Командоръ! намъ надо съ вами объясниться, непременно объясниться!

Монрозъ (такъ же ему).

Послѣ, послѣ, какъ поведутъ невесту окончить ея туалетъ, а теперъ подойдите

къ ней и скажите что нибудь съ чувствомъ, какъ давнишній искатель ея руки.

Бишоно (*про себя*).

Ахъ, Творецъ мой! вотъ не ожидалъ... вотъ попался-то!... (*Обращаясь къ Леоніи.*) Гмъ!... что вы такъ печальны, милая Леонія? Развѣ вы думаете, что я? Нѣтъ, сдѣлайте милость, не думайте... я очень... очень... т. е. не знаю, какъ вамъ сказать... только очень... очень... вы меня понимаете.

Монрозъ (*тихо ему*).

Не то, не то, мой другъ.

Бишоно (*тихо ему*).

Помилуйте! чего же вамъ еще?

Монрозъ (*также*).

Скажите, что вы очень скучали въ разлукѣ съ нею.

Бишоно (*Леоніи*).

Ахъ, Леонія! какъ я страшно скучалъ въ разлукѣ съ вами! т. е. очень... очень...

Леонія (*скромно*).

Могу ли я этому вѣрить?

Бишоно.

Вы сомнѣваетесь? Впрочемъ, это очень естественно... очень натурально...

Монрозъ (*также*).

Не то, не то!

Бишоно (*спохватясь*).

Ахъ, то есть, я говорю... что очень естественно, и даже позволительно скучать въ разлукѣ... (*Смотря на командора*).

Монрозъ (*тихо ему*).

Особливо съ вами.

Бишоно (*Леоніи*).

А ужъ особливо съ вами!...

Г-жа Серне.

Какъ вы милы, Г. Бишоно! я вами очень, очень довольна!

Бишоно.

Ахъ, и я тоже, очень... очень... чувствую... и не могу выразить...

Монрозъ (*тихо ему*).

Скажите, что вы цѣлый годъ страдали.

Бишоно (*дамамъ*).

Вы не знаете, какъ я цѣлый годъ страдалъ... ужасно страдалъ! а ужъ теперъ какъ я страдаю... О! очень... очень...

Монрозъ (*также*).

Но наконецъ, счастье мое приблизилось.

Бишоно.

Но, наконецъ, счастье мое... (*Тихо ему*). Что?

Монрозъ.

Приблизилось.

Бишоно.

Счастье мое, кажется, приблизилось, не правда ли? (*Про себя*). Этотъ командоръ годится въ суфлеры.

Г-жа Серне.

Благодарю васъ, отъ имени моей дочери... повѣрьте, что вы нисколько не ошиблись въ выборѣ.

Бишоно.

Ахъ, помилуйте... развѣ я смѣю сомнѣваться...

1-й гость.

Да, да, любезный Бишоно, вы не напрасно цѣлый годъ ждали своего счастья...

Бишоно.

Ахъ, сдѣлайте милость, не говорите... я вижу... очень вижу...

1-я гостыя (*старуха*).

Милая Леонія такъ умна и такъ достойна истинной любви, что вамъ многіе будутъ завидовать...

Бишоно.

Ахъ, сударыня, да развѣ я этого не вижу...

Гости (*всѣ*).

Да, да, Г. Бишоно, поздравляемъ васъ съ полнымъ, истиннымъ счастьемъ...

Бишоно.

Господа! всепокорнѣйше васъ благодарю... (Тихо Монрозу). Командоръ! намъ надо объясниться!

Монрозъ.

Хорошо, хорошо. (Всѣмъ вслухъ). Ну, друзья мои, ступайте, окончивайте туалетъ невѣсты.

Скорѣе, время не теряйте,
Пора ужъ все привести къ концу;
Скорѣй невѣсту одѣвайте
И отправляйтесь къ вѣнцу.

Бишоно (про себя).

Я срѣзанъ съ ногъ такимъ началомъ!

Гости (всѣ).

Сейчасъ мы сдѣлаемъ свое:
Украшимъ брачнымъ покрываломъ
И брилліантами ее.

(Къ Бишоно).

Мы видимъ вашъ восторгъ невольный,
Да впрочемъ и не мудрено:
Мы также рады и довольны,
Какъ вы, любезный Бишоно!

(Г-жа Серне и всѣ гости ведутъ Леонію въ комнату, противоположную столовой, изъ которой видно въ растворенную дверь, какъ одѣваютъ невѣсту).

ЯВЛЕНІЕ III.

Командоръ Монрозъ и Бишоно (смотритъ на уходящихъ, которые во всю сцену остаются въ виду зрителя).

Монрозъ (весело потирая руки).

Ну, мой другъ! видите ли какъ всѣ рады вашей свадьбѣ? О, если бъ вы нынче не пріѣхали, бѣда! племянница моя потеряла бы пятьсотъ тысячъ франковъ!

Бишоно (удивленный).

Что я слышу! пятьсотъ тысячъ франковъ! Какъ такъ? Я васъ не понимаю... это что-то новое...

Монрозъ.

Да, да, мой другъ! завтра будетъ вскрыто завѣщаніе нашей старой кузины, Урсулы, и Леонія получитъ черезъ васъ пятьсотъ тысячъ франковъ! Но, вѣрно Леопольдъ рассказалъ вамъ все...

Бишоно.

Да... да... но только я ничего не по-нялъ....

Монрозъ.

Неужели? такъ вѣрно онъ не умѣлъ вамъ толково объяснить странное условіе этого завѣщанія.

Бишоно.

Должно быть, что такъ... объясните, что такое? Я, ей Богу, совсѣмъ растерялся; голова идетъ кругомъ!

Монрозъ.

Ну, такъ слушайте: наша кузина, Урсула, въ прошломъ году умерла, оставивъ у королевскаго нотаріуса Корнилье пятьсотъ тысячъ франковъ и завѣщаніе, по съ тѣмъ, чтобъ открыть его черезъ годъ и одинъ день послѣ смерти завѣщательницы. Старая служанка кузины, знавшая всѣ тайны покойницы, открыла намъ, недѣлю назадъ, что Урсула назначила наслѣдницею мою племянницу, Леонію, однако, съ тѣмъ только условіемъ, если Леонія будетъ замужемъ при чтеніи завѣщанія, а иначе, все имѣніе покойницы должно перейти къ родственникамъ боковой линіи. Вотъ, извѣстіе это поразило насъ, какъ громомъ! Гдѣ найти, въ недѣлю, приличную партію для Леоніи? невозможно... мы, просто, были ужъ въ отчаяніи и рѣшались упустить блестящее состояніе племянницы... какъ вдругъ, братъ ея, Леопольдъ, взялся спасти насъ, и далъ слово, что сестра его непременно черезъ недѣлю будетъ замужемъ; онъ началъ васъ хвалить, описалъ намъ васъ самыми блестящими красками, увѣрилъ, что вы съ нимъ друзья съ малолѣтства, и мы съ сестрою согласились сдѣлать Лео-

нью богатою и счастливою. Остальное вамъ извѣстно, любезный Бишоно. Леопольдъ отправился въ Парижъ, предложилъ вамъ руку своей сестры, вы приняли съ благодарностію, и вотъ, чрезъ часъ вы будете моимъ племянникомъ и мужемъ этого ангела, Леоніи. Для вида же мы распустили слухъ, что вы знали Леонію еще въ Парижѣ и давно просили ея руки. Для того-то сестра, племянница и я притворились, что мы знакомы съ вами, когда вы вошли сюда. Вотъ вамъ вся исторія, мой милый племянникъ.

Бишоно.

Да-съ, прекрасная исторія! занимательная, богатая исторія! Но, вотъ видите ли что.... (Особо). Если я все теперь открою, поднимется суматоха въ этомъ прекрасномъ семействѣ, и тогда вѣрно совсѣмъ забудутъ объѣдать!... Ужасное положеніе! Но, чортъ возьми! лучше умирать съ голоду, чѣмъ обманывать благородныхъ людей. (Вслухъ). Командоръ! позвольте... откровенность за откровенность....

Монрозъ.

Что, что такое, мой другъ?

Бишоно.

Послушайте: ослѣпленный красотой невѣсты, ея будущимъ богатствомъ, и благодаря отсутствію ея брата, я могъ бы поддаться сильному искушенію, однако я всячески стараюсь превозмочь себя.... Да, Командоръ, мы всѣ въ какомъ-то убійственномъ заблужденіи; сперва вы меня ободряли, а ужъ теперь я попрошу васъ вооружиться твердостію, потому что вы человѣкъ старый, я боюсь за васъ....

Монрозъ.

Что это значитъ? вы меня пугаете....

Бишоно.

Пожалуйста, воздержитесь.... (Рѣшительно). Я.... я совсѣмъ не тотъ, кого вы ждали!

Монрозъ (какъ громомъ пораженный).

Возможно ли!!! (Бросается въ кресла).

Бишоно (поддерживая его).

Ну, вотъ, вотъ, ударъ за ударъ! эффектъ за эффектъ!

Монрозъ (ему, сердито).

Какъ, такъ вы не Бишоно?

Бишоно.

Нѣтъ, Бишоно, Бишоно, только совсѣмъ другой Бишоно.

Монрозъ.

Что я слышу!

Бишоно.

Совершенную истину, Г. Командоръ! До сихъ поръ я думалъ, что со мною все шутятъ, что какой нибудь знакомый вздумалъ пригласить меня пообѣдать, подумалъ, но какъ увидѣлъ, что эта шутка не шутя пошла въ серьезную, что мы всѣ ошибаемся, то по долгу благороднаго человѣка я обязанъ открыть вамъ глаза, и показать, что я не рожденъ быть обманщикомъ. Я съ самаго пріѣзда добивался узнать всю истину, но жюкей, служанка, Г-жа Серне и вы сами просто не дали мнѣ опомниться.

Монрозъ.

Ахъ, Боже мой! что жъ теперь намъ дѣлать?

Бишоно.

Ей Богу, не знаю.

Монрозъ.

Племянница моя потеряетъ все имѣніе.... но, это еще ничего.... тутъ страдаетъ ея честь, и моя, и ея матери! При всѣхъ родныхъ и друзьяхъ мы объявили сейчасъ, что давно васъ знаемъ, а теперь....

Бишоно.

Ужъ теперь что тутъ будетъ, я не знаю....

Кв. XXIII—6.

Монрозъ.

Это ужасно! Какъ же теперь отказаться отъ нашихъ словъ и избѣжать насмѣшекъ, неслыханнаго соблазна... Нѣтъ! просто сестра и племянница должны умереть отъ этого!

Бишоно.

Ужасно! ужасно! Меня въ ознобъ бросаетъ!... Приказывайте, Командоръ, я готовъ повиноваться вамъ во всемъ, чтобъ поправить эту несчастную ошибку.

Монрозъ.

Да что жъ мнѣ приказывать, когда нѣтъ ни какой возможности спасти насъ! Мы пропали, пропали, говорю я вамъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и жокей (*вблгаетъ*), потомъ входятъ всѣ гости съ невѣстою.

Жокей.

Господа! въ церкви все готово, священникъ ждетъ жениха и невѣсту... (*Идетъ въ комнату, здѣ невѣста*).

Бишоно.

Вотъ исторія-то! Можно съ ума сойти!

Монрозъ.

Ахъ, Боже мой! невѣста ужъ тоже готова, а жениха настоящаго нѣтъ!... Прошу покорно, на что рѣшиться?...

Бишоно (*тихо ему*).

Что жъ намъ дѣлать? скажите, пожалуйста...
Монрозъ (*съ досадою*).

Да ужъ вы видите, что *самъ* надо жениться на племянницѣ! Хоть я васъ все не знаю, но ваша добродушная откровенность говорить мнѣ, что вы честный человекъ! Такъ и быть, ступайте, ступайте вѣнчаться, но никому ни слова — это тайна между нами!

Бишоно.

О, судьба! вѣнчаться, и не пообѣдавши! (*Идетъ къ невѣстѣ, которую въ эту минуту уже вывели изъ уборной; Бишоно подаетъ ей руку. Гости провожая поютъ*).

Хоръ (*на ту же музыку*).

Мы вашу радость раздѣляемъ,
Во храмъ за вами посѣпшимъ,
Поздравимъ васъ и пожелаемъ
Прямаго счастья молодымъ!

(*Всѣ уходятъ въ среднія двери, кромь Командора*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Монрозъ (*одино, посмотрѣвъ вслѣдъ уходящимъ, складываетъ крестообразно руки, и большими шагами начинаетъ ходить по комнатѣ*).

Что жъ это за дьявольское происшествіе! Откуда у насъ взялся этотъ Бишоно? Кто насъ увѣрилъ, что это настоящій Бишоно? И какой сатана объяснить, что за человекъ этотъ Бишоно?... Леопольдъ, какъ я вижу, сбилъ насъ совсѣмъ съ толку; сестра въ торопяхъ ничего не разузнала, я ничего не спросилъ, и вышла совершенная кутерьма! Бѣдная Леоні! дай Богъ, чтобъ она съ нимъ была счастлива! Впрочемъ, этотъ Бишоно молодецъ собою, откровенецъ и, кажется, малый хоть куда. Теперь пушусь на большую дорогу, на встрѣчу Леопольду, а то онъ, пожалуй, привезетъ и своего Бишоно: тогда у насъ выйдетъ такое несчастіе, что ужасъ! Нѣтъ! надо, чтобъ онъ своего друга опять спровадилъ въ Парижъ, съ насъ довольно и одного. О, проклятое завѣщаніе! оно насъ всѣхъ съ ума свело! (*Хочетъ идти*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Монрозъ и Жокей, потомъ Леопольдъ.

Жокей (докладывая).

Г. Леопольдъ сейчасъ возвратился изъ Парижа.

Монрозъ.

Ну, вотъ тебѣ разъ! во время пожаловали!

Леопольдъ (поспѣшно).

Ахъ, любезный дядюшка! Представьте, какой неожиданный случай....

Монрозъ (торопливо).

Постой, постой, прежде скажи мнѣ: ты привезъ намъ своего Бишоно?

Леопольдъ.

Нѣтъ, къ несчастію нашему, я прискакалъ одинъ.

Монрозъ.

Ахъ, слава Богу! обними меня!...

Леопольдъ.

Это что значить? Я хочу вамъ сказать, что мой другъ Бишоно, ушибся при паденіи проклятаго дилижанса, теперь больной лежитъ на станціи, и не можетъ сегодня обвѣнчаться съ сестрою!...

Монрозъ.

Слава Богу! Очень радъ!

Леопольдъ.

Помилуйте! я въ отчаяніи, а вы радуетесь! Что это значить?

Монрозъ.

А то, что ужъ намъ не нужно теперь твоего Бишоно.

Леопольдъ.

Какъ, что вы говорите?

Монрозъ.

Ничего, мой другъ, ничего, намъ и безъ тебя Богъ далъ чудеснаго Бишоно!

Леопольдъ.

Возможно ли!

Монрозъ.

Да, да, ты опоздалъ съ своимъ дру-

гомъ. Сама судьба устроила счастье твоей сестры, и прислала ей добраго мужа изъ гостиницы Дикой Козы.

Леопольдъ.

Что я слышу!

Монрозъ.

Да! молодецъ собою, добрый малый, съ откровенною душою....

Леопольдъ.

Но кто же онъ такой?

Монрозъ.

Бишоно!

Леопольдъ.

И вы его хорошо знаете?

Монрозъ.

Ни сколько не знаю.

Леопольдъ.

Такъ онъ знакомъ съ матушкой?

Монрозъ.

Да, да, сейчасъ познакомился.

Леопольдъ.

Возможно ли! И сестра его не знаетъ?

Монрозъ.

Ни одна душа не знаетъ... Мы ждали изъ Парижа Бишоно, и Бишоно явился.

Леопольдъ.

Прошу покорно! но гдѣ же онъ?

Монрозъ.

Уѣхалъ вѣнчаться.

Леопольдъ.

Ахъ, Боже мой! что вы это надѣлали!

Монрозъ.

Устроили свадьбу, вотъ и все тутъ.

Леопольдъ (съ отчаяніемъ).

Можетъ быть, вы погубили мою сестру....

Монрозъ.

Напротивъ, онъ понравился намъ всѣмъ, и я готовъ думать, что онъ еще гораздо лучше твоего настоящаго Бишоно. Мы всѣ притворились, что его давно знаемъ,

онъ на все согласился, и завтра сдѣлаетъ твою сестру богатою наследницей.

Леопольдъ.

Нѣтъ, я не согласенъ! Это вѣрно какойнибудь плутъ, негодяй, который съ умысломъ назвался именемъ моего друга. О, я его уничтожу, я убью его непременно!

Монрозъ.

Что ты! что ты, сумасшедшій! Они ужъ теперь обвинены, дѣло кенчено; ты долженъ покориться судьбѣ и показать при гостяхъ, что онъ твой другъ, твой товарищъ, а иначе, ты погубишь сестру, отнимешь у нее наследство, осрамишь себя и всѣхъ насъ.

Леопольдъ.

Неужели? ахъ, Боже мой! что жъ мнѣ дѣлать? Я его въ глаза не знаю, и долженъ называть при всѣхъ своимъ другомъ! Нѣтъ! это невозможно!

Монрозъ.

Если ты дорожишь спокойствіемъ матери и желаешь счастья Леоніи, это при творство необходимо!

Леопольдъ.

Но онъ, если не въ глаза, такъ въ душѣ будетъ смѣяться надо мною...

Монрозъ.

Что жъ дѣлать, надо покориться обстоятельствамъ. Мы все гораздо больше виноваты, нежели этотъ Бишоно. Ты самъ затѣялъ это заочное сватовство, и обязанъ кончить дѣло миролюбиво. Вотъ, кажется, возвращаются и новобрачные...мотри же, Леопольдъ, поддержи нашу честь и поздравь отъ души своего зятя...

Леопольдъ.

Нечего дѣлать, пришлось дружить, хоть и не знаю съ кѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Леопольдъ, Монрозъ, Бишоно *сидитъ за руку Леонію*, Г-жа Серне и гости.

Хоръ (*гостей*).

Мы вашу радость разделяемъ,

Бишоно и Леонію.

А мы, судьбу благодаримъ!

Хоръ.

И, какъ родные, поздравляемъ.

Желаю счастья молодымъ!..

(Командоръ во время хора переходитъ къ Леоніи и цѣлуетъ ее; Бишоно остается между Леопольдомъ и Командоромъ).

Монрозъ.

Поздравляю, поздравляю васъ, любезныя дѣти! Леонія, поздравляю тебя съ наследствомъ...

Бишоно (*тихо Монрозу*).

Командоръ! я очень, очень счастливъ, но голоденъ какъ собака!

Леопольдъ (*съ распротертыми объятіями*).

Поздравляю, мой милый Бишоно! Поздравляю!

Г-жа Серне.

Ахъ, наконецъ и ты пріѣхалъ!

Бишоно (*тихо Командору*).

Кто это, командоръ?

Монрозъ (*тихо*).

Вашъ вѣрный другъ, Леопольдъ.

Бишоно (*обнимаясь*).

Ахъ! кого я вижу! Леопольдъ! душа моя! на силу-то ты пріѣхалъ!

Леопольдъ.

Бишоно! обними меня! старый товарищъ!...

Бишоно.

Леопольдъ, поцѣлуй меня! Отчего это я такъ давно не видался съ тобою?

Леопольдъ.

Помилуй! да въ Парижѣ вчера мы обѣдали вмѣстѣ.

Бишоно.

Ахъ, да, да, я и забылъ, что вчера; точно вчера...

Леонія.

Милый братецъ, ты устроилъ наше счастье. Какъ мы тебѣ благодарны!...

Леопольдъ.

Очень радъ, сестрица... видишь, я всѣми силами старался...

Бишоно (*подавая ему руку*).

О, Леопольдъ! ты такой другъ, какихъ у меня еще не было! (*тихо ему*) Хоть я васъ въ первый разъ вижу, но вы увидите, что я славный малый.

Леопольдъ.

Ахъ, Бишоно, пожалуйста, безъ комплиментовъ... мы такъ давно знаемъ другъ друга... (*тихо ему*) Какъ васъ зовутъ?

Бишоно (*тихо*).

Анатоль Бишоно. (*вслухъ*) Да, да, душа моя; если бъ только люди умѣли понять нашу дружбу, они бы подумали, что это просто сказка. Однако, друзья мои, вы всѣ, я думаю, желаете покушать, я тоже; я такъ утомился отъ избытка счастья, что едва держусь на ногахъ. (*Взявъ*

за руку жену.) Леонія! милая супруга... пойдите подкрѣпить свои силы... Добрая маменька, прикажите подавать кушанье... великодушный Командоръ! скамануйте шампанскаго...

Монрозъ.

Очень радъ! Поидемте, господа, все готово. Теперъ мы досыта повеселимся.

Бишоно.

И покушаемъ такъ же...

Всѣ гости.

Поидемте, поидемте... (*всѣ дѣлаютъ движеніе, чтобъ идти въ столовую*).

Бишоно (*останавливая всѣхъ*).

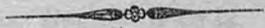
Ахъ, нѣтъ, позвольте, на минуту... надобно же хоть два слова объ авторѣ.

(*поетъ публикѣ*):

Произвестъ эффектъ грескучій
Онъ не думалъ въ этотъ разъ,
Но желалъ, чтобъ этотъ случай
Интересенъ былъ для васъ...
Если такъ, то вамъ извѣстно,
Что даетъ піесамъ всѣмъ,
Что артистамъ интересно?...

(*помолчавъ ударяетъ въ ладони*).

Вотъ, въ чемъ главный интересъ.

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЫ

О ПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ.

1806 — 1812.

(Окончаніе).

Давно предположенный брак Фильда совершился наконецъ въ Сентябрѣ 1807. Въ Москвѣ жилъ старикъ Французъ, нѣкто Дизарнъ, эмигрантъ, занимавшійся торговыми дѣлами, глава Французской колоніи. Онъ принималъ истинно родственное участіе въ дѣвицѣ Першеронъ, которая была ему рекомендована по пріѣздѣ въ Россію, и теперь просилъ меня заступитъ ей, при брачномъ торжествѣ, мѣсто матери. Самъ Дизарнъ согласился быть посаженнымъ отцемъ со стороны Фильда. Мы рѣшились приступить къ необходимымъ приготовленіямъ, зная неспособность на такія дѣла жениха и невѣсты. Прежде всего надобно было отыскать приличную квартиру, потому что Фильдъ не могъ принять молодую

супругу въ своемъ жилищѣ, убранномъ, правда, съ нѣкоторою роскошью, но носившемъ на себѣ печать оригинальности хозяина. Большая комната, окруженная низенькими, мягкими диванами, вполне гармонировала съ лѣтнею безпечною Фильда, и онъ рѣшительно походилъ на Пашу, когда курилъ изъ длиннаго сандалнаго чубука, закутавшись въ бѣлчій тулупъ. Возлѣ него былъ столикъ, на которомъ стоялъ подносъ съ карафномъ рома и канфорка. Стѣны были увѣшаны сигарочниками, разнообразными чубуками, кисетами съ Турецкимъ табакомъ. Многіе чубуки и сигарочники стоили очень дорого. Ятаганы, кинжалы, стальные Тульскія вещи, все подарки отъ поклонниковъ его таланта, размѣщены были въ

разныхъ углахъ. Большой круглый столъ, заваленный нотами, съ полуопрокинутыми чернильницами и живописно разбросанными перьями; кое-какъ разставленные стулья, четыре окна безъ занавѣсокъ, отличное фортепиано для друзей — вотъ что было въ комнатѣ новаго Паши.

Мы пришли звать его посмотреть квартиру, въ которую надобно было переѣхать. Фильдъ назвалъ новую квартиру слишкомъ красивою, и спрашивалъ насъ съ безпокойствомъ, гдѣ ему принимать друзей, гдѣ помѣстить собаку. Мы показали особенную комнату, точно такую же, какъ та, о которой онъ сожалѣлъ. Артистъ ни о чемъ больше не заботился.

Въ день свадьбы, назначенной вечеромъ, женихъ и невеста обѣдали у меня, съ однимъ Англичаниномъ, Джонсомъ, который вызвался быть свидѣтелемъ. Послѣ обѣда я пошла съ дѣвицею Першеронъ хлопотать о туалетѣ, а Фильдъ сѣлъ за фортепиано, и началъ играть фальшиво, безъ такта, подражая одной дѣвицѣ. Я просила Г. Джонса не допускать его до того, чтобы онъ совершенно погрузился въ столь интересное занятіе; онъ могъ забыть, что женится вечеромъ. Я боялась даже, чтобъ онъ не раздумалъ жениться. Фильдъ, въ самомъ дѣлѣ, забылъ часть брачнаго обряда, и все сидѣлъ за фортепиано. Я разсердилась на шутку, и прогнала его одѣваться.

Въ церкви, Фильдъ, стоявшій возлѣ посаженнаго отца, былъ похожъ на мальчика, который пришелъ въ первый разъ причащаться, и все таки забылъ обручальное кольцо и деньги. Аббатъ Сюрюгъ, нашъ почтеннѣйшій патеръ, прочиталъ молодымъ трогательную рѣчь о гармоніи супружества въ особенности и обо всѣхъ гармоніяхъ вообще. По окончаніи обряда мы поѣхали ужинать къ вобравнымъ. Когда стали садиться за столъ, молодой супругъ исчезъ: онъ стоялъ посрединѣ гостиной и разсматривалъ ее въ подробности. Нашелъ время!

За десертомъ, Джонсъ началъ рассказывать какую-то длинную, утомительную исторію. Фильдъ вдругъ вскочилъ, и сказалъ сидѣвшему возлѣ него аббату Сюрюгу:

— Я хорошо запомнилъ эту исторію, и расскажу ее Джонсу въ день его свадьбы.

Такимъ-то образомъ совершился этотъ странный бракъ. На другой день, утромъ, я нашла Фильда завтракающаго съ молодою супругою: онъ сидѣлъ въ великолѣпномъ Туредкомъ халатѣ, который, вмѣстѣ съ кальянами, получилъ въ подарокъ отъ Графа С.

Пора, однако жъ, возвратиться къ моимъ воспоминаніямъ о Москвѣ. Весна, желанная гостя во всѣхъ мѣстахъ, получаетъ особенную прелесть въ странѣ, гдѣ солнце, нагрѣвая температуру, гонитъ снѣгъ, утомлявшій глаза въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Можно сказать, что перемѣна сія совершается силою волшебнаго жезла, когда саванъ вдругъ уступаетъ мѣсто зеленому ковру. Оттого, 1 - е Мая празднуется во всѣхъ городахъ Россіи общимъ гуляньемъ, въ родѣ Лоншанскаго. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ разѣзжаютъ ряды блистательныхъ экипажей. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего необыкновеннаго; но въ то время, о которомъ я говорю, существовали еще въ Москвѣ всѣ древніе обычаи, господствовали еще старинные костюмы, столь очаровательные для чужеземцевъ, особенно для артистовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Русское купечество приняло Европейскую одежду, златоглавая Москва утратила печать, ей свойственную. Первый день Мая былъ посвященъ дворянству, второй купеческому сословію. Вельможи раскидывали въ Марьиной Рощѣ богатые палатки, устланныя Персидскими коврами и освѣщенные люстрой; въ особенной палаткѣ помѣщалась прислуга. Погулявъ въ экипажѣ или пѣшкомъ, собирались къ обѣду, а вече-

ромъ дѣлали визиты, смотрѣли на пляску Цыганокъ. На другой день, Марьяна Роща принимала новый видъ: ея аллеи становились принадлежностью купцевъ, еще не перемѣнявшихъ своего богатаго костюма на фракъ и платье. Дамы высшаго круга прѣзжали на это гулянье въ неглиже, какъ зрительницы; купцы являлись въ парныхъ дрожкахъ, везомыхъ отличными конями, которыми они сами правили, въ синихъ кафтанахъ съ шелковою подкладкою, въ Турецкихъ кушакахъ съ золотыми и серебряными уборами, въ широкихъ шароварахъ. Волосы обстриженные въ кружокъ, борода и особенной формы шляпа очень шли къ этому костюму. Купчихи были въ парчевыхъ или бархатныхъ капвейкахъ на богатомъ мѣху, въ шелковыхъ сарафанахъ, обложенныхъ широкимъ золотымъ галуномъ, въ кокошникахъ, унизанныхъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Кромѣ длинныхъ золотыхъ серегъ, онѣ имѣли на лбу родъ бахрамы изъ жемчуга. Твертянки и Казанки покрывали кокошникъ вышитою блестками фатою. Видъ величественный и прекрасный!

Нынѣ, Русскіе купцы даютъ блестящее воспитаніе своимъ дѣтямъ, пренебрегаютъ своимъ почетнымъ званіемъ, покидаютъ старинные обычаи, и вскорѣ одни лавочники будутъ напоминать о томъ, чѣмъ были купцы за тридцать лѣтъ. Понимаю, что образованность отъ этого выигрываетъ; но прелесть народности исчезаетъ.

Лѣтніе праздники смѣнились зимними удовольствіями, напримѣръ, ледяными горами, прогулками въ саняхъ. Благородное Собраніе открывалось, въ продолженіе зимы, разъ въ недѣлю, отъ шести часовъ вечера до двухъ или трехъ часовъ ночи. Въ то время считалось до двухъ тысячъ шести сотъ членовъ, изъ которыхъ тысяча семьсотъ дамъ. Число дамскихъ членовъ было такъ велико, потому что всѣ молодые люди находились на службѣ въ

разныхъ мѣстахъ. Мужчины платили двадцать пять рублей въ годъ; дамы десять.

Многіе вельможи имѣли свои театральныя залы, оперныя и балетныя труппы. Баринъ назначалъ, кому изъ принадлежащихъ ему людей быть актеромъ, пѣвцомъ, танцовщикомъ, музыкантомъ. Великимъ Постомъ, когда не играютъ на театрѣ, въ этихъ залахъ артисты давали концерты по подпискѣ, и такіе концерты всегда приносили мнѣ много денегъ и подарковъ.

1812 годъ встрѣтила я на маскированномъ балѣ у Г. В., гдѣ, подъ именемъ дѣвицы Россиньолеъ, я раздавала пѣсни гостямъ, приспособенныя къ ихъ наклонностямъ и привычкамъ. Возвратясь домой почти на разсвѣтѣ, я невольно стала размышлять о наступившемъ годѣ. Ничто не предсказывало ожидавшихъ меня несчастій; разставаясь, мы были веселы, счастливы. Почти машинально написала я въ альбомѣ, куда имѣла обыкновеніе записывать безъ всякаго порядка свои мысли, слѣдующія строки:

«Отчего 1812 годъ занимаетъ меня больше всѣхъ предшествовавшихъ годовъ? Отчего казалось мнѣ необходимымъ удерживать его въ памяти?» Визу я прибавила: «Не надобно надѣяться много на прочность счастія! Увидимъ. До 1813 года!»

По возвращеніи въ Москву послѣ отсутствія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, я нашла городъ въ сильной тревогѣ. Взятіе Смоленска еще болѣе встревожило Москву. По улицамъ тянулись безпрестанно экипажи, телеги съ мебелью и домашними принадлежностями, и по мѣрѣ приближенія непріятеля, блокаменная пустыла. Оставшіеся жители рѣшились похоронить себя подъ развалинами родныхъ пепелищъ; иные переселились въ отдаленные кварталы. Я также оставила свой домикъ, и присоединилась къ семейству артистовъ, жившему въ огромномъ домѣ Князя Г., въ Басманной,

части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армия.

Начался пожаръ Москвы. Отъ сильнаго вѣтра, огонь разливался съ необычайною быстротою. Зрѣлище страшное и вмѣстѣ величественное! Ночью мы не зажигали свѣчь, потому что было гораздо свѣтлѣе, нежели днемъ. По временамъ, раздавались взрывы, въ родѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Домъ, въ которомъ мы думали найти безопасное убѣжище, загорѣлся, и я съ трудомъ успѣла вынести нужнѣйшія изъ своихъ вещей въ садъ. Деньги, лежавшія въ моемъ ридикюль, составляли тогда все мое богатство, вмѣстѣ съ немногими дорогими бездѣлками. Я предала свою судьбу Богу. Мы хотѣли искать убѣжища въ Петровскомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, но безъ военнаго конвоя не смѣли туда отправиться. Блуждая изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы вездѣ находили слѣды грабежа и опустошенія, и городъ, еще недавно богатый, блестящій, теперь представлялъ груду пепла и развалинъ. Между тѣмъ приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были пѣть во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казалось весьма затруднительнымъ въ городѣ, начисто ограбленномъ, гдѣ женщины не имѣли ни платья, ни башмаковъ, равно какъ и мужчины; гдѣ не было гвоздей для декораций, масла для лампъ и всего остальнаго.

Графъ Боссе, пригласивъ меня къ себѣ, сказалъ:

— Мы хотимъ собрать здѣсь артистовъ, и дать нѣсколько представленій у Императора. Таркини увѣрилъ насъ, что вы пріятная пѣвица.

«Какъ, мнѣ пѣть въ присутствіи Императора? Нѣтъ, Графъ, я скромная пѣвица романсовъ, ариетокъ, и съ тѣхъ поръ, какъ лишилась голоса, не берусь за Итальянскую музыку.»

— Но вѣдь вы пѣли дуэты съ Таркини?

«Да, въ обществѣ дамъ, которыя знали, что мы поемъ безъ всякихъ притязаній, и которыя судили меня снисходительно. Но явиться съ титуломъ пѣвицы къ Императору?... Да я умру со страха! Онъ знатокъ, и, ради самого Бога, прошу меня оставить въ неизвѣстности.»

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Графъ Боссе, ограничимся водевилемъ и комедіею.

«А, это другое дѣло!»

Я уже сказала, что многіе Русскіе вельможи имѣли въ своихъ домахъ театры: насъ откомандировали играть въ уцѣлѣвшій домъ Познякова. Ленты и цвѣты были найдены въ солдатскихъ казармахъ, и на дымящихся развалинахъ Москвы происходили танцы. Наполеонъ рѣдко посѣщалъ спектакль; но вотъ что случилось со мною въ тотъ день, когда ему вздумалось удостоить насъ посѣщеніемъ. Давали піесу *Открытая война*. Въ сценѣ окошка, я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ Московскихъ гостинныхъ. Музыка была написана Фишеромъ, Нѣмецкимъ композиторомъ, и еще не напечатана. Въ присутствіи Наполеона, зрители не аплодировали; но романсъ, никому не извѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слышалъ романса; однако жъ, шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ у Графа Боссе, дворцоваго префекта. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Я такъ смутилась, что голосъ мой задрожалъ; я думала, что не буду въ состояніи кончить; но потомъ я ободрилась. Съ тѣхъ поръ, меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король Неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ; слова очень милы.

Un chevalier qui volait aux combats,
Par ses adieux consolait son amie:

Au champ d'honneur l'amour guide mes pas,
Arme mon bras, ne crains rien pour ma vie.
Je reviendrai ceint d'un double laurier,
Un amant, que l'amour inspire,
Du troubadour sait accorder la lyre
Et diriger la lance du guerrier.

Bientôt vainqueur, je reviendrai vers toi,
Et j'obtiendrai le prix de ma vaillance,
Mon coeur sera le gage de ta foi,
Et mon amour celui de ta constance.
Je reviendrai ceint d'un double laurier, etc.

Il faut, hélas! abandonner ces lieux.
Sur ma valeur que ton coeur se rassure.
Dis!... pour garant de nos derniers adieux,
C'est de ma main qu'il reçut son armure,
Je reviendrai ceint d'un double laurier;
Un amant, que l'amour inspire,
Du troubadour sait accorder la lyre
Et diriger la lance du guerrier.

Вскорѣ заговорили намъ о необходимости оставить Москву, что было совершенно противно моимъ намѣреніямъ: я желала остаться въ Россіи, но меня дотога запугали предстоящими событіями, что я должна была рѣшиться на отъѣздъ. Клеманъ де Тентиньи (Tintigni), ординарецъ Наполеона и племянникъ Коленкура, далъ мнѣ въ распоряженіе своихъ людей и спокойный дормезъ. Я успѣла сберечь теплые на мѣху салоны, а это, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, много значило. Но если бы я предвидѣла несчастія, меня ожидавшія, то ни за что въ свѣтъ не выѣхала бы изъ Москвы. И теперь, я намѣревалась выждать оборота дѣла въ Минскѣ или въ Вильнѣ.

Подъ Смоленскомъ, вмѣстѣ съ ужасными бѣдствіями Французской Арміи, начались и мои несчастныя походы. Я была свидѣтельницею роковаго бѣгства Французовъ, и съ изумленіемъ смотрѣла на странное зрѣлище, представляемое Наполеоновыми полками. Солдаты унесли съ собою, что могли изъ награбленныхъ вещей: одинъ былъ въ мужицкомъ кафтанѣ или въ коротенькой шубенкѣ толстой кухарки; другой въ шелковомъ платьѣ богатой купчихи, и весьма многіе въ атлас-

ныхъ мѣховыхъ салопахъ, розовыхъ, синихъ, сиреневыхъ, бѣлыхъ. Въ другое время можно было бы расхохотаться, смотря на стараго, усатаго гренадера въ розовомъ атласномъ салопѣ и въ киверѣ. Защищаясь отъ стужи всѣми способами, несчастные сами часто посмѣивались надъ столь оригинальнымъ маскарадомъ. Я лишилась всего платья и бѣлья, и сохранила только ящикъ съ шалими, деньгами и драгоценными вещами, потому что солдаты, побросавъ ружья, грабили, обворовывали всѣхъ безъ разбора, отъ начальниковъ до товарищей.

Въ виду Краснаго, лошади наши оставились отъ истощенія; я вышла изъ экипажа, въ надеждѣ отыскать главную квартиру; но встрѣтившійся офицеръ сказалъ мнѣ, что главная квартира скоро отправится, такъ какъ городъ начинаетъ горѣть. Пожаръ, дѣйствительно, охватилъ деревянный городокъ, и я съ трудомъ пробѣжала по узкимъ улицамъ черезъ весь Красный. Одинъ жандармъ, узнавъ, что я ищу кого нибудь изъ свиты Императора, объявилъ мнѣ, что всѣ давно усаkali, и что я не могу догнать ихъ. И такъ, сказала я, мнѣ остается только умереть: я не была въ состояніи идти. Я чувствовала, что кровь застывала въ моихъ жилахъ отъ нестерпимой стужи. Говорять, будто этотъ родъ смерти самый пріятный: совершенная правда! Въ ухахъ моихъ раздавались слова: «Не оставайтесь здѣсь!... Ступайте!» Меня трясло за руку, но я находилась въ сладкомъ свѣ. Наконецъ, я уже ничего больше не слышала, и лишилась чувствъ, а когда очнулась, то увидѣла себя въ крестьянской избѣ, въ обществѣ множества военныхъ. Кто-то держалъ меня за руку и пробовалъ пульсъ. Я узнала потомъ въ незнакомцѣ Барона Деженетта; Генераль Бурманъ смотрѣлъ на меня съ участіемъ; старый Маршалъ Лефевръ принесъ мнѣ огромную чашку крѣпкаго кофе, который привелъ въ движеніе мою кровь.

Черезъ нѣсколько часовъ, я поѣхала въ каретѣ Маршала. Мы достигли Березины ночью, а на утро назначена была переправа. Наполеонъ стоялъ у моста, чтобы ускорить переправу. Я могла разсматривать его со вниманіемъ, потому что мы ѣхали шагомъ: онъ показался мнѣ столько же спокойнымъ, какъ на смотрѣ въ Тюльери. «Не бойтесь, сказалъ Императоръ, ступайте, не бойтесь!» Надо было полагать, что слова эти относились преимущественно ко мнѣ, потому что кромѣ меня, другихъ дамъ не было, и я тотчасъ поняла всю опасность переправы. Неаполитанскій Король держалъ свою лошадь подъ уздцы, облокотясь рукою на дверцы моей коляски. Взглянувъ на меня, онъ сказалъ какую-то любезность. Въ подобную минуту, при двадцати градусахъ мороза, костюмъ его показался мнѣ до крайности страннымъ: шея открытая; бархатный плащъ небрежно наброшенъ на плечо. Кудрявые волосы, черный бархатный токъ съ бѣлымъ перомъ уподобляли Мюрата герою мелодрамы. Мнѣ до сихъ поръ не случалось видѣть такъ близко Неаполитанскаго Короля, и когда онъ нѣсколько поотсталъ, я обернулась. Мюратъ сдѣлалъ мнѣ ручку. Онъ очень любилъ кокетничать, особенно если дамы обращали на него вниманіе.

Многіе генералы также держали своихъ лошадей подъ уздцы, потому что мостъ былъ весьма непроченъ. Между тѣмъ настала оттепель; ледъ тронулся, и тутъ началась бѣдственная переправа. Когда мостъ разорвало, мы услышали одинъ общій крикъ, неизъяснимый, невообразимый. Всѣ несчастные, оставшіеся на другомъ берегу рѣки, погибли отъ картечи. Ломавшійся ледъ поглощалъ мужчинъ, женщинъ, лошадей, экипажи. Солдаты, размахивая саблями, прокладывали себѣ путь; опасность заглушила въ нихъ всѣ законы человѣчества.

Судьба страшная, непостижимая! Если бы Маршалъ Лефевръ, спасшій меня отъ

смерти въ Красномъ, не далъ мнѣ своего экипажа, я непременно погибла бы въ Березинѣ, какъ наибольшая часть Московскихъ бѣглецовъ.

По возвращеніи во Францію, когда меня рекомендовали какой нибудь знатной особѣ, всегда употребляли слѣдующую формулу: «Она переправлялась черезъ Березину!»

Въ экипажѣ Маршала я доѣхала до Вильны. Здѣсь я была внѣ опасности, но много должна была терпѣть, потому что меня окружали люди вовсе не знакомые. Путешествуя подъ покровительствомъ свитскихъ офицеровъ, я двадцать разъ подвергала жизнь свою опасности, но благородство благовоспитанныхъ молодыхъ людей вознаграждало меня, нѣкоторымъ образомъ, за всѣ страданія.

Мы пріѣхали въ Вильну 9-го Декабря, въ одиннадцать часовъ вечера, и съ немнѣвными усиліями пробрались въ городскія ворота, загроможденные столпившимися войсками. Тутъ погибли почти всѣ Французы, бѣжавшіе изъ Москвы, отъ голода и холода, а тѣ, которые спаслись, до того перемѣнились и постарѣли, что черезъ шесть недѣль я едва могла узнать своихъ знакомыхъ.

Въ Вильнѣ, казна моя совершенно истощилась. Мнѣ совѣтовали обратиться къ Императору Александру, такъ какъ я восемь лѣтъ служила при театрѣ. Если бы я имѣла эту смѣлость, подобно многимъ изъ моихъ соотечественницъ, то Его Величество не отринулъ бы моей просьбы, ибо единственною цѣлю Александра было услаждать судьбу всѣхъ несчастныхъ.

Во все время пребыванія моего въ Вильнѣ, я пользовалась покровительствомъ Фельдмаршала Кутузова, и живя у одной вдовы, ходила за несчастными больными. Какой-то офицеръ, свидѣтель моего тердоболя, сообщилъ мнѣ трогательное извѣстіе о ребенкѣ, еще подававшемъ признаки жизни, хотя всѣ лежавшіе вокругъ его уже умерли отъ истомленія и голода.

Мы тотчас же побѣжали къ городскимъ воротамъ. Здѣсь схватила я ребенка въ салопъ, и къ несказанному счастию убѣдилась, что онъ только окостенѣлъ отъ стужи; но надобно было съ величайшею осторожностью приучать его желудокъ къ пищѣ. Бѣдная дѣвочка, вѣроятно, принадлежала Французскимъ родителямъ, жившимъ въ Москвѣ: изъ женъ, добровольно пришедшихъ изъ Франціи съ своими мужьями, или изъ тѣхъ женъ, которыя спаслись, я думаю, ни одна не бросила бы своего дѣтища.

— Почему же не взять вамъ дѣвочки подъ свое покровительство; вы такъ добры, сказалъ мнѣ офицеръ.

«Я этого и желаю; но у меня ничего нѣтъ; что я могу для нее сдѣлать!»

— То, что вы дѣлаете для всѣхъ несчастныхъ: не оставьте ее своими попеченіями.

«Но попеченіями нельзя жить.»

— По крайней мѣрѣ, онѣ облегчаютъ жизнь. Мы сдѣлаемъ, по возможности, складчину.

На другой день я пошла къ Фельдмаршалу Кутузову. Меня встрѣтилъ зять его, Князь К.

— Знаете ли, сказала я Князю, что со мною случилось: вамъ извѣстна пѣска: *La Banqueroute du Savetier*? Бѣднякъ жалуется, что не можетъ кормить свое дѣтище, и находитъ у порога двухъ подкинутыхъ младенцевъ. Со мною почти такая же исторія: я теперь ничего не имѣю, а Богъ послалъ мнѣ дѣвочку. Она упала на слѣгъ, какъ птичка изъ гнѣзда. Скажите, что мнѣ дѣлать съ ребенкомъ и съ собою?

Князь обѣщалъ поговорить съ тестемъ. Я въ тотъ же день, приваряя къ малютку, представила ее Фельдмаршалу. Въ ожиданіи его выхода, я взглянула на раскрытую книгу: то были стихотворенія Клотильды. Я прочитала строфу:

«Enfancon malheureé
M'est assurance,

Que Dieu m'envoie
Peur être ton pavoí

— Вотъ, Ваша Свѣтлость, сказала я вошедшему Фельдмаршалу, не предсказаніе ли это?

«Да, отвѣчалъ Князь, странное столкновеніе. Ну, что жъ, я буду равоі и крестнымъ отцемъ дѣвочки.»

Фельдмаршалъ назвалъ дѣвочку Надеждою, и подарилъ ей пятьсотъ рублей, а Князь К. триста

Я покинула свое званіе, пожертвовала своею будущностью для ребенка, котораго любила любовію матери. Надежда служила украшеніемъ гостинныхъ во Франціи и Англии, гдѣ всѣ восхищались ея умною, милою игрою въ небольшихъ сценахъ. Она плясала по-Русски, въ сарафанѣ, и вошла въ такую моду, что ни одинъ блистательный вечеръ не могъ обойтись безъ маленькой Надежды. На Ахенскомъ Конгрессѣ, она обратила на себя вниманіе Союзныхъ Монарховъ. Прусскій Король удостоилъ меня, изъ-за моей питомицы, лестнымъ письмомъ, которое я храню какъ драгоценность, а когда мы были въ Берлинѣ, проездомъ въ Варшаву, Его Величество пожелалъ видѣть пятнадцатилѣтнюю Надежду, и принялъ насъ чрезвычайно благосклонно. Въ Потсдамѣ мы давали вечеръ, только въ присутствіи Двора и Посланниковъ. Затѣмъ, Его Величество поручилъ мнѣ, по возвращеніи изъ Варшавы, составить Французскую труппу для Берлина. Съ тѣхъ поръ, существуетъ въ Пруссіи Французскій Театръ.

На прощальномъ вечерѣ, намъ бросили стихи, которые оканчивались слѣдующими строками:

N'oubliez pas vos succès dans ces lieux,
Emportez nos regrets, laissez nous *l'Espérance*. (*)

(*) Не забудьте своихъ успѣховъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; возьмите съ собою наши сожалѣнія, оставьте намъ *Надежду*.

Пятнадцатилѣтняя Надежда дебютировала на главномъ Французскомъ Театрѣ подѣ самыми счастливыми предзнаменованіями

Не имѣю мужества дополнить біографію Надежды: я могу привести только строки, напечатанныя о ея смерти въ одномъ журналѣ 1832 года:

«Это та самая интересная сиротка, которая, благодаря стараніямъ госпожи Фюззи, сдѣлалась прелестною актрисою, и о которой, послѣ перваго дебюта, говорили всѣ журналы. Она была славою и надеждою своей второй матери, которая лишилась ее на двадцатомъ году. Вотъ нѣ-

сколько трогательныхъ стиховъ, вырѣзанныхъ на ея гробницѣ: стихи написаны госпожею Дебордъ-Вальморъ:

Elle est aux cieux, la douce fleur des neiges,
Elle se fond aux bords de son printemps.
Voit-on mourir d'aussi jeunes instants!
Mais ils souffraient, mon Dieu! tu les abrèges.

Son sort a mis des pleurs dans tous les yeux
C'était, je crois, l'aurole d'un ange
Tombé à l'ombre et regretté aux cieux;
D'un peu de vie, oh! que la mort te venge.

Fleur dérobée au front d'un séraphin,
Reprends son rang avec un saint mystère;
Et ce fil d'or dont nous pleurons la fin
Va l'attacher autre part qu'à la terre!

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ

НѢМЕЦКАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО ПИСАТЕЛЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Съ небольшимъ чемоданомъ и одноактнымъ водевилемъ пріѣхалъ я, никѣмъ не знаемый, въ Парижъ.

Всѣ театры въ Германіи отвергли мое драматическое дѣтище, и я возымѣлъ смѣлую мысль перевести піесу на Французскій языкъ и отдать ее на какой нибудь бульварный театръ.

Чего не сдѣлаетъ отецъ для своего дѣтища? Я вскорѣ познакомился съ нѣсколькими авторами, людьми неучеными, какъ это случается и въ Германіи, но и безъ докторскихъ титуловъ, что въ Германіи принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Они приняли меня очень радушно, и общимъ голосомъ нарекли своимъ братомъ и товарищемъ, confrère et collègue.

Я долженъ былъ оправдать такое на-

званіе, и началъ серьезно готовиться къ несомнѣнному успѣху піески. Мои друзья-сочинители всячески старались услужить мнѣ. Каждый изъ нихъ предлагалъ свой театръ; одинъ говорилъ, что та дирекція, съ которой онъ былъ, впрочемъ, не въ ладахъ, выгоднѣе и надежнѣе нежели другая; иной утверждалъ, напротивъ, что можно надѣяться на продолжительнѣйшій успѣхъ, если піеса попадетъ на такой-то театръ, потому что здѣсь главная роль достанется любимцу Парижской публики. Словомъ сказать, всѣ спѣшили помочь мнѣ совѣтами.

Вскорѣ явился ко мнѣ агентъ, который, по порученію авторовъ, собиралъ въ провинціи droits d'auteur, то есть доходы, давашіе на долю сочинителя съ каждаго представленія піесы. Для убѣжденія въ

аккуратномъ веденіи дѣла, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Этотъ агентъ, какъ я слышалъ, получалъ въ годъ отъ 20 до 25,000 франковъ, хотя бралъ весьма малое вознагражденіе за свои хлопоты.

Другой аферистъ явился ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ: онъ часто ссужаетъ сочинителей деньгами, по прочтеніи пьесы.

Всѣ подобныя приготовленія казались мнѣ утомительными, напрасными, бесполезными. Можно ли требовать отъ автора, чтобъ онъ занимался агентами, процентами, сборами? Въ Германіи все дѣлается просто, безъ затѣй. Представлена пьеса, авторъ получаетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ трехъ до шести червонныхъ, въ видѣ почетнаго вознагражденія, и—ба-ста!

II.

Я обратился къ одному театру, недавно поступившему подъ управленіе двухъ стариковъ, которые имѣли много доброй воли, тысячь двѣсти франковъ и ни какого понятія о театрѣ. Одинъ изъ нихъ, Г. Рокко, былъ прежде владѣльцемъ какой-то фабрики; другой, Г. де ла Виель Ганашъ, служилъ нѣкогда въ военной службѣ и ходилъ на деревянкѣ. Обоимъ стукнуло уже лѣтъ по семидесяти.

Снимая театръ, никто и не думаетъ объ искусствѣ; вся цѣль заключается въ полученіи наибольшихъ процентовъ съ капитала. Вполнѣ это не относится къ старикамъ, о которыхъ я говорю. У Г. Рокко нельзя было отнять наклонности къ искусству; по крайней мѣрѣ, онъ любилъ артистокъ, и въ особенности маленькую, ловкую швейку, мамзель Дезире, которая служила прежде на фабрикѣ Г. Рокко, и именно была причиною его театральнаго директорства. Она вздумала поступить на сцену, и старикъ по неволѣ согласился снять театръ и принять ее подъ свое покровительство.

Г. де ла Виель Ганашъ былъ совсѣмъ

другой человѣкъ: онъ, дѣйствительно, имѣлъ чувства Нѣмца, и потому представлялъ рѣзкую противоположность съ чисто Французскими понятіями своего ко-администратора. Въ дочери своей, двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, онъ замѣтилъ рѣшительный талантъ къ драматической поэзіи, и, по его словамъ, эта дѣвочка писала такія пьесы, которыя, даже по любовнымъ сценамъ, можно было назвать образцовыми. Но какъ любовныя сцены, естественно, не выходили изъ подъ пера двѣнадцатилѣтняго ребенка вполнѣ удовлетворительными, то почтенный родитель бралъ ихъ на себя, и, по его мнѣнію, образцовыя творенія получали чрезъ то окончательную отдѣлку, такъ что могли быть предложены Парижской публикѣ.

Второй планъ, къ осуществленію котораго стремился старикъ, имѣлъ источникомъ искреннюю дружбу. Когда Г. де ла Виель Ганашъ, служа въ полку, стоялъ въ Безансонѣ, одинъ молодой офицеръ сочинялъ трагедіи. Трагедія Катонъ, читанная офицеромъ товарищу, была написана по всѣмъ правиламъ Французской трагедіи, и недоставало только имени Корнея въ заглавіи, чтобы взволновать радостнымъ восторгомъ Францію. Старикъ всегда помнилъ объ этой превосходной пьесѣ, въ ухахъ его все еще раздавались благозвучные стихи, и ни одно драматическое произведеніе не дѣйствовало на него въ столь сильной степени. Такимъ классически-тяжелымъ мечемъ хотѣлъ онъ поразить легкія войска романтизма; его старинный другъ, Капитанъ въ отставкѣ (capitaine en retraite), долженъ былъ уничтожить Виктора Гюго, и, увѣнчавшись вѣнкомъ Мельпомены, вознаградить себя, по крайней мѣрѣ, за неудачи военной службы, которая не хотѣла надѣлать его лаврами война. Вотъ великая цѣль, куда стремился престарѣлый директоръ, Г. де ла Виель Ганашъ. Не заботясь объ эфемерныхъ явленіяхъ современной литерату-

ры, онъ предоставлялъ всё мелочныя заботы своему товарищу, а самъ мечталъ о своихъ любимыхъ идеяхъ.

III.

Меня представилъ обоимъ директорамъ ихъ главный секретарь, учтивый молодой человекъ. Онъ объявилъ имъ, что я Нѣмецъ, слѣдовательно вполне владѣю фаталистически-фантастическимъ родомъ, что очень хорошо знаю *судьбу, destin*, которую Нѣмцы называютъ *Faustomъ* (que les Allemands nomment le Faust), что на меня во многомъ можно положиться, что журналы держатъ мою сторону, потому что меня, какъ Нѣмецкаго писателя, ценсура, вѣроятно, пощадитъ, и что такимъ образомъ я имѣю право на соучастіе публички, если не на совершенную похвалу за свое романтическое направление.

Директоры поняли всё выгоды новаго произведенія, хотя оно и не соответствовало видамъ Г. де ла Виль Ганаша. Но Г. де ла Виль Ганашъ тотчасъ составилъ, относительно меня, смѣлый планъ, что будетъ явствовать изъ дальнѣйшаго хода этого истиннаго событія.

Со мною обращались такъ вѣжливо, сколько было нужно для того, чтобы не показаться грубымъ. У меня взяли рукопись; главный секретарь выставилъ на ней номеръ, и предложилъ явиться за отвѣтомъ чрезъ недѣлю.

— Вы будете получать по три процента со сбора каждаго представленія, сказалъ мнѣ Г. Рококо при прощаніи, но вы должны сообщить намъ два списка, въ листъ, съ вашего водевиля и всѣ роли. Я извинялся въ германисмахъ, которые могли вкратчѣ при переводѣ, но главный секретарь сказалъ, что мой сотрудникъ легко очиститъ всѣ выраженія, и что завтра я долженъ зайти къ нему въ контору, гдѣ онъ познакомитъ меня съ сотрудникомъ.

Я распростился съ нимъ при тысячѣ увѣреній въ вѣчной дружбѣ, которая главный секретарь принималъ холодно и

почти всегда вѣжливо возражалъ: «Но развѣ, сударь, вы меня знаете?» Mais, Monsieur, est-ce que Vous me connaissez donc? Очутившись на улицѣ, я побѣжалъ на бульваръ, и здѣсь, въ толпѣ народа, сталъ размышлять о дѣлѣ, въ которое былъ завлеченъ.

Ничтожный водевилъ мой за одинъ разъ привелъ меня въ тѣснѣйшія сношенія со многими людьми, и всѣ они такъ усердно хлопотали о моей піесѣ, какъ будто на ней зиждилось благосостояніе театра. Легко понять, какъ это меня поразило: въ Германіи я не могъ обратитъ на свой трудъ ни малѣйшаго вниманія.

Неужели въ самомъ дѣлѣ успѣхъ театра основывается преимущественно на авторахъ? Гдѣ же лучше авторамъ, во Франціи или въ Германіи?

IV.

На другой день, въ назначенный часъ, я былъ въ театральной конторѣ, гдѣ главный секретарь и сотрудникъ уже дожидались меня.

Сотрудникъ мой занимался прежде торговлею; но истративъ капиталъ свой на важное предпріятіе, dans de grandes affaires, именно на проведеніе канала, до сихъ поръ неоконченнаго, принужденъ былъ искать другихъ средствъ къ существованію. Онъ познакомился съ однимъ Нѣмцемъ, который за долги сидѣлъ въ тюрьмѣ Ste Pélagie. Нѣмецъ перевелъ нѣсколько піесъ Коцебу, а сотрудникъ мой поправилъ ихъ, и черезъ содѣйствіе Скриба и другихъ драматурговъ поставилъ на сцену. Вотъ какимъ образомъ сдѣлался онъ драматическимъ писателемъ, а le Chevreuil de Mr. Kosbou, доставившее ему въ шесть недѣль слишкомъ 10,000 франковъ, поощрило къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Теперь понятна особенная склонность этого Француза къ Нѣмцамъ; понятно также, почему главный секретарь избралъ его своимъ сотрудникомъ.

— У насъ театръ просто дѣло денеж-

ное, сказалъ Г. Бленъ, и мы руководствуемся правиломъ: жить самимъ и другимъ давать жить. Я охотно соглашаюсь просмотрѣть вашу пьесу и вмѣстѣ уничтожить въ ней то, что можетъ показаться несообразнымъ съ Французскимъ вкусомъ, не касаясь, впрочемъ, вашей оригинальности и не уничтожая чужеземнаго элемента, который здѣсь такъ правится. Но главное, надобно, чтобы пьеса ваша была принята, а для этого не достаточно моего вліянія: мы должны принять къ себѣ въ сотрудники оберъ-режиссера, *régisseur général*, и удѣлить ему часть изъ доходовъ. Впрочемъ, онъ ничего не перемѣнитъ въ нашемъ сочиненіи, я за это ручаюсь, и беру также на себя устроить, если бы публика требовала, объявленія его имени вмѣстѣ съ нашими. Вы тогда скажете ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и все кончено.

«И я, съ своей стороны, сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть,» прибавилъ главный секретарь.

— А что отъ него зависить, значить очень много, замѣтилъ Г. Бленъ. При поступленіи сочиненій соблюдается очередь. Всякому автору опредѣлено время, когда пьеса его должна быть играна. Следовательно, тутъ все зависить отъ главнаго секретаря, и для скорѣйшаго достиженія цѣли намъ было бы полезно сдѣлать его участникомъ авторской доли, хотя бы имя его не было объявлено.

Молчаливымъ поклономъ изъявилъ я свое согласіе, и поинялъ теперь значеніе вѣжливаго вопроса: «*Mais est-ce que Vous me connaissez donc?*» Я распростился съ новыми друзьями безъ дальнѣйшихъ дружескихъ изліяній: общее дѣло связало насъ крѣпко.

Дорогою старался я раздѣлить три процента на четыре равныя части, но бывъ всегда плохимъ счетчикомъ, не добился толку.

V.

Съ этой минуты я имѣлъ свободный входъ во всѣ мѣста, получилъ право быть на сценѣ.

— *Vous êtes de la maison, et vous n'avez qu'à vous pommer au contrôle*, сказалъ мнѣ Г. Рокко. Я воспользовался такимъ позволеніемъ, и по вечерамъ преимущественно отправлялся за кулисы. Самое замѣчательное явленіе, поразившее меня за кулисами, были коротенькія мантили, которыя актрисы набрасывали себѣ на обнаженные плечи, когда сходили со сцены. Эти мантили бываютъ весьма богатыя: я видѣлъ одну изъ чернаго бархата, подбитую лебляжьимъ пухомъ, что не мало способствовало къ возвышенію красоты набѣленной и намяченной Граціи. Лишь только красавица должна снова выѣти на сцену, мантилья сбрасывается на руки кавалеру, который для этой цѣли обязанъ находиться при дамѣ цѣлый вечеръ. Люди, незнакомые съ театральными тайнами, могутъ подумать что нибудь дурное о такомъ асистентствѣ; но они подумаютъ несправедливо.

Во время антрактовъ я познакомился съ *le malin Figaro*, *le spirituel Corsaire* и съ *l'espiègle Entr'acte*, молодыми редакторами или сотрудниками журналовъ этого названія, обязанныхъ писать о театрѣ. Для каждаго театра существуетъ подобный журналецъ. Значительные политическіе журналы довольствуются помѣщеніемъ статейки, присланной главнымъ секретаремъ. Меня познакомили также съ первыми артистами, именно съ оберъ-режиссеромъ, который уже зналъ о своемъ сотрудничествѣ, и потому былъ со мною очень ласковъ и предупредителенъ, и еще съ тремя второстепенными режиссерами.

Четвертый режиссеръ былъ мальчишкѣ лѣтъ семнадцати, безъ бороды и въ туфляхъ, который думалъ дебютировать, но послѣ пробы получилъ отказъ. Его опредѣлили четвертымъ режиссеромъ, ради

бѣдности и любви къ театру, или къ актрисамъ, а должность его была не трудна: онъ звонилъ при началѣ дѣйствія и писалъ дневные приказы, отчего оберъ-режиссеръ, *кѣ сожалѣнію, не умѣвшій обращаться съ перомъ*, видѣлъ въ немъ необходимаго для себя человѣка.

Всѣ вообще обращались со мною вѣжливо; послѣ спектакля я отправлялся съ нѣкоторыми театральными лицами въ кофейную, *roug me rafraîchir*.

VI.

Въ тотъ день, когда читали мой водевиль, причемъ и я присутствовалъ, разразилась первая буря. Одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ, поэтъ Леонъ, съ шумомъ ворвался въ засѣданіе.

Леонъ толстый молодой человѣкъ, извѣстный посѣтитель лучшихъ рестораторовъ. Въ этотъ день онъ надѣлъ на себя нѣсколько жилетовъ, бекешъ съ шившиловымъ воротникомъ, сверху широкій зеленый шелковый плащъ съ красною подкладкою, а шею окуталъ Индѣйскимъ фуляромъ. Въ такомъ костюмѣ онъ всегда являлся на пробы, потому что въ театрѣ вездѣ дулъ сквозной вѣтеръ.

Леонъ репетировалъ двѣнадцатую картину своей новой мелодрамы, когда узналъ о чтеніи моего водевиля, долженствовавшаго, по всему вѣроятію, итти послѣ его пьесы. Онъ говорилъ долго и тихо съ директорами и оберъ-режиссерами, но, уходя, воскликнулъ: Такъ я беру назадъ свою пьесу, *je retire donc ma pièce!* Его удержали, и повидимому, сдѣлали новыя предложенія. Разговоръ становился громче, и я замѣтилъ, что уже не было рѣчи о намѣреніи поэта взять обратно пьесу. Начался торгъ о постановкѣ мелодрамы; Леонъ настаивалъ на 7000 франковъ, на сумму, которую онъ въ точности вычислилъ съ машинистомъ, живописцемъ и костюмеромъ, а администрація опредѣляла только 5000 франковъ. Споры были безконечныя. Авторъ посмотрѣлъ

на часы: ему надлежало отправляться въ другой театръ, на репетицію пьесы, въ которой онъ былъ сотрудиномъ.

— И такъ до завтра, сказалъ онъ, а между тѣмъ, до рѣшенія дѣла, пробы должны быть прекращены.

Улыбаясь, обратился ко мнѣ Леонъ съ учтивѣйшими извиненіями въ безвинной помѣхѣ чтенію моего водевиля, о которомъ такъ много слышалъ хорошаго, и представленія котораго ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Чтеніе, въ самомъ дѣлѣ, было кончено: актеры и актрисы отправились на сцену, а я, какъ *étant de la maison*, послѣдовалъ за ними, чтобъ быть свидѣтелемъ для меня новаго и поразительнаго зрѣлища.

VII.

Одинъ молодой поэтъ предложилъ дирекціи свой водевиль. водевиль былъ принять; день представленія назначенъ, но поэтъ требовалъ еще, чтобы его жена сдѣлала первую театральную попытку въ главной роли. Тщетно представляли ему несообразность подобнаго требованія. Если водевиль хорошъ, неопытность дебютантки можетъ уронить его; съ паденіемъ водевиля соединенъ неуспѣхъ дебютантки. Всѣ убѣжденія были напрасны: супруга автора настояла на своемъ, и на эту-то репетицію мы теперь пришли.

Г. Теофилъ, капельмейстеръ, стоялъ со скрипкою; суфлеръ, въ родѣ побѣдителя, красовался возлѣ своей будки, опустивъ туда лѣвую ногу и прочитывая рукопись; поэтъ и супруга его прохаживались взадъ и впередъ, въ ожиданіи артистовъ.

Наконецъ все уладилось. Поэтъ поцѣловалъ жену, и сказавъ: *du courage, m'amie*, бросился въ ложу. Дебютантка махнула рукой и улыбнулась.

Самоувѣренность дебютантки понравилась мнѣ; я улыбнулся ей пріятно; она пристально на меня взглянула. Между тѣмъ началась репетиція; оберъ-режис-

серъ съ необыкновенною важною сълъ на авансценѣ.

Дебютантка вышла. Что за игра? Всѣ шаги размѣрены, всѣ движенія неестественны, декламация несносно монотонна, а пѣніе?... Верхъ дисгармоніи и безтактности.

Такъ продолжалось до половины піесы. Изъ темной залы послышалось: bravo! и въ то же время кто-то захопалъ. То и другое принадлежало поэту и супругу.

Режиссеръ всталъ съ мѣста и подошелъ къ Г. Рококо. Проба была прервана. Г. Рококо объявилъ молодой дамѣ, что въ ней, дѣйствительно, замѣтно большое дарованіе, что пѣніе ея несравненно, но что недостаетъ еще кое-чего для полнаго удовлетворенія взыскательныхъ Парижанъ. «Я, впрочемъ, не сомнѣваюсь, прибавилъ Рококо, что, при вашемъ усердіи, со временемъ....»

Молодая дебютантка не допустила Рококо до дальнѣйшихъ объясненій.

— Стало быть, я не могу играть? спросила она, вздернувъ носъ и шевеля губами.

«На этотъ разъ не можете!» отвѣчала хладнокровно оберъ-режиссеръ, за котораго спрятался директоръ.

— Жюль, Жюль! закричала дама, обращаясь къ мужу.

Но мужъ уже стоялъ за женою, успокоивая ее кроткими словами, къ которымъ безпрестанно прибавлялъ: та bonne amie.

— Не хочу! воскликнула та bonne amie; ты долженъ взять свою піесу. Неужели ты допустишь, чтобы какая нибудь мамзель Клара или Гортензія испортила роль, которая написана для меня? Развѣ я играю хуже мамзель Клары или Гортензіи, что меня устраниаютъ отъ сцены, гдѣ онѣ всякій вечеръ выкидываютъ передъ публикою разныя штуки?

Громкій смѣхъ раздался съ правой стороны изъ за кулисъ, гдѣ сидѣли Клара и Гортензія съ своими мантільдержате-

лями. Это до безконечности взбѣсило даму, довело ее до такого неистовства, до котораго можетъ дойти только Француженка. Она скрежетала зубами, топала ногами; шаль свалилась у ней съ плечъ и волочилась, въ родѣ царской мантіи; шляпка съѣхала на затылокъ, а въ довершеніе, дебютантка подняла кулаки!

— Жюль, развѣ ты не видишь здѣсь подлой интриги, или ты не хочешь ничего видѣть?... Господинъ режиссеръ держитъ сторону Клары, а ты Гортензія, что ли?

Въ эту минуту выпрыгнули съ обѣихъ сторонъ Клара и Гортензія, подстрекаемыя своими кавалерами и оскорбленною честію. Вспыхнула порядочная, однако кратковременная брань: истерика все прекратила; поэтъ и большая супруга его уѣхали домой въ фіакрѣ; водевилъ былъ взятъ. Я съ удовольствіемъ потиралъ себѣ руки, и думалъ: «Съ тобою этого не можетъ случиться; твою піесу дадутъ недѣли черезъ двѣ, а до тѣхъ поръ ты не успеешь завестись женою.»

VIII.

На другой день ничто не помѣшало чтенію моего водевиля. Леонъ былъ принятъ пятымъ сотрудникомъ; со всѣхъ сторонъ желали мнѣ счастья.

Теперь я понялъ вдругъ, чего никогда не могъ понять въ Германіи, какимъ образомъ пять авторовъ трудятся надъ ничтожнымъ водевилемъ: всѣ сотрудники были на лицо, всѣ имѣли голосъ, слѣдовательно всѣ и хвалили въ голосъ. Послѣ чтенія, Г. де Ла Вель Ганашъ пригласилъ меня въ свою комнату, желая сообщить какое-то важное извѣстіе. Здѣсь, прежде всего, онъ осыпалъ похвалами мой трудъ, и все совершенство его приписалъ въ особенности драгоценной Нѣмецкой флегмѣ.

Съ сладко-кислою миною поблагодарилъ я директора за двусмысленный комплиментъ.

— Теперь, когда я довольно узналъ васъ, сказалъ наконецъ Г. де Ла Вьель Ганашъ, хочу совершенно вѣрится вамъ. Не бойтесь ничего; я старый дворянинъ, и если дѣлаю васъ участникомъ своей тайны, то знаю и убѣжденъ, что вы не выдадите меня и моихъ союзниковъ.

Я далеко отступилъ отъ директора. Мнѣ пришли въ голову разные политическіе замыслы Французовъ, съ которыми я не хотѣлъ имѣть ни какого дѣла. Старикъ, не замѣтивъ моего движенія, продолжалъ:

— Нѣкоторые изъ нашихъ артистовъ, давно мнѣ преданные, разучили втайнѣ послѣднюю піесу моей дочери. Піеса относится къ новому закону о расторженіи браковъ и имѣетъ строгое нравственное содержаніе. Я увѣренъ, что она произведетъ электрическое дѣйствіе на публику, если публика узнаетъ автора. Въ тотъ вечеръ, когда будетъ возвѣщенъ вашъ новый водевиль, я произведу въ театрѣ небольшое волненіе. Довѣренныя друзья, на которыхъ я могу положиться, потребуютъ другую піесу, станутъ кричать,

топать ногами. Я выйду на сцену и скажу, что мы готовы исполнить желаніе публики, и по счастью, имѣемъ новую піесу вмѣсто возвѣщеннаго водевиля. Нужна только одна декорация, комната, и представленіе обойдется безъ хлопотъ. Публика потребуетъ объясненія имени автора; я назову свою дочь, и буду счастливейшій отецъ, и этимъ счастьемъ обязанъ вамъ. Вы же ничего не потеряете, потому что на другой день дадутъ вашъ водевиль, какъ *spectacle demandé*.

У меня помутился разумокъ, отнялся языкъ. Это привело въ восторгъ моего старика, и онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ.

— Порадуйтесь картиною семейнаго счастья; вы того достойны! воскликнулъ онъ, схватилъ меня за руку и потащилъ въ свою квартиру, гдѣ въ столовой уже ждали насъ его жена старуха и юная сочинительница піесы, основанной на расторженіи брака, блѣдная дѣвочка съ длиннымъ, крючковатымъ носомъ и большими черными глазами, нѣсколько косившими.

(Окончаніе впереди.)

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Вся бѣда, что плохо объяснились, комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго, С. Соловьева.

Что мы предвидѣли, то и случилось: *Вся бѣда, что плохо объяснились* ничто иное, какъ вторичный переводъ прелестной комедіи Дюверье: *Faute de s'entendre*, игранной уже въ Петербургѣ, въ Русскомъ переводѣ, года за два или за три предъ симъ, еще при покойной Асенковой, которая играла роль Луизы. Нынѣшній переводъ Московскаго издѣлія, и въ немъ дѣйствующія лица *объясняются* весьма *плохо*. Всѣмъ, вѣроятно, еще памятенъ сюжетъ этой комедіи, или по прекрасному выполнению ея на здѣшней Французской сценѣ, или по прежнему представленію ея на Русской. Теперь эта пѣска явилась въ какомъ-то жалкомъ видѣ, и упала, не смотря на то, что въ ней игралъ Мартыновъ. Онъ былъ не въ своей роли, и по этому не на него должно сваливать *всю бѣду*.

Интересный случай, или художникъ и завѣщаніе, водевилъ въ двухъ отдѣленіяхъ, соч. П. И. Григорьева.

Печатавъ въ нынѣшней книжкѣ *Интересный случай*, Репертуаръ тѣмъ самымъ произноситъ свое мнѣніе объ этомъ водевилѣ, написанномъ бойко, съ большимъ знаніемъ сцены и возрастающимъ интересомъ. Почтенный авторъ заимствовалъ сюжетъ своей пѣсмы изъ небольшой повѣсти, напечатанной, въ переводѣ, въ Литературной Газетѣ, и названной весьма удачно *Водевилъ невзначай*. Вотъ вамъ и водевилъ! Литературная Газета, возвѣщая о томъ читателямъ своимъ, говоритъ: «Г. Григорьевъ довольно счастливо воспользовался сюжетомъ, только затянулъ немножко узелъ развязки.» Спрашивается, какъ не затянуть узла развязки, когда повѣсть передѣлываешь въ водевилъ? Напротивъ того, если бѣ Литературная Газета исполняла назначеніе, которое во всемъ свѣтѣ приписываютъ литературнымъ газетамъ, она должна была бы сказать, что Г. Григорьевъ искусно затянулъ

узелъ развязки, такъ что не замѣчаешь, что пѣска его составлена изъ повѣстужки. Литературная Газета, да же, должна бы поблагодарить Г. Григорьева, что передѣливая повѣсть въ водевилъ, онъ исправлялъ промахи переводчика ея, по видимому, незнающаго географіи. На примѣръ, въ повѣсти сказано въ двухъ разныхъ мѣстахъ: «дилижансъ разбился близъ Бонь.» Какое дѣло жителямъ окрестностей Шалона на Сонѣ, что дилижансъ разбился близъ города, находящагося въ Африкѣ — вѣдь Бона на сѣверномъ берегу Африки, а близъ Шалона, во Франціи, городъ Бонъ (Beaune), по которому прозвано Бургонское вино. Слѣдовательно, должно было бы сказать: дилижансъ разбился близъ Бона. Въ Литературной Газетѣ не слѣдовало бы встрѣчаться выраженіямъ: «эти дамы въ отчаяніи,» (буквальный переводъ съ Французскаго: *Ces dames sont au désespoir*); ваканціи, вмѣсто *vacations*; раскаиваться, вмѣсто: *раскаиваться*; «этотъ входъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе» (опять буквальный переводъ: *cette entrée produisit*, и пр.), и тому подобныя промахи.

Но, чтобы показать безпристрастіе нашей защиты Г. Григорьева, замѣтимъ и ему, что сохраняя мѣсто дѣйствія во Франціи, онъ долженъ бы былъ справиться, какъ путешествуютъ во Франціи въ дилижансахъ. У него Анатоля Бишоно говорить, что оставилъ свои пожитки въ трактиръ Дикой Козы, въ Шалонѣ, тогда какъ дилижансъ, остановившись въ этомъ городѣ только на три четверти часа, для обѣда, не могъ разгружаться. Объ оставшихъ пассажирахъ не заботятся ни какіе дилижансы въ мірѣ; если Анатоля Бишоно увезли изъ трактира, то чемоданы его все таки остались на имперіалѣ дилижанса, и будутъ разгружены только въ томъ городѣ, до котораго заплачено Анатолемъ за мѣсто. Въ повѣсти, таинственная дама, принимающая Анатоля за пріятеля

ея сына, говорить ему: «вы забыли свой чемоданъ въ Шалонѣ;» въ водевилѣ же, это говорить самъ Анатоля, и выходитъ песообразность. Другая ошибка въ томъ, что эта же дама говорить, въ повѣсти, объ Анатолѣ: «вы немного повыше моего сына,» и тѣ же слова вложилъ Г. Григорьевъ въ роль Г-жи де Серне, тогда какъ на сценѣ Александринскаго Театра Анатоля (Г. Максимовъ) ниже ея сына (Г-на Толченова З), разумѣется, ниже ростомъ.

Но возвратимся къ представленію. Главная роль въ пѣсѣ Г-на Максимова, который почти не сходитъ со сцены; онъ ее выполняетъ съ жаромъ, проникнутымъ комисмомъ, которой многіе ставятъ ему въ вину. Помилуйте, неужели играть серьезно и надуваясь роль вѣтрянаго живописца? Напротивъ того, Г. Максимовъ выполняетъ эту роль такъ, какъ ее задумалъ авторъ, который, играя вмѣстѣ съ нимъ, вѣрно сказалъ бы молодому артисту, что онъ неточно выражаетъ характеръ лица. Прочія роли незначительныя. Авторъ былъ вызванъ.

Два вора, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго П. С. Федоровымъ; музыка соч. Л. Маурера.

Дирижеръ здѣшняго Французскаго Театра, Г. Мауреръ, украшая водевилъ своею граціозною музыкою, захотѣлъ написать и для оперетки легкую музыку, которую бы могли исполнить наши Французскіе артисты. Вотъ оперетка эта появилась и на Русской сценѣ, обставленная полуоперными, полуводевильными пѣвцами, Гг. Шемаевымъ и Самойловымъ, и Г-жею Самойловою 2-ю, которую бы публика слушала въ этой оперѣ всѣхъ охотаѣ, если бы партія ея была значительнѣе. Ей приходится пѣть всего, кажется, одинъ номеръ, и не ея вина, если *Дуэль вора* не посчастливилось на сценѣ Александринскаго Театра. Дѣло въ томъ, что къ полицейскому письмоводителю Мере,

въ брачную ночь, забираются волокита Маркизь Соланжъ (Самойловъ) и воръ Жанъ-Бове, первый, чтобъ выиграть закладъ и похитить у молодой новобрачной свадебный букетъ, второй чтобъ украсть брилліанты. Для удобнѣйшаго исполненія своего замысла, Соланжъ присылаетъ за Г. Мере курьера, будто бы отъ Перваго Министра, требовать новобрачнаго въ Версаль. Мере запираетъ всѣ двери, и удаляется, не зная, что замкнулъ жену свою съ двумя опасными ворами. Г-жа Мере, оставшись одна, для препровожденія времени, принимается читать дѣловыя бумаги на мужниномъ столѣ, и находитъ увѣдомленія полиціи, что къ нимъ въ домъ заберутся Маркизь и воръ; стукъ за дверьми удостовѣряетъ ее, что негодяи уже на своихъ мѣстахъ: она, не теряя головы, начинаетъ дурачить обонхъ, поручаетъ Маркизу свои брилліанты, соглашаясь будто бы съ нимъ бѣжать, а вору отдаетъ въ залогъ свой свадебный букетъ, и притомъ говоритъ и тому и другому, что ожидаетъ свсего двоюроднаго брата. Маркизь принимаетъ вора за брата, воръ видитъ брата въ Маркизѣ. Въ такихъ продѣлкахъ проходить время до возвращенія Мере, котораго Министръ осмѣялъ и выгналъ; жена объясняетъ мужу хитрость Маркиза, и желая наказать волокиту вполне, выдаетъ вора за Маркиза, а Маркиза за вора. По этому, Жана-Бове провожаютъ съ учтивыми насмѣшками, а Маркиза едва не выпроваживаютъ съ побоями. — Эта пьеска можетъ нравиться, или при отчетливой игрѣ, или при хорошемъ пѣніи; она не понравилась публикѣ....

Надобно замѣтить, что всѣ три пьесы, о которыхъ мы говорили, играны не въ бенефисъ, а въ пользу Дирекціи, что у насъ случается не часто. Какъ-то казалось страннымъ быть на первомъ представленіи пьесъ, и притомъ не въ чей нибудь бенефисъ, а въ обыкновенномъ спектаклѣ.

Жельзная Маска, драма въ пяти дѣйствіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго Г. Краснопольскимъ.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ Исторіи всегда останется жизнь челоѣка, носившаго желѣзную маску. О немъ было писано очень много. Сначала говорили, что это Статсъ-Секретарь Герцога Мантуанскаго, по имени Маньи, который произвелъ волненіе въ провинціяхъ и былъ, по приказанію Министра Лувуа, схваченъ замаскированными людьми. Но это мнѣніе неправдоподобно, потому что съ арестантомъ такого рода не обходились бы съ такимъ уваженіемъ, какимъ окружали Жельзную Маску. Этого несчастнаго почитали также Герцогомъ Вермандуа, сыномъ Лудовика XIV и Герцогини Лавалиеръ, заключеннаго за то, что онъ оскорбилъ Дофина, но Графъ Вермандуа умеръ на полѣ битвы въ 1683 г., когда Дофину было двадцать два года.

Единственный достовѣрный свидѣтель въ этомъ дѣлѣ извѣстный Сень-Марсъ, бывший тюремщикомъ таинственнаго арестанта. Въ архивахъ Французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилась подлинная записка Сень-Марса, общенная, во времена Имперіи, Г-мъ Готривомъ, хранителемъ архива, Г-ну Монтливѣ.

Два пастуха предсказали Лудовику XIII, что Королева родитъ двухъ близнецовъ, которые будутъ причиною великихъ волненій въ Государствѣ, и Король рѣшился уничтожить того, кто родится вторымъ, чтобы тѣмъ предупредить междоусобіа.

Анна Австрійская, пораженная такимъ предсказаніемъ, обѣщала повиноваться волю Король. Съ приближеніемъ срока, безпокойство Лудовика усиливалось; мысль о судьбѣ потомковъ жестоко тревожила его.

Наконецъ, Королева разрѣшилась отъ бремени первымъ младенцемъ, рожденіе котораго тотчасъ же было засвидѣтельствовано; но когда свидѣтели и толпа придворныхъ удалились, Королева почув-

ствована приближеніе новыхъ родовъ. Она приказала всѣмъ особамъ, находившимся при ней, не оставлять ее, и вскорѣ родила второго сына. Роковое предсказаніе произвело на роженницу глубокое впечатлѣніе.

По опредѣленію старинной юриспруденціи, старшимъ считается послѣдпероившійся младенецъ; по этому, должно было скрыть рожденіе второго сына, и политика набросила на юную жизнь свои сѣти, изъ-подъ которыхъ уже никакъ нельзя высвободиться.

Второй сынъ Анны Австрійской поручень былъ Сень-Марсу, и черезъ этого сына, долженствовавшего носить корону Лудовика XIV, Сень-Марсъ купилъ себѣ благоволеніе цѣною совѣсти. Сень-Марсъ превратился въ тюремщика, увезъ молодого Принца въ Бургундію, и тамъ воспитывалъ его въ своемъ замкѣ. Ребенокъ росъ. Онъ видѣлъ, какъ подъемный мостъ феодальнаго жилища опускался для прѣзжавшихъ курьеровъ, украшенныхъ королевскими гербами, и какъ владѣлецъ замка съ величайшею осторожностью вручалъ имъ отвѣты.

Царственному плѣннику исполнилось пятнадцать лѣтъ. Онъ сталъ подозрѣвать, что привозимыя депеши не чужды его: эта мысль заставила его искать средствъ къ открытію тайны. Однажды, въ отсутствіе Сень-Марса, Принцъ вошелъ въ его кабинетъ, отперъ бюро, въ которомъ хранились денеша, и прочиталъ всю переписку Двора... Въ эту минуту явился Сень-Марсъ; плѣннику приказано было хранить тайну подъ смертною казнію; Принцъ поклялся, потому что съ этою клятвою соединена была его жизнь.

Сень-Марсъ увѣдомилъ Дворъ, и вскорѣ получилъ приказаніе отправиться съ своимъ питомцемъ на острова Св. Маргариты. Братъ Лудовика XIV принужденъ былъ носить маску: смѣнить ее долженъ былъ лишь саванъ. Всѣ подчиненные служили въ тюрьмѣ арестанту, не зная кто

и откуда онъ. Маска была черная, бархатная, съ застежкой назади; на набродникѣ была стальная пружина для свободнаго принятія кушанья и питья; маска запиралась замкомъ; тюремщикъ носилъ ключъ съ собою.

— Политическій плѣнникъ одѣвался съ нѣкоторою изысканностью; тюрьма была убрана красивою мебелью; бѣлье отличалось чрезвычайною тонкостью. Сень-Марсъ всегда говорилъ съ арестантомъ безъ шляпы и стоя.

Цитадель Пиньероль была признана не довольно крѣпкою для тюрьмы Дофина. Сень-Марса назначили Губернаторомъ острововъ Св. Маргариты. Часовые разставлены были по рейду; они получили приказаніе стрѣлять по всѣмъ лодкамъ, которыя будутъ приближаться, и, дѣйствительно, ни одна лодка не приближалась. Въ укрѣпленномъ замкѣ, Губернаторъ служилъ своему арестанту, какъ подданный, и самъ подавалъ ему на столъ кушанье.

Мучимый желаніемъ свободы, царственный плѣнникъ написалъ о томъ ножомъ на серебряной тарелкѣ, и выбросилъ тарелку въ окно. Рыбакъ поднялъ тарелку, и принесъ ее къ Губернатору. Изумленный Губернаторъ спросилъ у рыбака:

— Прочиталъ ли ты, что написано на этой тарелкѣ, и видѣлъ ли кто нибудь у тебя тарелку?

«Я не умѣю читать,» отвѣчалъ рыбакъ, «и ни съ кѣмъ не встрѣчался.»

Рыбакъ сидѣлъ подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока Губернаторъ не убѣдился, что онъ не умѣетъ читать, и что тарелку никто не видалъ.

— Иди, сказалъ онъ рыбаку, счастливъ ты, что не грамотень!

Одинъ цирюльникъ былъ менѣе счастливъ. Арестантъ, исписавъ тонкую сорочку, и сложивъ ее небрежно, выбросилъ сорочку изъ окна Большой Башни. Цирюльникъ принесъ Сень-Марсу эту сорочку: она была исписана отъ одного

конца до другою. Губернаторъ всячески старался вывѣдать отъ цирюльника, не прочиталъ ли онъ чего нибудь, и, не смотря на отговорки, цирюльникъ найдень былъ чрезъ два дня мертвымъ въ постели.

Во время заточенія старшаго брата Людовика XIV на островахъ Св. Маргариты, Лувуа однажды посѣтилъ его, не садясь въ его присутствіи, и говорилъ съ нимъ съ уваженіемъ.

Тюрьма желѣзной маски примыкала къ комнатамъ другихъ арестантовъ. Знаменитый плѣнникъ, разговаривая съ своими товарищами черезъ каминную трубу, объявилъ имъ, что если они станутъ его распрашивать, и если онъ откроетъ имъ свою тайну, то открытіе этой тайны будетъ причиною ихъ общей смерти.

Слова желѣзной маски оправдались на самомъ дѣлѣ. На стараго слугу пало подозрѣніе: думали, что тайна ему извѣстна. Старый слуга умеръ въ цитадели, и былъ похороненъ скрытно, по приказанію Сень-Марса.

Одиннадцать лѣтъ провелъ несчастный плѣнникъ на островѣ Св. Маргариты. Барбезье, Министръ Людовика XIII, писалъ къ Сень-Марсу 13-го Августа 1691 года: «Если вамъ нужно объясняться со мною на счетъ арестанта, который двадцать лѣтъ находится подъ вашимъ надзоромъ, прошу васъ принимать тѣ же самыя предосторожности, какія вы принимали при перепискѣ съ Г. Лувуа.»

Шамильяръ, преемникъ Барбезье, былъ послѣдній министръ, хранившій странную тайну. Маршалъ Фельядъ (de la Feuillade), его зять, просилъ тестя на колѣняхъ открыть имя человѣка, извѣстнаго подъ названіемъ *Желѣзной Маски*. Шамильяръ отвѣчалъ, что это государственная тайна, что онъ далъ клятву никогда не открывать ее.

Людовикъ XV узналъ о желѣзной маскѣ лишь въ день своего совершеннолѣтія. До тѣхъ поръ, Герцогъ Орлеанскій ни сло-

ва не говорилъ Королю о несчастной политической жертвѣ. II Людовикъ XV, въ свою очередь, былъ также остороженъ съ Дофинемъ, отцемъ Людовика XVI. На всѣ его вопросы, онъ отвѣчалъ: «Хорошо, что вамъ неизвѣстна эта тайна: вамъ было бы очень прискорбно.»

Всѣ приказанія, всѣ инструкціи на имя Губернатора исходили прямо отъ Людовика XIV, и передавались Государственнымъ Министромъ. Казалось, что малѣйшая неосторожность могла быть источникомъ важныхъ переворотовъ.

Французская дипломатія, тревожась пребываніемъ желѣзной маски на островахъ Св. Маргариты, приблизила арестанта къ столицѣ. Сень-Марсъ былъ назначенъ Губернаторомъ Бастиліи. Выходя изъ тюрьмы, плѣнникъ спросилъ у Сень-Марса: — Куда везете вы меня? Развѣ Королю нужна моя жизнь?

«Нѣтъ, Принцъ, отвѣчалъ Сень-Марсъ, жизнь ваша безопасна; вы должны только слѣдовать за мною.»

Арестантъ былъ привезенъ въ Бастилію въ 1698 году. Здѣсь приготовили ему болѣе обширное помѣщеніе, меблированное со вкусомъ; но плѣнникъ не могъ дышать чистымъ воздухомъ, и даже врачъ никогда не видалъ его лица.

Принцъ получилъ отличное воспитаніе; онъ много читалъ, обладалъ прекраснымъ голосомъ и часто акомпанировалъ себя на гитарѣ. Кромѣ свободы, ему не отказывали ни въ чемъ.

Такъ жилъ сынъ Людовика XIII и Анны Австрійской до 19-го Ноября 1703 года, когда пробилъ его послѣдній часъ! Почти скоропостижная смерть его также была тайною. Похороны совершены на другой день, въ четыре часа по полудни, на кладбищѣ церкви Св. Павла на Поляхъ, назначенной Королевскимъ приходомъ.

Принцъ былъ погребенъ подъ именемъ Маршиаля (Marchialy). Послѣ его смерти, сожгли всѣ вещи, ему принадлежав-

шія, выскоблили и выкрасили стѣны тюрьмы, перебили половыя плиты, сняли желѣзные затворы. Даже гранитныя перегородки тюрьмы были вновь выполированы, до такой степени боялись, чтобы арестантъ не завѣщалъ о себѣ чего нибудь Исторіи.

Само собою разумѣется, что въ драмѣ во многомъ нарушена историческая вѣрность. Въ ней сказано, что человѣкъ съ желѣзною маскою провелъ юность въ Провансѣ на свободѣ, и тамъ женился; по сходству его съ Королемъ, принуждены были заключить его въ тюрьму, въ маскѣ; жена его, переодѣтая въ мужчину и притворяющаяся слѣпою, опредѣляется къ нему, какъ Люція, къ Королю Энціо, чтобъ усладить бесѣдою грустные дни арестанта; по тайну вскорѣ открываютъ: въ Бастилію къ Юлію (или желѣзной маскѣ), прѣзжаетъ самъ Король; арестантъ, съ женою бѣгутъ изъ Бастиліи, и наконецъ, опять возвратившись въ стѣны крѣпости, получаютъ прощеніе Короля. Не смотря на то, въ драмѣ заключаются многія эффектные сцены, возвышаемыя превосходною игрою Г. Каратыгина 1-го. Старинный переводъ драмы довольно варварскій; тѣмъ страннѣе встрѣчать въ роли Юлія, исправленной въ слогѣ, нѣкоторыя нововведенія, къ которымъ прибѣгаетъ нынѣ одинъ изъ нашихъ журналовъ, долгое время занимавшійся смѣшными нападами на сей и оный.

Круговая порука, комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго.

Жеракъ, отставной морякъ, накутившись въ молодости до того, что на старости живетъ въ отставкѣ, съ женою и подагрой, заботится о томъ, что у

него долженъ быть гдѣ-то въ Америкѣ сынъ. Жена его, урожденная Графиня де Монтанборъ, также помнитъ, что во времена Директоріи у нее родилась дочь, проживающая въ Петербургѣ. Желая имѣть при себѣ дочь свою, она заблаговременно старается выжить изъ дома компаніонку свою, Марію, которая въ грусти идетъ на свиданіе, назначенное ей въ Тюльерійскомъ Саду молодымъ покровителемъ ея, флотскимъ офицеромъ, уже оказавшимъ ей однажды самую безкорыстную услугу, а именно, заплатившимъ за ея переездъ изъ Англіи во Францію. Этотъ офицеръ, Монмеди, пріятель Жерака, является къ нему въ домъ, узнаетъ, что Марія несчастлива, что ее хотѣтъ выгнать, получаетъ отъ Г-жи Жеракъ порученіе захватъ въ Петербургъ за дочерью, а отъ Г-на Жерака просьбу привезти сына изъ Америки, и получивъ все нужныя бумаги, видитъ, что Марія — дочь Г-жи Жеракъ, которая, во время революціи, должна была замѣнить свою графскую фамилію именемъ плебейскимъ. Разумѣется, что Монмеди женится на Маріи. О сынѣ никто и не вспоминаетъ, по той причинѣ, что его вплесть въ піесу переводчикъ—вѣроятно, для приличія: въ оригиналѣ Марія дочь Жерака и Графини.

Лучше всѣхъ въ піесѣ играетъ Г. Максимовъ (Монмеди): молодой, веселый и притомъ грубоватый морякъ, ежеминутно помнящій тысячу миллионѣвъ дьяволовъ и чертей, поддерживаетъ весь водевилъ, и смѣшитъ зрителей отъ начала до конца піесы.

Желѣзная Маска, этотъ водевилъ и старинная интермедія: Имянины благодѣтельнаго помѣщика составляли бенефисъ заслуженной артистки Г-жи Валберховой.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Фаворитка, Большая Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами, передѣланная съ Французскаго Г. Тито; музыка соч. Донидзетти.

Въ то самое время, какъ весь музыкальный міръ Петербургскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ перваго представленія Руслана и Людмилы, въ бенефисъ Г-жи Степановой была дана *Фаворитка*, опера плодovitаго Донидзетти, нынѣшняго моднаго композитора, потворствующаго въ музыкѣ своей преобладающему вкусу нынѣшняго вѣка. Разученная тщательно, исполненная съ стараніемъ, опера эта не произвела у насъ большаго эффекта, какъ большая часть новыхъ оперъ, поставленныхъ на сцену въ послѣднее время. Разсуждая о причинахъ, по которымъ оперы, имѣющія успѣхъ за границею, у насъ кажутся безцвѣтными, очень легко навлечь на себя негодованіе Гг. артистовъ и артистокъ, полагающихъ, что тѣ, которые не могутъ пѣть, не могутъ и судить. Недавно, фельетонистъ Сѣв. Пчелы, сознаваясь, что не слышалъ ни одной нотки изъ Руслана и Людмилы, произнесъ, вообще, свое мнѣніе о нашей оперной группѣ, и тѣмъ совершенно нечаянно возстановилъ на себя цѣлую толпу Сендовъ, донынѣ собирающихся печатно отвѣчать фельетонисту. До сихъ поръ, только одинъ изъ нихъ напечаталъ, въ Академическихъ Вѣдомостяхъ, нѣчто въ родѣ защиты нашихъ пѣвцовъ, и подписалъ подъ статью своею: *Любитель музыки Глинки, прасды и умьренности*. Довольны ли Гг.

артисты этою хвалою? Успокоятся ли они теперь, когда защиту ихъ талантовъ принялъ на себя *любитель умьренности*?

Какъ бы то ни было, опера *Фаворитка* не удержится на нашей сценѣ, потому что кромѣ пѣнія, требуетъ игры, а у насъ на эту часть Гг. артисты обращаютъ такъ же мало вниманія, какъ будто бы пѣніе ихъ выкупало безжизненное и холодное выполненіе драматической части оперы. Первостепенному пѣвцу протять *неумьніе* играть роль, и зрители благодарны даже за намѣреніе; но, гдѣ они видятъ нерадѣніе при посредственномъ пѣніи, тамъ они становятся взыскательны, не забывая, что въ оперѣ развились величайшіе драматическіе таланты: Паста, Малибранъ, Гризи. Не намекаемъ ни на кого изъ нашихъ оперныхъ артистовъ или артистокъ; многие изъ нихъ доказали, что умѣютъ создать роль, другіе употребляютъ всевозможныя старанія для усовершенствованія игры своей; повторяемъ — не намекаемъ ни на кого, но просимъ всѣхъ ихъ продолжать эти старанія, и вѣрить, что публика наша не оставитъ безъ вниманія и награды ни малѣйшаго шага, оказаннаго ими и въ музыкальномъ и въ сценическомъ отношеніяхъ.

Русланъ и Людмила, волшебная опера въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами, музыка соч. М. И. Глинки; содержаніе взято изъ поэмы Пушкина, съ со-

храненіемъ многихъ его стиховъ, танцы Г. Титюса; декорации по рисункамъ А. Роллера.

(Первое представленіе, 27-го Ноября).

Петербургъ наконецъ дождался желаннаго дня, и ровно черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго представленія первой оперы М. П. Глинка (*), черезъ шесть лѣтъ день въ день, часъ въ часъ, собрался слушать вторую оперу національнаго композитора, обратившаго на себя, съ перваго произведенія, общее вниманіе знатоковъ, цѣвителей и любителей музыки.

Невозможно и не должно судить о музыкѣ, особенно же о музыкѣ ученой, по первому представленію, и поэтому, начинаемъ съ объявленія, что въ нынѣшній разъ еще не произнесемъ о музыкальной части оперы рѣшительнаго сужденія. Прослушавъ новое произведеніе М. П. Глинки нѣсколько разъ, скажемъ, какой приговоръ произнесетъ о музыкѣ судъ публики: композиторъ, какъ М. П. Глинка, можетъ заблуждаться въ направленіи музыкальнаго таланта, но написать дурную оперу не можетъ. Можемъ сказать теперь только, что первое представленіе Руслана и Людмилы утомило всѣхъ длиннотою пѣсы, незанимательностью завязки, недостаточной для пяти-актной пѣсы, что исполненіе оперы вообще оставяло желать еще многого. Великолѣпные костюмовъ и декораций немовѣрно: декорации, одна блистательнѣе другой, одна изящнѣе другой, смѣ-

(*) Опера *Жизнь за Царя* играна въ первый разъ 27-го Ноября 1856 г., для открытія перестроеннаго Большаго Театра. Замѣчательно, что это число 1856 г., какъ и нынѣ пало на Пятницу.

пляются поминутно, можно сказать, даже съ излишествомъ. Жаль, что при такихъ средствахъ, Г. декораторъ не посоветовался съ знатоками исторіи: онъ не представилъ бы тогда Кіевскихъ гридницъ (въ первомъ и послѣднемъ дѣйствіяхъ) съ каменными сводами, съ колоннами, и расписанными во вкусъ Византійскомъ съ примѣсью Возрожденія; онъ не поставилъ бы въ пещерѣ Финна небесной сферы, о которой въ тѣ времена не было и тѣни понятія. Хваленая голова не произвела ожидавнаго эффекта; Лезгинка, танецъ, о которомъ предвѣщали не вѣсть что, промелькнулъ незамѣтно.... Какое разочарованіе!..

Въ слѣдующей книжкѣ нашего изданія поговоримъ подробно о музыкѣ, о постановкѣ, о либреттѣ, объ исполненіи оперы. Предметы богатые и есть о чемъ поговорить.

Мы слышали второе представленіе оперы, и имѣемъ время подѣлиться съ читателями пріятнымъ извѣстіемъ, что публика нашла въ новомъ произведеніи болѣе красоты, нежели при первомъ представленіи. Особенно понравились два первые акта. Партія Руслана, которую попеременно поютъ Гг. Петровъ и Артемовскій, гораздо болѣе понравилась при исполненіи ея Г. Артемовскимъ; Г. Леоновъ очень хорошъ въ роли Финна, и баллада, которую онъ поетъ въ началѣ втораго дѣйствія, очень нравится. Слѣдующія дѣйствія не будутъ производить эффекта доколѣ не выздоровѣетъ Г-жа Петрова 1-я. Г-жа Петрова воспитанница, которая теперь поетъ роль Ратмира, не въ состояніи выполнить ее съ должною силою.

О ХОЛМСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ ТЕАТРѢ.

По общему физическому закону, все въ природѣ движется особыми силами, и нѣтъ дѣйствія, которое бы не имѣло своей причины. Причины дѣйствій либо явственно обнаруживаются послѣдствіями, либо объясняются догадками и разумомъ, и потому бываютъ или очевидныя или скрытыя, требующія дознанія и науки. То же самое бываетъ и въ мірѣ нравственномъ. Въ жизни человѣческой есть обстоятельства, которыя, представляя собою яркую картину, кладутъ на нее тѣни, безъ затрудненія обрисовывающія самоточайшіе изгибы существованія, и наоборотъ, бываютъ такія грубыя и мрачныя краски, изъ подъ которыхъ не только не проглядываетъ лучъ свѣта, но и самый разумъ, какъ бы ни были прозорливы его очи, не въ силахъ составить что нибудь отчетливое, похожее на самобытность.

По закону Божественному и доводамъ религіи, мы совершенно убѣждаемся, что въ огромномъ творческомъ мірозданіи, на всемъ существующемъ и дѣйствующемъ, лежитъ печать руки Создателя, и ею-то заклеяна необъяснимая для насъ тайна Всемогущей его волп. Мы знаемъ, что болѣзнь, скорбь и нужды человѣка, суть общее слѣдствіе грѣхопаденія праотцевъ нашихъ; но объяснить отчего люди бываютъ болѣе или менѣе обезпечены дарами судьбы и отчего одни наслаждаются всѣми земными благами въ то время, когда другіе подъ гнетомъ обстоятельствъ, почти не имѣя дневнаго про-

питанія влчатъ бѣдственную жизнь, мы не имѣемъ возможности и права. Уклонившись отъ естественнаго образа жизни, утопая въ порокахъ и роскоши, поработавшаяся страстямъ и забывая свое назначеніе, человѣкъ далеко отбросилъ себя отъ самосознанія, дарованнаго ему вдохновеніемъ, имѣющимъ начало въ безсмертной душѣ.

Ежели несчастіе человѣка проистекаетъ отъ самого себя, отъ его слабостей и безвѣрія, то онъ, хотя и можетъ возбуждать состраданіе ближнихъ, но никогда не будетъ спокоенъ, ибо совѣсть, этотъ неугомонный бичъ души порочной, въ минуты прозрѣнія безпощадно будетъ преслѣдовать его до гроба, и только предсмертнымъ поканіемъ, на могилѣ его совершитъ тризну рѣковой побѣды. Есть люди, которые называютъ себя бѣдными и несчастными потому единственно, что лишены предметовъ роскоши и не могутъ, удовлетворяя прихотямъ страстей, стать въ уровень съ жизнью людей, близкихъ имъ по отношенію общечитія. Тутъ болѣе дѣйствуетъ зависть и какое-то чудное ощущеніе не быть довольными настоящимъ положеніемъ. Внутреннее горе и несчастіе такихъ твореній имѣетъ видимую причину въ самихъ себѣ, и не заслуживаетъ уваженія; но часто горестныя испытанія, безъ видимыхъ поводовъ отъ человѣка, посылаются неисповѣдимыми судьбами Промысла, и бремя этого креста

легкое по вѣрѣ, тяжело по слабости чело-
вѣческой.

Нищій, который не краснѣя идетъ изъ
дома въ домъ, не можетъ назваться со-
вершенно нищимъ. Между нѣсколькими
холодными людьми, онъ навѣрное встрѣ-
титъ благотворителя, подѣ братскимъ кро-
вомъ котораго согрѣется въ стужу и ра-
душнымъ подаваемъ утолитъ голодъ; но
есть другаго рода нищія; рожденные въ
избыткѣ, воспитанные въ правилахъ вѣры
и нравственности, благословенные зна-
чительнымъ семействомъ, внезапно, по не-
предвидѣннымъ случаямъ, лишаются до-
стоянія и здоровья, теряютъ всякую воз-
можность къ существованію, впадаютъ въ
крайность, скорбятъ душою, слабѣютъ въ
сплахъ, и, въ изнеможеніи нравственномъ
и физическомъ, лишены всякаго упова-
нія, подвергаются съ семействами своими
въ неизяснимую нужду. Душа ихъ, впа-
дая въ безчувствіе ко внѣшнимъ об-
стоятельствамъ, засыпаетъ въ безотчет-
номъ бездѣйствіи, пока жалобный голосъ
семейства не разбудитъ ее къ размышле-
нію. Тогда они, разрывая нить прошед-
шихъ воспоминаній, прибѣгаютъ къ ближ-
нему, объясняютъ ему свои бѣдствія и
умоляютъ о пособіи. Счастливы, если на
первомъ шагу тернистаго пути встрѣ-
тятъ челоѵка, достойнаго ихъ довѣрія;
но ежели этотъ путь не освѣтится лу-
чемъ благотворенія, а напротивъ, еще бо-
лѣе затмится несправедливымъ упрекомъ
и только холоднымъ сожалѣніемъ, какія
смущенія тогда залгутъ въ груди ихъ, и
безъ того уже растерзанной несчастіемъ?
Убитые неудачею, несчастные съ новою
свлю предаются всей жестокости ихъ
жребія, и полагая надежду на Промыслъ
Божій, въ безмолвіи влчатъ бѣдственную
жизнь, пока не отыщеть ихъ заботливое
Правительство или благотворительность
частныхъ лицъ. Для такихъ-то людей
преимущественно нужно благотвореніе и
пособіе.

Всякое даяніе благо и всякъ даръ со-

вершенъ, и для благотворенія ближнему
есть много средствъ; но способъ, приня-
тый людьми образованными, доставлять
пособіе бѣднымъ благородными спектакля-
ми, есть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно по-
лезный и вмѣстѣ пріятный. Спектакли,
даваемые въ пользу бѣдныхъ благородны-
ми любителями изящнаго, не могутъ итти
ни въ какое сравненіе съ тѣми театраль-
ными представленіями, которыя разыгры-
ваются людьми, основавшими на этомъ
высокомъ искусствѣ цѣль своего суще-
ствованія. Перечитывая книжки Репер-
туара и Пантеона, я ни въ одной изъ
нихъ не нашелъ статьи о благородномъ
спектаклѣ въ пользу бѣдныхъ, хотя, по
существу изложенія предмета, пріятнѣе
было бы читать въ нихъ что нибудь въ
вышемъ вкусѣ, нежели остроты на не-
счастные провинціальныя театры. Статья
Репертуара, въ IX книжкѣ 1840 года, о
Нижегородскомъ Театрѣ, начинается такъ:
«Провинціальный Театр! Одно это слово,
по общимъ понятіямъ столичныхъ жите-
лей, заключаетъ въ себѣ столько смѣш-
наго, что весьма трудно рѣшиться гово-
рить о немъ серіозно...» и такъ далѣе.
Какимъ же восклицаніемъ должно начи-
нать о благородномъ театрѣ, существую-
щемъ уже постоянно четвертый годъ
Псковской Губерніи, въ уѣздномъ горо-
дѣ Холмѣ, въ городѣ, въ которомъ труд-
но найти порядочную квартиру, не гово-
ря уже о другихъ удобствахъ жизни;
въ городѣ, который по мѣстности своей,
будучи заброшенъ судьбою въ дремучіе
лѣса и овраги, по недавнему существо-
ванію своему мало пзвѣстенъ, и даже въ
сосѣдствѣ считается чѣмъ-то дикимъ, по-
хожимъ болѣе на плохую деревню, неже-
ли на городъ, и въ этомъ-то городѣ есть
театръ, съ просторною сценою, обста-
вленной очень хорошими кулисами, вмѣща-
ющей въ себѣ спокойно до двухъ сотъ зри-
телей. Если бы все, принадлежащее къ
помѣщенію Холмскаго Театра стало раз-
бирать взыскательный критикъ, то, безъ

всякаго сомнѣнія, онъ нашелъ бы въ немъ много недостатковъ въ сравненіи съ великолѣпнѣмъ столичныхъ и даже нѣкорыхъ губерскихъ публичныхъ театровъ, но зато рѣшительно удивился бы успѣху, съ которымъ по уѣзднымъ способамъ обставляются и выполняются такія пѣсы, которыя, не говоря о публичныхъ губернскихъ, и на столичныхъ театрахъ не всегда имѣютъ полный успѣхъ.

Дабы оправдать себя въ этой смѣлой истинѣ, для доказательства сдѣлаю выводъ, на которомъ основывается мое справедливое заключеніе. Не смотря на гениальныя таланты, украшающіе столичные театры, между ими есть и очень посредственные актеры, которыми по необходимости должны обставляться большія пѣсы. Изъ этого немигнуемо слѣдуетъ, что двѣ, три или четыре роли выполняются посредственно и даже плохо. Публичные губерскіе, а тѣмъ болѣе уѣздные театры, чисто представляютъ собою истинную комедію, и мнѣ самому не однократно случалось, въ сильныхъ драматическихъ сценахъ смѣяться до слезъ въ то время, когда авторъ пѣсы имѣлъ въ виду дѣйствовать на душу и исторгать слезы печали, участія или состраданія. Это очень понятно: содержатель труппы, будучи иногда и самъ посредственныхъ способностей, нанимаетъ актеровъ и актрисъ, часто едва умѣющихъ прочесть списанныя имъ роли. Ученаго образованія, свѣтской ловкости и должнаго понятія о высокомъ и изящномъ, отъ подобныхъ актеровъ и требовать невозможно. Мудрено ли, ежели Французскій генераль выходитъ на сцену въ платьѣ Донскаго Казака, герой Шекспира разгуливаетъ въ одеждѣ Тирольскаго пастушка, или отчаянный драматическій талантъ докладывая: «обѣдъ готовъ!» вбѣгаетъ запыхавшись съ растрепанными волосами, и безъ пощады бьетъ себя въ грудь кулакомъ, произнося трагически чувствитель-

ный монологъ: «обѣдъ готовъ!» Къ этому часто присоединяется бѣдность въ одеждѣ или излишне воспаленное воображеніе, для смѣлости нагрѣтое трактирными парами. Чего же и требовать отъ людей, которые, пренебрегая неудачами, осмѣяніемъ, видимою къ нимъ холодною зритель, на другой день даютъ представленіе еще слабѣе прежняго, и очень довольны остаются сборомъ, обезпечивающимъ дневное ихъ пропитаніе.

Въ театрахъ благородныхъ совершенно другое направленіе, другая цѣль, слѣдовательно и успѣхъ. Особы, въ полномъ смыслѣ, лучшаго образованія, изящнаго вкуса, свободнаго состоянія, умѣющія оцѣнить, понять и выполнить назначаемыя по способностямъ и характеру роли, изучаютъ ихъ такъ, что нерѣдко превосходятъ даже мысль сочинителя пѣсы, создаютъ лице совершенное, все приравливаютъ къ общему ходу пѣсы, и самыя незначительныя роли дѣлаютъ занимательными, неподражаемо гармонируютъ цѣлому, въсю пѣсу поддерживаютъ безъ ослабленія. Костюмы приготовляются прилично, вѣрно и гдѣ нужно роскошно. Благородное самолюбіе, стремленіе оправдать ожиданія публики и удовлетворить собственному самосознанію, довершаетъ картину представленія. Восхищеніе зрителей отъ начала до конца пѣсы не уменьшается, а напротивъ, увеличивается и достигаетъ умиленія, и по окончаніи представленія, въ общей массѣ зрителей замѣтенъ только восторгъ и сожалѣніе, что очарованіе такъ скоро кончилось, и нѣсколько часовъ времени пролетѣли сладостнымъ мгновеніемъ.

Холмское благородное сословіе, руководимое чувствомъ состраданія и желаніемъ облегчить судьбу истинно-бѣдствующихъ семействъ изъ дворянъ своего уѣзда, еще въ 1839 году предположило устроить въ городѣ Холмѣ театръ, и дать на немъ большой спектакль, въ пользу бѣдныхъ. Для достиженія такой благо-

творительной цѣли, назначено было 20-е Ноября, когда вся Россія торжественно празднуетъ день восшествія на престолъ любезнѣйшаго Монарха нашего, когда каждое семейство встрѣчаетъ этотъ день теплою молитвою къ Царю Царствующихъ, да и хранить Державнаго Вѣнценосца! Народная любовь къ Государю содѣлала этотъ день праздникомъ свѣтлымъ, священнымъ; каждый, отъ вельможи до поселяннина, оставляя обычныя занятія свои, помолвившись Богу, старается усердіемъ своимъ выказать благоговѣйную любовь свою къ Царю, и ознаменовать этотъ день событіемъ, достойнымъ попеченій Отца отечества нашего.

Для перваго представленія назначена была драма Н. В. Кукольника: Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Благотворительность возбудила желаніе каждаго участвовать въ представленіи; роли были скоро розданы по способностямъ, выучены, и городъ Холмъ въ первый разъ съ своего существованія увидѣлъ у себя театральное зрѣлище. Посѣтители бурною рѣкою хлынули въ театръ, къ полудню не было уже ни одного нумернаго мѣста, и особые билеты раздавались до возможности помѣститься въ театральной залѣ. Когда, въ четвертомъ актѣ, Коллежскій Ассессоръ Е. Н. К., въ роли Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, провозгласилъ: Да здравствуетъ святая наша Русь! всѣ зрители, восторженные патриотизмомъ, единодушно вскричали: ура! ура!—Послѣ Скопина-Шуйскаго данъ былъ водевиль: Еще суматоха, и въ заключеніе спектакля пропѣта была театралью однимъ изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ, Черная шаль, положенная на музыку Г. Верстовскимъ. Предъ началомъ драмы, полный составъ военной музыки Астраханскаго Карabinернаго Полка игралъ народный гимнъ: Боже, Царя храни! сборъ отъ представленія оказался, за всѣми расходами, около 300 руб. серебромъ. Для раздачи этой суммы бѣднѣйшимъ дво-

рянамъ Холмскаго Уѣзда, составленъ особый Комитетъ, который и по настоящее время существуетъ для благотворенія. Этотъ спектакль подробно описанъ и разобранъ К. К. Ш., въ Прибавленіи къ Псковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1839 года.

Успѣхъ перваго представленія, необъяснимая удача въ обставкѣхъ пьесъ, превосходное и совершенное ихъ исполненіе, а болѣе всего утѣшеніе, что этимъ благотворительнымъ спектаклемъ не только доставлено удовольствіе публикѣ, но и осушены слезы бѣдныхъ и сиротъ, поощрило Холмское благородное сословіе къ продолженію представленій, которыя и давались ежегодно съ тѣмъ же успѣхомъ и выборомъ лучшихъ драмъ, комедій и водевилей, о чемъ также подробно описано въ Прибавленіи къ Псковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1841 года, гдѣ Г. Н...въ разбираетъ спектакль, данный 22 го Сентября того же года, въ которомъ представлены были: 1) *Отравитель*, драма въ стихахъ, соч. Г. Бахтурина, написанная въ 1835 году, въ Витебскѣ, тоже для благороднаго спектакля, и въ послѣдствіи развитая имъ въ большемъ объемѣ, подъ названіемъ: Пятнадцать лѣтъ разлуки, 2) *Русскій человекъ добро помнитъ*, драматическая быль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. Полеваго, и 3) *Отецъ какихъ мало*, водевиль, соч. Н. А. Коровкина. Въ заключеніе авторъ говорилъ: «Я никогда бы не повѣрилъ, если бы не былъ очевидцемъ, что этотъ превосходный спектакль поставленъ былъ не болѣе какъ въ три дня, и въ такіе дня, въ которые всѣ любители драматическаго искусства цѣлыя ночи танцовали на балахъ. Изъ этого можно заключить, какую возможность имѣетъ Холмское благородное общество къ удовольствію собственному и къ пользѣ для бѣдствующаго человечества.»

Наконецъ, 1-го Октября текущаго года, дано было, по времени, послѣднее предста-

вленіе. По случаю временнаго отсутствія изъ уѣзда лицъ, занимавшихъ драматическія роли, а равно и превосходнѣйшей пѣвицы, которая украшала нашу сцену и отличнѣмъ пѣніемъ доставляла намъ истинно райское наслажденіе, мы ограничились постановкою Шельменки-деньщика, комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Грицка-Основьяненко.

Разбирать игру дѣйствующихъ лицъ, говорить объ успѣхѣ въ исполненіи пьесы, слѣдить за превосходствомъ дѣлаго и отгвѣять каждую сцену особо, значило бы наполнить нѣсколько страницъ однѣми похвалами, благодарностью и удивленіемъ. Повторяю безъ пристрастія, что каждое представленіе на Холмскомъ благородномъ театрѣ, есть отпечатокъ благонамѣренности, образованія, вкуса, совершенства. Многіе изъ участвовавшихъ въ послѣдней пьесѣ были на сценѣ еще въ первый разъ, но вѣрный взглядъ, изученіе характера роли, находчивость въ приравлѣнн къ перемѣнамъ сценъ и вообще необыкновенная гармонія къ цѣлому, которое поддерживалось и украшалось каждымъ лицомъ въ особенности, выше всякаго письменнаго изложенія. Надобно быть очевидцемъ, дабы имѣть полное понятіе о способностяхъ лицъ, составляющихъ принадлежность Холмской сцены. Я уже выше сказалъ, что въ благородныхъ спектакляхъ можно рѣшительно обставить пьесу неподражаемо, и для каждой роли найти такое лице, которое по существу и характеру пьесы исполнить ее въ совершенствѣ. Этому доказательствомъ служатъ всѣ пьесы, разыгранныя на Холмскомъ театрѣ, о чемъ я безошибочно беру смѣлость судить, наблюдая, какъ любитель, театры всѣхъ родовъ, и

въ теченіе двадцати пяти лѣтъ участвуя лично болѣе четырехъ сотъ разъ въ благородныхъ публичныхъ и домашнихъ спектакляхъ. Остается присовокупить искреннее желаніе, дабы и въ другихъ уѣздахъ, не только Псковской, но и прочихъ губерній, благородные любители изящнаго стремились къ этой отрасли удовольствія и благотворенія съ тѣмъ радушіемъ и самоотверженіемъ, которыя я имѣю счастье видѣть въ высокихъ порывахъ дворянства Холмскаго Уѣзда. Одно только достойно сожалѣнія, что въ послѣднюю эпоху театральнаго искусства чрезвычайно мало встрѣчается такихъ пьесъ, которыя бы съ удобствомъ и занимательностью для публики можно было, безъ особыхъ затрудненій, ставить на сценахъ, не имѣющихъ столичныхъ способовъ. Замолили незабвенные наши пѣвцы, но безсмертныя творенія Озерова, Князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Хмельницкаго, А. С. Грибоѣдова и по сію пору еще говорятъ намъ языкомъ отечественныхъ театралныхъ воспоминаній.

Въ заключеніе долгомъ считаю присовокупить, что получивъ отъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ оказано пособіе чрезъ Комитетъ, существующій по милости благотворителей, письма, для передачи ихъ сердечной признательности, я поставилъ священною обязанностью изяснить оную предъ лицемъ всего благороднаго дворянства, и преимущественно лицамъ, принимающимъ участіе въ составѣ Холмскаго Благороднаго Театра въ пользу бѣдныхъ. Слеза бѣднаго не велика, но горяча и доступна неба!

Ст. Сов. А. Война-Курипскій.

Холмскій Предводитель Дворянства.

IV. СМѢСЬ.

СЦЕНЫ ЗА ЗАВѢСОЮ.

Уборныя актрисы и танцовщицы часто очень далеки от сцены, и когда имъ надобно нѣсколько разъ переодѣваться, онѣ устрояють себя, между кулисами, маленькія кельи, гдѣ за ширмами совершаются всѣ волшебныя превращенія. Только парикмахеръ и портниха проникають въ это святилище; режиссеръ можетъ иногда посмотреть въ дырочку. Это его должность.

Въ этихъ миниатюрныхъ уборныхъ происходятъ иногда сцены, гораздо забавнѣе тѣхъ, которыя играютъ на сценѣ. Оттуда безпрестанно кричатъ: Подайте парикъ! Забыли крылья! Накладная грудь осталась въ уборной; фальшивыя икры возьмите у такой-то!..

Вотъ одна изъ подобныхъ сценъ.

Режиссеръ. Адрианъ! Скажи Аmandѣ, чтобъ она не заклеивала усовъ. Это слишкомъ долго.

Адрианъ. Огюсть! Огюсть! скажи Аmandѣ, чтобъ она не наклеивала усовъ; режиссеръ не приказалъ.

Аманда. Ну, что вы тамъ раскричались! Я и не думала объ усахъ.

Огюсть. Да мнѣ сказалъ Адрианъ.

Аманда. Помощникъ такой же дуракъ, какъ и режиссеръ, а режиссеръ только уступаетъ въ глупости директору... нѣтъ, правда есть еще глупѣе и несноснѣе, напримеръ, авторъ сегодняшней пьесы. Можно ли пять разъ заставить переодѣваться?

Режиссеръ. Поскорѣе, мамзель Аманда... Публика стучитъ и хлопаютъ.

Аманда. Это ваше дѣло: займите ее чѣмъ нибудь, велите сбросить фуражку изъ райка въ партеръ, это займетъ публику на четверть часа... Пойдите, стойте... я забыла повязать галстухъ...

Режиссеръ. Вѣчно что нибудь забудете!.. Вотъ, возьмите мой... (*снимаетъ съ шеи*) Да не забудьте отдать мнѣ его послѣ спектакля...

Аманда. Очень нуженъ мнѣ вашъ галстухъ...

Режиссеръ. Да такъ, по разсѣянности, можете отдать его Алфреду...

Адрианъ (*прибѣгаетъ*). Партеръ требуетъ — любимой народной пѣсни.

Режиссеръ. Велите дирижеру сыграть что нибудь изъ Роберта.

Аманда. Вѣдь Зоя вѣрно еще не готова... Что вы около ее не хлопочете?..

Режиссеръ. Мамзель Зоя! Пожалуйста поскорѣе...

Зоя. Не торопите меня... вы знаете, я не здорова.

Аманда. Каково же мнѣ! Переодѣваться мужчиною!..

Зоя. Это, милая, все изъ экономіи. Имѣ жаль опредѣлить какогонибудь лишняго молодого любовника.

Аманда. Алріанъ! А приготовленъ ли завтракъ на сценѣ. Скажите режиссеру, что я не хочу картонныхъ цыплятъ. Чтобъ были настоящіе, иначе я играть не буду...

Зоя. А мнѣ чтобъ было настоящее шампанское... отъ сидра у меня разстроивается желудокъ. Вы знаете, я нездорова.

Режиссеръ. Ну, слава Богу! вы готовы. Мѣсто, господа! мѣсто! Прочъ со сцены! мѣ—ѣсто!

Аманда. *(тихо Алфреду)*. Да ступай въ залу... хлопай!

МОЛИТВЕННИКЪ МУЗЫКАНТА.

Глукъ, музыкальный учитель Маріи Антуанеты, при своемъ превосходномъ талантѣ, былъ очень набоженъ. Хотя ему предназначено было возстановить оперу, созданную во Франціи Люлли и Рамо, онъ одолженъ случайному обстоятельству тѣмъ, что сохранилъ свою религію, не смотря на обольщенія философскаго общества, въ которомъ долго блисталъ его талантъ.

Какъ большая часть великихъ музыкантовъ, Глукъ началъ свое поприще подъ мрачными сводами Соборной Церкви; голосъ молодого пѣвчаго былъ такъ хорошъ, такъ выразителенъ, что число молящихся увеличивалось всякій разъ, когда маленькій Христофоръ пѣлъ концертъ.

Однажды, послѣ превосходнаго концерта Клари, Глукъ сходилъ съ хоровъ, вдругъ къ нему подошелъ бѣдный монахъ, и обнявъ его со слезами, восхищаясь его огательнымъ талантомъ.

Я ничѣмъ не могу доказать тебѣ моего ор га, сказалъ монахъ, ничѣмъ, какъ

только этими четками: возьми ихъ, въ память брата Ансельма, и общай мнѣ молиться по немъ каждый вечеръ. Это составитъ твое счастье, мой юный другъ, и за твою вѣру небо благословитъ тебя во всемъ.»

Удивленный и тронутый словами брата Ансельма, Христофоръ взялъ четки изъ рукъ монаха, и общалъ во всю жизнь не забывая о нихъ.

Пятнадцати лѣтъ, Глукъ былъ уже такъ уменъ и разсудителенъ, что отецъ его, удрученный большимъ семействомъ, не препятствовалъ ему ѣхать въ Римъ, чтобъ продолжать учиться музыкѣ. Но какъ ѣхать одному и безъ денегъ въ столицу Христіанскаго міра! Другой навѣрно бы отказался отъ этого предпріятія, но будущій любимецъ двухъ Королевъ, музыкантъ, котораго Марія Терезія и Антуанета Австрійская приглашали въ свой дворецъ, съ усердіемъ и надеждою прочиталъ усердную молитву надъ бѣдными, но драгоценными четками брата Ансельма.

Однажды вечеромъ, во время молитвы Глука, кто-то постучался въ двери его скромнаго домика. Это былъ капельмейстеръ церкви Св. Стефана въ Вѣнѣ, который собиралъ въ Италіи духовныя творенія Палестрины, и пришелъ къ нему отъ имени архіепископа, который бралъ къ себѣ Христофора въ секретари.

Радость его могла выразиться только слезами благодарности. Нѣсколько дней спустя онъ уже былъ на дорогѣ къ Триесту со своимъ добрымъ наставникомъ. Двадцать лѣтъ пробылъ онъ въ Италіи, и ни разу не измѣнилъ слову, данному брату Ансельму.

Возвратясь въ Вѣну и послѣ того окруженный почестями при Дворѣ Версальскомъ, онъ оставлялъ роскошныя обѣды и веселые разговоры, удалялся въ уголокъ Королевской залы, и тихо молился, перебирая четки, которыя называлъ *Молитвенникомъ музыканта*.

АКТРИСА ДЮШЕНУА.

Станція желѣзной дороги, въ Сентъ-Сольвѣ, построена именно на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась хижина, въ которой родилась знаменитая трагическая артистка Дюшенуа (настоящее имя ея было Жозефина Раффенъ). Послѣ осады Валансиена, въ 1793 году, во время которой маленькая ферма Раффенъ была опустошена, Г-жа Дюшенуа, имѣвшая тогда только шестнадцать лѣтъ, отправилась вмѣстѣ съ двумя сестрами своими, искать себѣ мѣста. Она опредѣлилась сначала работницей на ферму (fille de ferme) къ какому-то Г. Мерану, а потомъ перешла къ Г. Дезире Леклеру, въ окрестности Монса. Г-жа Дюшенуа жила тамъ съ 1793 до половины 1794 года. Молоденькая Жозефина была умна, жива, дѣятельна; но ей скоро наскучила эта уединенная жизнь: она пожелала возвратиться въ Валансиенъ, гдѣ, въ послѣдствіи и дебютировала. Однако, она никогда не забывала первыхъ господъ своихъ, и во время послѣдняго пребыванія своего въ Монсѣ, даже поручила одному нотаріусу напомнить имъ о ней. Одна изъ двухъ сестеръ ея (Изабелла) была служанкою въ одномъ плохомъ трактирѣ, потомъ въ Монсѣ; она вышла замужъ за одного мелкаго чиновника. Другая была торговкою въ Силли. Г-жа Дюшенуа, находясь уже въ числѣ знаменитѣйшихъ артистокъ, любила вспоминать о томъ, что называла она несчастіями своей юности; она не скрывала своего прежняго положенія, и говаривала въ шутку, что начала свой карьеръ ролюю Сандриліоны.

САМОЛЮБІЕ АРТИСТА.

Нѣтъ ничего ужаснѣе, упрямѣе и непостижимѣе самолюбія артистовъ! Скажи имъ самую грубую лесть, они повѣрятъ; дай малѣйшій совѣтъ, скажи самую легкую правду, они тебя почтутъ за вѣчнаго своего врага.

Какой-то пѣвецъ, у котораго музыкальныя средства были такъ же слабы, какъ

и умственные, долго скитался изъ провинціи въ провинцію, и вездѣ его принимали очень холодно. Какой-то шутникъ сказалъ ему однажды, что въ столицѣ его примутъ гораздо лучше, потому что тамъ все настоящіе любители музыки. Пѣвецъ тотчасъ же повѣрилъ шуткѣ, и отправилъ въ Парижъ. Тамъ отыскалъ онъ одного стариннаго знакомца, который въ это время занималъ значительную должность при директорѣ одного изъ оперныхъ театровъ. Посредствомъ этого знакомца выпросилъ онъ, чтобъ директоръ послушалъ его пѣніе. Тотъ согласился, сдѣлалъ пробу, послушалъ, и отведя въ сторону своего чиновника, сказалъ ему: «Вы видите, любезный другъ, что вашъ знакомецъ никуда не годится. Объявите это ему, какъ вы знаете.»

Чиновникъ долго думалъ: какъ бы ему деликатнѣе сказать эту горькую истину. Наконецъ придумалъ слѣдующую формулу:

«Послушай, мой милый, вотъ въ чемъ дѣло. У насъ ампуа теноровъ раздѣляется на два разряда: одинъ занимаетъ главныя роли и получаетъ до шести тысячъ франковъ... но я принужденъ тебѣ дружески сказать, что по твоимъ средствамъ, ты не въ состояніи занять его. Другой же разрядъ получаетъ не болѣе тысячи двухъ сотъ франковъ. Это простые корифеи, которыхъ мы называемъ технически *затычками*. Это ампуа годилось бы для тебя, но у насъ всѣ вакансіи заняты. Мнѣ очень жаль, что ты попустому прѣхалъ въ столицу, но тебѣ здѣсь нечего ожидать. До свиданія.»

Они пожали руку другъ у друга, и разстались. Что жъ? Вы думаете, что пѣвецъ успокоился, и понялъ въ чемъ дѣло? Совсѣмъ нѣтъ! Онъ въ тотъ же вечеръ написалъ къ своему знакомцу слѣдующее письмо:

«Любезнѣйшій!

«Я цѣлый день обдумывалъ твое дружеское предложеніе, и такъ какъ всѣ

вакансіи въ тысячу двѣсти франковъ заняты, я рѣшился *принять* первое амплуа въ шесть тысячъ, тѣмъ болѣе, что это мнѣ доставитъ средство учиться и совершенствоваться.»

Въ этомъ письмѣ вся характеристика актера: слѣпое самолюбіе, которое всѣ вещи толкуетъ въ свою пользу и которое никакъ не хочетъ повяты своей посредственности или бездарности.

ДЕВЮТЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Отъ Парижа до Японіи и отъ Японіи до Рима, едва ли найдешь человѣка или животное, болѣе несчастнаго, болѣе угнетеннаго, какъ провинціальный актеръ. Онъ заключаетъ условіе, въ силу котораго продаетъ себя, душою и тѣломъ, на опредѣленное время. Въ пользу его въ договорѣ нѣтъ ни одной статьи, кромѣ ничтожнаго жалованья, и то невѣрнаго при дурномъ положеніи дѣлъ антрепренера. Всѣ статьи состоятъ изъ однихъ обязательствъ, которыя онъ, по неволѣ, на себя принимаетъ.

Въ столицѣ, артистъ ангажируется на извѣстное амплуа; въ провинціи, актеръ обязанъ, смотря по обстоятельствамъ, занимать всѣ амплуа. Эти люди повинуются закону необходимости. Нѣтъ *благороднаго отца*, его замѣнитъ *любовникъ*. Больна *любовница*; ея роль возьметъ на себя *дучья*. Всѣ, неучаствующіе въ пьесѣ, что нибуль да дѣлають, приносятъ письма, разставляютъ стулья, выходятъ фигурантами. Необыкновенное самоотверженіе, ежедневная мука! Ни одинъ вечеръ нельзя быть свободнымъ. Все это совершается въ глазахъ публики, но то, чего публика не видитъ, еще хуже.

Ежедневно, несчастный актеръ долженъ выдержать нѣсколько репетицій, и всегда разучиваетъ множество пьесъ, потому что одну пьесу рѣдко даютъ пять или шесть разъ. Когда узнають, что столичный актеръ пробудетъ въ городѣ двѣ недѣли, содержатель ставитъ семь или восемь

пьесъ, слѣдовательно, драматическому мученику некогда ни спать, ни ѣсть. А какое вознагражденіе за труды? Послѣ спектакля, цари, царіцы, герцоги, маркизы, капиталисты ужинають черствымъ хлѣбомъ... Мало этого. Условіе, заключаемое между содержателемъ и актеромъ, имѣетъ силу въ такомъ только случаѣ, когда ратификовано публикою. Если, въ продолженіе трехъ дебютовъ, актеру аплодируютъ, контрактъ остается въ своей силѣ, а если шикають, свистають, онъ ничтоженъ. Иногда возникаетъ сомнѣніе: свистки перемѣшиваются съ аплодисментами, и дѣло должно быть рѣшено по большинству голосовъ.

Содержатель одного провинціального театра много хлопоталъ о благосклонномъ приѣмѣ актрисы, которая состояла подъ его особымъ покровительствомъ; но публика была въ дурномъ расположеніи духа: часть зрителей свистала, другіе хлопали. Содержатель вышелъ на сцену. «Господа, сказалъ онъ, прошу тѣхъ, которымъ не нравится дебютантка, садитесь.» Никто не сѣлъ. Директоръ продолжалъ: «А тѣхъ, которымъ нравится дебютантка, прошу покорно встать.» Всѣ стояли; и содержатель провозгласилъ о приѣмѣ дебютантки. Въ партерѣ не было скамеекъ!

На другомъ провинціальномъ театрѣ случилось подобное же происшествіе. Второю тенью не совсѣмъ понравился публикѣ, однако сыгралъ три раза, и на ангажементъ его никто не обратилъ вниманія. Вдругъ, кому-то пришло въ голову подвергнуть пѣвца новому испытанію. Пѣвецъ рѣшился защищаться, и въ заключеніе гордо сказалъ публикѣ, что готовъ сойти со сцены, если это нужно по ея мнѣнію. Удивительное униженіе для того, чтобы имѣть право умереть съ голоду! По счастью, одинъ изъ зрителей закричалъ: «Нѣтъ, лучше оставайтесь, и ступайте одѣваться!» Публика зааплоди-

ровама; второй теноръ восторжествовалъ, и остался при театрѣ.

ФРАНЦУЗСКІЕ АКТЕРЫ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Основаніе перваго Французскаго Театра въ Англіи относится къ 1749 году. Честь и неприятныя слѣдствія этой мысли принадлежатъ Жану Монне, директору ярмарочныхъ спектаклей, чловѣку ловкому, умному, виновнику множества неприятій, которыя, при хорошо обдуманномъ планѣ, рѣдко, впрочемъ, достигали своей цѣли.

Послѣ многочисленныхъ препятствій со стороны Англійскихъ журналистовъ и театральныхъ директоровъ, Монне получилъ наконецъ позволеніе играть на Гей-Маркетскомъ Театрѣ. Французы ожидали неприятностей, и не обманулись. Лишь только началась увертюра, недовольные Англичане хоромъ запѣли пѣсню, сочиненную по этому случаю, припѣвъ которой говорилъ, что *они не хотятъ Французскихъ актеровъ*. Когда актриса Люзи, бывшая потомъ при Французской Комедіи и прославленная стихами Дора, вышла на сцену, ей, съ первыхъ словъ, бросили въ грудь сальную свѣчку, но это невѣжество въ ту же минуту нашло мстителей. Лордъ Дорсетъ и друзья его, объявившіе себя протекторами Французской труппы, отправились въ галерею и заставили молчать недовольныхъ.

Но спокойствіе было непродолжительное. Опять начались крики и свистки. Тщетно Герцогъ Дорсетъ старался образумить чернь, тщетно предлагалъ деньги желающимъ; ничто не помогало. Монне имѣлъ въ числѣ своихъ приверженцевъ двухъ знаменитѣйшихъ боксеровъ, пивовара Парсона и аптекарскаго сына Макколе, влюбленныхъ въ двухъ актрисъ Французской труппы. Любовь одушевила ихъ героизмомъ. Сбросивъ съ себя верхнее платье, они бросились на недовольныхъ, и преслѣдуя съ лавки на лавку, водворили наконецъ молчаніе, угрожая у-

ничтожить всякаго нарушителя тишины. Одинъ молодой матросъ, сидѣвшій въ углу и осмѣлившійся свиснуть, былъ такъ сильно схваченъ за горло Генераломъ Вальдеграмомъ, что его вынесли почти задушеннаго. Между тѣмъ, молодые офицеры заняли сцену съ обнаженными шпагами, чтобы остановить крикуновъ. По окончаніи спектакля, актеры и актрисы отправились домой въ сопровожденіи констаблей.

Покровители Монне совѣтовали прекратить представленія, а Англійское Министерство, опасаясь неприятныхъ послѣдствій, взяло назадъ данное позволеніе. Это совершенно разорило бѣднаго Монне, которому дорого стоило привезти труппу въ Лондонъ. Кромѣ жалованья, артисты потребовали отъ него вознагражденія за всѣ убытки. Составилась подписка, но собранная сумма оказалась столь незначительною, что кредиторы посадили Монне въ тюрьму.

КОРОЛИ ИВЕТО.

По случаю представленія нынѣ въ Парижѣ оперы, въ которой выведенъ на сцену одинъ изъ Королей Иветоскихъ (Ivetot), считаемъ нелишнимъ разказать читателямъ исторію ихъ Королевства.

Короли Иветоскіе всегда были весьма народны во Франціи, и муза Беранже только что придала болѣе свѣжести ихъ старинной извѣстности въ этой странѣ. Королевство Иветоское (хотя, безъ сомнѣнія, и забавно называть Королевствомъ небольшой городишка въ Нормандіи) существовало, если не на самомъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, *титularно*, потому что владѣтели одного уголка Нормандіи долгое время величали себя Иветоскими Королями.

Но начало Иветоскаго Королевства, прикрытое героическими баснями, терлется, какъ и начало большихъ древнихъ государствъ, во мракѣ неизвѣстности.

Серьозно объ Иветоскихъ владѣльцахъ упоминается въ первый разъ (но не какъ о Короляхъ, а какъ о вассалахъ), въ эпоху завоеванія Англій Норманнами. Одинъ владѣтель Иветоскій находился въ войскѣ Вильгельма.

Далѣе, одинъ владѣтель Иветоскій, какъ вассалъ, былъ обязанъ представлять Филиппу Августу *треть вооруженнаго челоуька* (*tertiam partem militis*), т. е. треть суммы, потребной на содержаніе одного всадника. Собственно же Королевство Иветоское появилось, если вѣрить де ла Року, въ 1392 году, когда владѣльцамъ Иветоскимъ былъ пожалованъ королевскій титулъ. Лудовикъ XI подтвердилъ права ихъ на этотъ титулъ; этотъ же титулъ упоминается при Карлѣ ХІІІ. Францискъ I, въ письмѣ, писанномъ въ 1543 году, называетъ Иветоскую владѣтельницу—Королевою. Но наибольшій блескъ этому миниатюрному Королевству придалъ Генрихъ IV. Оно забавляло его.

Разъ, предъ Иврійскимъ сраженіемъ, онъ былъ вынужденъ расположиться лагеремъ въ городкѣ Ивето. Положеніе его было опасно, и онъ сказалъ, въ шутку, своимъ ратнымъ товарищамъ: «*Ventre Saint-Gris!* господа, если я не могу быть Французскимъ Королемъ, то, по крайней мѣрѣ, буду Королемъ Иветоскимъ.»

Въ 1610 году, когда дѣло шло о коронаціи Маріи Медичи, Генрихъ выразился объ Иветоскомъ владѣльцѣ вотъ какъ: «Я хочу, сказалъ онъ, чтобы моему маленькому Королю Иветоскому было дано мѣсто, приличное его званію.»

Впрочемъ, было время, въ которое Королевство это не вовсе считалось шуткою. Въ грамотахъ Лудовика ХІ исчисляются преимущества Иветоскаго владѣнія. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что Иветоскіе владѣтели имѣли у себя право суда и расправы.

Генрихъ II подтвердилъ это право, но подчинилъ Иветоскихъ владѣльцевъ, въ

этомъ отношеніи, верховной власти Французскаго Короля.

Наконецъ, Королевство Иветоское исчезло, перейдя во владѣніе фамиліи д'Аблонъ.

МЕЛОЧИ.

Одинъ Богемскій механикъ сдѣлалъ автомата, который удивительнымъ образомъ подражаетъ челоуьческому голосу—сопрано. Этотъ автоматъ поетъ нѣсколько мудреныхъ арій съ такою точностью и вѣрностью, которая бы принесла честь величайшимъ артистамъ. Трели, рулады, хроматическія гаммы, все исполнено съ рѣдкимъ совершенствомъ. Автоматъ выговариваетъ при этомъ и слова, которыя очень внятны для слушателя. Всѣ слышавшіе его увѣрываютъ, что это просто чудо.

— Въ Венгерскомъ городѣ Нейтрѣ учреждена Музыкальная Консерваторія, для основанія которой данъ былъ большой концертъ большимъ обществомъ любителей музыки.

— Г. Адольфъ Генце объявилъ въ Фульдѣ, что изобрѣтенное имъ новое печатаніе музыки приняло свое дѣйствіе, и что онъ готовъ исполнять всякіе заказы. У него ноты выходятъ стереотипныя, и цѣна за каждую ноту по полу-пфеннигу. Печатаніе принимается съ словами и безъ словъ.

— У знаменитаго Мейербера умеръ братъ, Генрихъ, 45-ти лѣтъ, отъ апоплексическаго удара. Это уже второй братъ, котораго онъ лишается въ короткое время.

— Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ комической оперы *le Code noir*, находится одинъ Маркизь Фекьеръ, характеризованный въ либретѣ слѣдующимъ образомъ: Маркизь Фекьеръ безсовѣстный и жестокосердый правитель, разорившійся дворянинъ, который женится на одной Креолкѣ для ея денегъ; онъ любовникъ невольницы, которая поступаетъ съ нимъ оскорбительно; онъ безнравственный и грубый мужъ. Эта характеристика оскорбила внука Мар-

У. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Наши театры готовятъ множество новостей для предстоящихъ бенефисовъ. Для бенефиса И. П. Сосницкаго репетируютъ комедію Гоголя: *Женитьба*. Далѣе, въ бенефисъ Г-жи Каратыгиной, будетъ представленъ, въ Русскомъ переводѣ, драма Emery le négociant, представленная недавно на нашемъ Французскомъ Театрѣ подъ пышнымъ заглавіемъ: *Eme u, ou l'honneur du mari et l'honneur du négociant*; сверхъ того, мы увидимъ новую драму П. Г. Ободовскаго: *Русская Болыня*, въ которой А. М. Каратыгина будетъ танцовать Русскую пляску; въ тотъ же вечеръ будетъ представленъ водевилъ *Школьный Учитель*, насмѣшившій публику Михайловскаго Театра.

— Въ бенефисъ В. А. Каратыгина, уже въ Январѣ, будетъ дана драма *Вернеръ*, напечатанная въ нашемъ изданіи.

— Для своего бенефиса, Г. Аллпъ, между прочимъ, избралъ сцену изъ *Ро-*

берта (4-го дѣйствія); партію Изабеллы будетъ пѣть Г-жа Корнелія Фальконъ.

— Пѣмецкая труппа даетъ теперь *Записки Демона* (*des Teufels Tagebuch*) въ весьма плохомъ переводѣ. Первое представленіе было крайне неудачно, никто не зналъ ролей и актеры не сыгрались; пьеса, однако же, до сихъ поръ дана раза три. Шварцъ, въ роли Робена, отнюдь не на своемъ мѣстѣ.

— На Большомъ Театрѣ дѣятельно репетируютъ балетъ *Гизелла*.

ПРИЖИЖЪ.

Большая опера. *Le Vaisseau-Fantôme* (Корабль Призракъ) опера въ двухъ дѣйствіяхъ; слова Поля Фуше, музыка Дича. — *Картина первая*. У Мины, хорошенькой дочери Барлоу, богатаго negocianta Шотландскаго Острова (древней Туле), вечернее собраніе. Отецъ Мины въ морѣ. Эрикъ, молодой морякъ, не понимается, какимъ образомъ можетъ быть вечернее собраніе безъ мрачнаго раз-

сказа, а въ слѣдствіе этого, всѣ гости просятъ Мину спѣть мрачную балладу о Пиратѣ Троилѣ. Изъ словъ баллады видно, что есть *мысль, хранимый самимъ Богомъ*, за который никто не можетъ преступить; но Пиратъ Троилъ клянется, что онъ обогнетъ мысль, куда, дѣйствительно, и отправляется, ведомый діаволомъ. Богъ осуждаетъ Пирата на вѣчное странствованіе по морямъ, и только чрезъ каждыя семь лѣтъ, Троилъ имѣетъ право выходить на берегъ, на *одинъ день*. Для умилостивленія неба надобно, чтобы пиратъ нашель женщину, которая оставалась бы ему вѣрною до гроба. Мина кончила балладу. Новый гость, молодой Магнусъ, проситъ убѣдительно спѣть третій куплетъ, изъ котораго оказывается, что однажды Троилъ бросилъ въ море своего мятежнаго кормчаго, и что съ тѣхъ поръ у него на рукѣ *обвинительный рубецъ*. Мина жалѣетъ о несчастномъ Троилѣ, не вѣритъ, чтобы онъ былъ убійцею, но Магнусъ открываетъ ей, что брошенный въ море кормчій — ея отецъ.

Съ окончаніемъ баллады оканчивается вечернее собраніе; гости расходятся. Магнусъ, оставшись съ Минюю, призывается ей въ любовь; Мина проситъ его обратиться съ предложеніемъ къ отцу. Ночь. Буря потрясаетъ стѣны древней Туле; гремитъ громъ; сверкаетъ молнія. Наконецъ, Мина узнаетъ, что корабль ея отца погибъ, но самъ отецъ, спасенный чужеземнымъ судномъ, прибылъ въ гавань здоровъ и невредимъ.

Вторая картина. — Мина свидѣлась съ отцемъ, который представляетъ ей своего спасителя, храбраго Шведскаго Капитана Вольдемара, и хочетъ, чтобы она вышла за него замужъ. «Но, батюшка, Магнусъ меня любитъ! — И, что за глупости! Онъ бѣденъ, а мнѣ нуженъ зять богатый, человекъ или демонъ, все равно!» — Между тѣмъ, Шотландцы ипруютъ съ Шведскими матросами, пугаются ихъ адскихъ пѣсень, но потомъ сами начинаютъ

пѣть съ ними. Приходитъ капитанъ; пѣніе прекращается; матросы удаляются на корабль. Это мѣсто обработано композиторомъ очень удачно. Хоръ Шотландцевъ и хоръ Шведовъ идутъ вмѣстѣ въ двухъ различныхъ тонахъ, производятъ удивительный эффектъ.

Мина отправляется къ Капитану Троилю съ тѣмъ, чтобы признаться ему въ любви своей къ Магнусу; но прослушавъ балладу вдругъ влюбляется въ Троила.

Второе дѣйствіе. — Бѣдный Магнусъ, подобно Фердинанду въ *Фавориткѣ*, идетъ въ монастырь, куда является потомъ помолиться Мина, въ одеждѣ невесты. Кто долженъ благословить союзъ? Магнусъ, разумѣется. Къ несчастію, нечестивый Капитанъ Троилъ признается Минѣ въ своемъ отверженіи; но Мина говоритъ ему: «Я тебя люблю и спасу!» Настаетъ часъ брачнаго обряда. На берегу собралось множество народа; Барлоу подводитъ жениха и невесту къ священнику, и въ ту самую минуту, когда обрученные стали мѣняться кольцами, Магнусъ замѣтивъ на рукѣ Троила обвинительный рубецъ, провозглашаетъ его убійцею и отверженнымъ. Устрашенные присутствующіе кричатъ: *амаэма!* Мина взбѣгаетъ съ Троилемъ на скалу, бросается въ море, въ тоже время съ ужаснымъ шумомъ тонетъ корабль-призракъ. Но облака разсѣлились; въ свѣтлой дали Мина подводитъ отверженнаго къ подножію престола Бога: она испросила ему прощеніе.

Поэма Поля Фуше, основанная на легендѣ, составлена довольно хорошо, музыкально, и изобилуетъ многими поэтическими стихами; но для двухъ-актной оперы слишкомъ серьезна.

Увертюра начинается бурей похожей на всѣ музыкальныя бури, состоящая изъ гаммъ восходящихъ и нисходящихъ. Небольшой хоръ, при подня-

тин завѣсы, очень удаченъ, равно какъ и большая финальная сцена съ бу-рею и молитвою, гдѣ аконанментъ составленъ изъ арфъ и альта. Есть много другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Вообще, Дичъ написалъ свою партитуру учено, но однообразно, для перваго дебюта, впрочемъ, весьма удовлетворительно.

Опера, тщательно исполненная и об-ставленная, имѣла успѣхъ.

— Комическая Опера. *Le Kiosque* (Кі-оскъ), комическая опера въ одномъ дѣй-ствіи, слова Скриба и Дюпора, музыка Маза. — Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи и въ кіоскъ, гдѣ бесѣдуютъ нѣсколько дамъ, а именно: Дола Менсія, ея дѣв-племянница, молодая вдова Христина, ея кузина Эстелла, и наконецъ камеристка. Христина имѣла въ Мадридѣ обожателя, который такъ скомпрометировалъ свою возлюбленную, что Губернаторъ Лопесъ, ея женихъ, теперь не хочетъ на ней же-ниться, а предлагаетъ свою руку дѣвницѣ Эстеллѣ. Вдова въ отчаяніи; она думаетъ, что если бы всѣ мужчины были нѣмы, то женщины были бы гораздо счастливѣе, по крайней мѣрѣ, онѣ не боялись бы не-скромныхъ открытій.

Хотя дѣйствіе, какъ сказано, происхо-дитъ въ Испаніи, однако жъ молодой Фран-цузъ, притомъ офицеръ, оказывается не-обходимымъ и для Испанокъ, и для ко-мической оперы. Онъ является немедленно на сцену, проситъ гостепрѣимства у садовника Биболо, и получаетъ отказъ, по-тому что въ домѣ живутъ однѣ дамы. Но что можетъ озадачить Француза! Молодой офицеръ остается. Его зовутъ Эдуар-домъ; онъ живописецъ, и въ ту минуту, когда снимаетъ какой-то видъ, слышитъ жалобы Христины. Французъ хитеръ: что-бы поправиться вдовѣ, Эдуардъ притво-ряется нѣмымъ, и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ дамъ. Эдуардъ также и му-зыкантъ. Онъ беретъ скрипку, и выра-жаетъ свои мысли на музыкальномъ язы-кѣ, безъ жестовъ, то есть, говорить съ

теткою въ *ut*, на четвертой струнѣ, а съ Эстеллою на квинтѣ, въ *la*-минорѣ. Ме-жду тѣмъ, Губернаторъ Донъ Лопесъ приходитъ арестовать офицера за то, что онъ будто бы нескромно говорилъ о Ко-ролѣ Иосифѣ; но въ полученномъ Губер-наторомъ описаніи примѣтъ не сказано, что офицеръ *нѣмъ*. Да и какъ могъ го-ворить нѣмой про Короля? Стало быть, примѣты показаны не вѣрно?... Донъ Ло-песъ проситъ руки Эстеллы, которая лю-битъ офицера и имѣе любимца. Дона Мен-сія объявляетъ, что въ ея семействѣ все-гда говорили, и что она готова испол-нить просьбу Губернатора. Вдругъ, нѣ-мой заговариваетъ, и доказываетъ Лопесу, что Христина всегда была добродѣтель-ная женщина. Затѣмъ, онъ женится на Эстеллѣ, а горничную выдаетъ за трубача своего полка.

Партитура, написанная Г-мъ Мазо, отлич-нымъ скрипачемъ, пѣвѣственнымъ по многимъ ученымъ сочиненіямъ для скрипки, испол-нена гармоніи; мелодіи легки, но слиш-комъ просты.

Второй Французскій Театръ. *Une Aven-ture Suédoise* (Шведское происшествіе), драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Ипполита Мока. Происшествіе жалкое, ужасное! Меньше чѣмъ въ полчаса про-исходитъ одно убійство и одно само-убійство; но должно сказать, что въ этой небольшой драмѣ, противъ ожиданія, есть кой какая идея, есть даже нрав-ственный урокъ. Дѣло вотъ въ чемъ: мужъ одной Шведки, благородной да-мы, присталъ къ недовольнымъ, воз-ставшимъ на Короля Христиана. Госпо-жа Эркестатъ не знаетъ, что стало съ ея супругомъ, почитаетъ его убитымъ въ сраженіи, и слушаетъ утѣшительныя рѣ-чи другаго молодого воина, Шевалье д'Амшль. Но мужъ является, застаётъ Шевалье, и раздраженный невѣрностью жены, только и думаетъ о мщеніи. На-прасно госпожа Эркестатъ клянется свое-му Фридриху, что она никогда не пере-

ставала любить его, напрасно отдаетъ ему, въ оправданіе, нѣсколько писемъ, писанныхъ д'Амильи—ничего не помогло, напротивъ, это еще болѣе воспламенило Фридриха. Письма въ рукахъ неоспоримыя доказательства невинности жены, опъ видитъ однако, что жена его равнодушна къ любви Шевалье. Теперь, прощеніе невозможно, и драма приближается къ развязкѣ. Д'Амильи предлагаетъ Шведкѣ бѣжать отъ свирѣлаго мужа, но благородная женщина принимаетъ ядъ. Фридрихъ, вызвавшій Шевалье на дуэль, убиваетъ его на трупъ жены, и говоритъ: «Я отмстилъ за свою честь; она спасла свою.»

Ипполитъ Мока хотѣлъ доказать, что особенно чувства доводятъ до преступленія, и что измѣнить сердцемъ мужу все то же, что совершенно измѣнить ему. Пьеса написана легкими, звучными стихами, и публика приняла ее благосклонно.

Театръ Ambigu-Comique. *Gaetan il Mamtone*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Фредерика Сулье. Сулье плохой драматургъ, потому что размѣры драмы слишкомъ тѣсны для его плодовитаго дарованія. Въ *Gaetan il Mamtone* онъ собралъ всѣ драматическія сладобья, множество разнообразныхъ, запутанныхъ случаевъ, такъ что пьеса становится непонятною. Англичанинъ Мортона, распутный человекъ, имѣетъ двухъ незаконныхъ сыновей и одну незаконную дочь, которые никогда не видали другъ друга, которыхъ онъ самъ никогда не видывалъ. Гаэтанъ, сынъ Мортона, любилъ Леонору, дочь его, слѣдовательно свою сестру, и Леонору же любитъ Жоржъ, братъ Гаэтана. Дѣйствіе происходитъ въ 1799 году, во время Итальянской войны. Жоржъ служитъ офицеромъ во Французской Арміи; Гаэтанъ въ Неаполитанской. Жоржъ взятъ въ плѣнъ; любящая его Леонора, чтобы освободить своего возлюбленнаго, впускаетъ Французовъ въ цитадель. Нѣсколько ласковыхъ словъ обманули и усыпили свирѣлаго Гаэтана.

Но спасеннаго Жоржа поражаетъ княземъ нѣкто Франческо, дѣдъ Гаэтана, со стороны матери, который до того золъ на обольстителя своей дочери, что обвиняетъ Леонору въ измѣнѣ отечеству. Леонору сажаютъ въ тюрьму. Опять является Жоржъ: его спасла нѣмая дѣвушка, Катерина, любящая Гаэтана. Потомъ всѣ узнаютъ другъ друга, обнимаются, и драмъ копецъ. Ужасная путаница! Надобно еще сказать, что *il Mamtone* значитъ *демонъ*.

Театръ Пале-Рояльскій. *La Borne du Cabaret* (Граница шинка), эскизъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Дюнье и Бурже. *Le Loup dans la Bergerie* (Волкъ въ овчарнѣ), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Дюмануара и Бризебара. *Les Ressources de Jonathan* (Плутни Ионаана), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Вареня и Даврепура. Первая изъ этихъ пьесъ, эскизы или шутка, въ полномъ значеніи слова. Она, впрочемъ, не имѣла бы ни какого значенія, если бы единственная роль не была играна превосходнымъ комикомъ Ашаромъ. Амабилисъ, любезный, веселый человекъ, добрый малый, настоящій гуляка, состоитъ въ числѣ членовъ многихъ пьющихъ, поющихъ и обѣдающихъ обществъ. Одинъ погребщикъ выгоняетъ его. Амабилисъ шумитъ, будитъ сосѣдей, поетъ, наконецъ встрѣчается съ такимъ же гулякою, котораго держали нѣсколько времени въ заперти. Привратникъ, желая заключить мировую, даритъ Амабилису бутылку вина съ усыпляющимъ порошкомъ. Амабилисъ засыпаетъ, а чтобы его не раздавили кареты, ставятъ ему на животъ фонарь. Пьеса написана, вѣроятно, по поводу извѣстной въ Парижѣ исторіи фонаря, изобрѣтеніе котораго приписываютъ одному знаменитому префекту.

Содержаніе *Волка въ овчарнѣ* слѣдующее: Въ улицѣ Вивьенъ жила пречестная и предобродѣтельная модная торговка, Мозамбикъ, пречестная и добродѣтельная въ томъ отношеніи, что крѣпко заботи-

лась о невинности своихъ швеекъ, а сама полагала позволительнымъ имѣть друга въ пѣкомъ господинѣ Молетонѣ. Наконецъ добрая Мозамбикъ умерла, оставивъ единственнымъ наследникомъ племянника, скромнаго, тихаго, и завѣщавъ ему всю свою торговлю, включая тутъ и модистокъ, Гортензію, Маріетту, Пелагею, Надежду. Племянникъ Камиллъ приходитъ въ магазинъ, но онъ такъ робокъ, что, говоря, потупляетъ глаза, и едва смѣетъ взглянуть на своихъ дѣвушекъ. Молетонъ, исполнитель духовнаго завѣщанія покойной Мозамбикъ, въ восторгѣ, что магазинъ не лишится своей старинной славы, и весело возвращается въ караулъ: онъ служить въ національной гвардіи. Три первыя модистки не совѣмъ добродѣтельны, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ любовника; только у скромной Маріетты нѣтъ друга; но и она таитъ въ сердцѣ страсть, воспоминаніе. Когда она была еще крестьянкою и ходила въ городѣ продавать молоко и яицы, то нашла однажды на дорогѣ полупьянаго гусара, которому спасла жизнь тѣмъ, что снесла его съ дороги, видя скачущій дилижансъ. Дѣло ясное: робкій племянникъ и есть гусаръ въ отставкѣ; онъ узнаетъ Маріетту, общается на ней жениться; Маріетта бросается къ нему въ объятія. Они прощаются и расходятся спать въ разныя стороны.

Между тѣмъ три модистки, зная, что Молетонъ въ караулѣ, назначили въ полпочъ свиданіе своимъ любовникамъ и веселый ужинъ въ магазинѣ. Скромнаго Камилла имъ нечего бояться. Столъ накрытъ. Вдругъ является Камиллъ, въ гусарскомъ мундирѣ, начинаетъ пить, пѣть, цѣловать дѣвицъ, и въ заключеніе онъ женится на Маріетѣ.

Главное дѣйствующее лице третьей пьесы — хитрый слуга, влюбленный, по обыкновенію, въ горничную. Онъ служитъ у моднаго живописца Леопольда, и узнавъ, что баринъ отправился на двухъ-

недѣльную артистическую прогулку, рѣшается на это время поступить въ услуженіе къ толстяку Бернару. Но Леопольдъ отдумалъ путешествовать и возвратился, къ крайнему смущенію Іонаана. Что дѣлать слугѣ двухъ господъ? Леопольдъ зоветъ его съ одной стороны, Бернаръ съ другой, и бѣдный слуга дѣлаетъ на каждомъ шагу глупости: такъ, напримѣръ, онъ прячетъ въ карманъ Леопольда бумажникъ Бернара, а Бернаръ находитъ въ своемъ карманѣ медаліонъ, принадлежащій живописцу, и изображающій дочь его, Бернара, въ которую безнадежно влюбленъ Леопольдъ. Наконецъ, Леопольдъ отыскиваетъ въ бумажникѣ Бернара доказательство, что его возлюбленную отецъ хочетъ выдать за другаго. Слѣдуетъ запутанная интрига. «Чей это медаліонъ?» спрашиваетъ Бернаръ. Слуга, желая вывернуться, отвѣчаетъ, что медаліонъ принадлежалъ барину, у котораго онъ служилъ, и который умеръ уже съ полгода. «Чей это бумажникъ?» спрашиваетъ Леопольдъ. Слуга отвѣчаетъ то же самое. Бернаръ и Леопольдъ, незнакомые другъ другу, ссорятся, а потомъ, послѣ различныхъ проказъ Іонаана, мирятся, и пьеса кончается двумя свадьбами: живописецъ женится на дочери Бернара, а слуга на горничной.

Актеръ Равель, смѣшавшій до слезъ свою игроу, поддерживаетъ весь водевиль.

Театръ Гимназіи. *Davis, ou le Bonheur d'être fou* (Девисъ, или счастье въ безуміи), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Фурье. Сюжетъ водевиля заимствованъ изъ прекрасной повѣсти Г-жи Авансъ Сегала: *Счастье въ безуміи*. Герцогъ Блестоу, богатый Ирландскій Перъ, потерявъ единственнаго сына, убитаго на поединкѣ, вспоминаетъ, что въ Ирландіи, въ бѣдной хижинѣ, есть у него племянница, дочь брата, которой онъ не признавалъ прежде, потому что покойный братъ его женился на бѣдной дѣвушкѣ. Теперь,

Лордъ приказываетъ привезти къ себѣ въ Лондонъ Памелу, и хочетъ передать ей свой титулъ и все состояніе. Но Памела груститъ въ Лондонѣ о своей хижинѣ, а больше о другѣ дѣтства, Девисѣ, который, не зная куда дѣлался его возлюбленная, отправляется отыскивать ее въ столицу Великобританіи. По счастью, встрѣчаетъ онъ здѣсь Патрика, своего соотечественника, бредящаго проектами и планами, и хвастающагося своимъ знакомствомъ съ знатными домами. Дѣйствительно, Патрикъ проводитъ Девиса въ переднюю Лорда Блесту, гдѣ бѣдный молодой человекъ встрѣчаетъ кормилицу Памелы, и не взирая ни на что бѣжитъ во внутреннія комнаты. Онъ застаётъ Памелу при послѣднемъ издыханіи, и терзаетъ отъ того разсудокъ.

Прошло много времени. Девисъ выздоровѣлъ; Памела также. Но съ возвращеніемъ разсудка, состояніе Девиса сдѣлалось еще хуже: его свѣдаетъ мрачное отчаяніе, онъ бѣгаетъ людей, и только ведетъ знакомство съ добрымъ Патрикомъ, который, въ свою очередь, помѣшался на плавкахъ, проектахъ и изобрѣтеніяхъ. Бѣдный безумецъ, живущій двумя шиллингами отъ прихода, воображаетъ себя миллионщикомъ. Девисъ поддерживаетъ его въ этой мысли, зная сколько блаженства въ безуміи.

Надобно замѣтить, что Девисъ великій живописецъ. Картины его знамениты на Лондонскихъ Выставкахъ, и по этимъ-то картинамъ Герцогиня Памела узнаетъ о судьбѣ своего друга дѣтства. Не трудно угадать развязку: Девисъ получаетъ руку Герцогини Блесту.

Піеса занимательна и хорошо ведена; куплеты плохи. Она имѣла большой успѣхъ.

Театръ Разнообразія *Les informations conjugales*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Гг. Дювера, Лозана и Жема. Водевилъ этотъ, основанный на переодѣваньи одного изъ актеровъ, исполняющаго пять

ролей, принадлежить къ числу самыхъ пошлыхъ водевилей, наполненъ остротами, которыя вытянуты съ величайшимъ успѣхомъ изъ головъ трехъ сочинителей. Жамбоно, бывший аптекаръ, и жена его, Жактаръ, чиновникъ при наложеніи штемпеля на журналы, и жена его, живутъ всѣ четверо рядомъ, мужчины въ ладу, женщины въ ссорѣ. Госпожа Жамбоно ненавидитъ Госпожу Жактаръ за то, что она моложе, и въ отмщеніе увѣдомляетъ ревниваго чиновника о вѣроятной виновности его супруги, которая слишкомъ часто уходитъ изъ дома, когда мужъ въ присутствіи. Г. Жамбоно, чтобы убѣдиться въ предосудительномъ поведеніи Г-жи Жактаръ, проситъ письмомъ Г. Жигомара, служащаго въ полициі, по отдѣленію супружескихъ слѣдственныхъ дѣлъ, навести справку. Въ это время пріѣзжаетъ откуда-то Адольфъ, братъ Г-жи Жактаръ, краса уѣзднаго города, записной актеръ-любитель, привозитъ съ собою свои различные костюмы, и узнавъ о домашней суматохѣ, рѣшается спасти сестру. Онъ называетъ себя чиновникомъ, посланнымъ отъ Г. Жигомара, со спискомъ всѣхъ обманутыхъ Парижскихъ мужей, число которыхъ простирается до *шестидесяти тысячъ восьми сотъ девяноста семи!* Потомъ, Адольфъ является въ женскомъ платьѣ, съ тремя дѣтьми, и называетъ себя жертвою пылкихъ страстей Г. Жамбоно, въ присутствіи его супруги; наконецъ пьянымъ работникомъ, горбатымъ, занкою. Скоро все приходитъ къ концу. Настоящій Жигомаръ, начальникъ отдѣленія *супружескихъ слѣдственныхъ дѣлъ*, присылаетъ письмо, но въ разсѣянности провозглашаетъ въ немъ виновною супругу своего друга, Г. Жамбоно.

Театръ Веселости. *Pierre Lenoir, ou Les Chauffeurs* (Пьеръ Ленуаръ, или Истопники), драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. Дино и Евгенія Сю.—Въ первые пять или шесть лѣтъ Французской Республики, образовалась шайка злодѣевъ,

которые, подъ предлогомъ преслѣдованія дезертеровъ и эмигрантовъ, грабили мызы. Они жгли у мызниковъ ноги на жаровнѣ, отчего и получили названіе истопниковъ, и такъ образомъ выпытывали, гдѣ спрятаны деньги или дорогія вещи. Вотъ герои мелодрамы, избранные Дино и Евгениемъ Сю. Пьеръ Ленуаръ, Баронъ и предводитель злодѣевъ, захватываетъ не только деньги мельника Адре, но и невѣсту его, Марианну. Для достиженія своей цѣли, бандитъ производитъ неслыханныя жестокости, которыми и наполнена вся пѣса. Нападеніе на мельницу; опустошеніе фермы; сожженіе и грабежъ монастыря; ружейные выстрѣлы; битвы истопниковъ съ крестьянами; дѣвушка, выходящая замужъ за разбойника для спасенія своего возлюбленнаго, смерть самаго Ленуара, убитаго изъ ружья въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ умертвить мельника, вотъ стихія, на которыхъ основана пѣса, при запутанности интриги и множествѣ фактовъ. Мельникъ не женится, однако, на Марианнѣ, потому что Марианна оказывается дочерью Графа Біанвиля.

Театръ Драматическихъ Шалостей. — *Criminelle conversation* (Преступная связь), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Арсенія Сея. Лукреція не болѣе полугода замужемъ за ревнивымъ, свирѣпымъ тираномъ. Она страдаетъ подъ тяжкимъ игомъ; но по счастью находитъ утѣшителя въ молодомъ флотскомъ офицерѣ, одаренномъ, какъ всѣ моряки, пречувствительнымъ сердцемъ. Любовники согласились бѣжать. Между тѣмъ, Г. Лоріо, мужъ Лукреціи, перехвативъ ея письмо, отправляется въ гостиницу, гдѣ назначено свиданіе. Случай привелъ въ эту же гостиницу школьнаго учителя, почтеннаго господина Канди, ожидавшаго здѣсь свою цѣломудренную половину. Лоріо принимаетъ бѣднаго наставника юношества за обольстителя Лукреціи, сажаетъ его въ тюрьму; но приходъ госпожи Канди и письмо офицера къ полицейскому комиссару объясняютъ

всю путаницу. Оказывается, что соперникъ Лоріо, просто, братъ Лукреціи. Водевилъ понравился.

Театръ Комическаго Отдохновенія. *Le Séducteur et le Mari* (Обольститель и Мужъ), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Шарля Лафона. — Полина, обманутая дѣвица, брошена своимъ обольстителемъ, де Фонтене, офицеромъ, который, по напечатаннымъ въ журналахъ извѣстіямъ, убитъ въ Алжирѣ. Скоро, однако, утѣшилась Полина: она вышла замужъ за Г. де Ливри, великодушнѣйшаго человѣка, усыновившаго даже незаконное дѣтище своей супруги. Между тѣмъ возвращается де Фонтене, попрежнему влюбленный, требуетъ ребенка, и въ доказательство представляетъ въ судъ письма Полины. На этой борьбѣ основана вся драма. Послѣ жаркихъ преній, обольститель и мужъ рѣшаются кончить споръ поединкомъ. Доброе дѣло торжествуетъ. Побѣжденный Фонтене возвращаетъ всю переписку, а супруги возвращаютъ себѣ счастье и спокойствіе. При хорошей игрѣ артистовъ, драма Лафона имѣла успѣхъ.

— Возобновленіе *Цампы* на сценѣ Комической Оперы привлекаетъ въ этотъ театръ многочисленную публику.

— Гарсія-Віардо ангажирована къ Италіанскому Театру.

— Новая комическая опера, которую пишетъ теперь Дондзетти для Италіанскаго Театра въ Парижѣ, называется: *Don Pasquale*.

— Зала Большаго Ліонскаго Театра открыта въ востокѣ минувшаго Октября. Двѣ тысячи солдатъ приглашены были на первое представленіе, весь главный штабъ крѣпости и до двухъ сотъ постороннихъ особъ. Пишутъ, что зала великолѣпна.

— Въ Парижѣ получено извѣстіе, что Шотландскіе пѣвцы и музыканты на волепѣкахъ, которые давали концертъ въ присутствіи Англійской Королевы, пріѣдутъ въ скоромъ времени въ этотъ городъ.

ЛОНДОНЪ.

Миссъ Алиса Лоу, которая лишь недавно торжествовала въ судѣ противу обольстителя своего, Лорда Френкфорта, рѣшительно упала въ дебютахъ своихъ передъ публикою Сити. Дирекція этого маленькаго театра ангажировала ее на нѣсколько спектаклей; на первый ея дебютъ ложи, галерея и партеръ наполнились заранѣе толпами зрителей, и задолго до начала нетерпѣливая публика кричала: Алису Лоу! Алису Лоу! Наконецъ завѣса поднялась. Играли пьесу: *Жена моего сосѣда*, и новая Клариса занимала въ ней главную роль. Поднялся ужаснѣйшій шумъ, и двѣ актрисы, которыя занимали сцену, могли въ это время говорить все что имъ было угодно. Наконецъ Алиса Лоу подходит къ авансценѣ, кланяется и улыбается на право и на лѣво. Нѣсколько рѣзкихъ свистковъ встрѣчаютъ ее при самомъ началѣ, но аплодиссменты и крики bravo! ура! заглушаютъ кабалъ. Съ аккомпаниментомъ этого шума дебютантка кончаетъ свою роль благополучно. Тогда подходит она къ рампѣ и начинаетъ какую-то рѣчь въ стихахъ. Въ этой рѣчи публика не много могла услышать, а еще меньше понять. Слова: «презрѣнная женщина! человекъ, недостойный этого имени! неблагоприятное чудовище!» изрѣдка достигали до слуха зрителей. Шумъ публики и сердечное волненіе дебютантки произвели наконецъ окончательное сценическое явленіе. Актриса смѣшалась, вынула платокъ, закрыла глаза и упала въ обморокъ. Шумъ еще болѣе усилился. Кто кричалъ: помогите ей! кто унималъ крикуновъ, кто просто собирался домой. Явились два актера и вынесли Алису на рукахъ за кулисы. Шутники рѣшили тѣмъ, что она кончила свою роль точно также, какъ начала, то есть *безъ чувствъ*, и эта злая шутка сдѣлалась всеобщимъ приговоромъ.

— Драматическихъ новостей на этой пе-

дѣль ни какихъ не было. Случилось только двѣ *Бури* на двухъ разныхъ театрахъ. На Ковентгарденскомъ буря Шекспира сошла очень хорошо, а на Дрюриленскомъ домашняя и закулисная буря до сихъ поръ все еще продолжается. Последняя произошла отъ Г-жи *Вестрисъ*, бывшей директрисы этой труппы. Новый директоръ далъ ей въ *Школѣ Злословія* маленькую роль Маріи, и эксъ-царница оказалась больною вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Это обстоятельство принудило директора закрыть театръ на тотъ вечеръ. Намъ всегда казалось, пишутъ въ одномъ журналѣ, что Г-жа Вестрисъ, подъ командою Г. Мекреди, очень похожа на Карла XII, который опредѣлился на службу къ своему противнику.

Сень-Джемсская Французская труппа теперь вполнѣ укомплектована. Къ прежнимъ артистамъ присоединились еще: Г-жа Дошъ, изъ театра *Водевилей*, Г. Просперъ, изъ *Ambigu-comique*, и Г. Розевиль, первый любовникъ изъ *Gymnase*.

— На Ковентгарденскомъ Театрѣ имѣла успѣхъ новая комедія Марка Лемона: *The Turf*. Въ ней много остроумія, и она, кажется, удержится надолго въ Репертуарѣ. На Олимпійскомъ Театрѣ были даны, съ блестящимъ успѣхомъ, двѣ также новыя пьесы: *My Valet and I*, фарсъ, и *The Peasant Bride, or the heart of a Soldier*, драма.

ГЕРМАНИА.

На Леопольдштадтскомъ Театрѣ возобновлена, съ большимъ успѣхомъ, пародія на извѣстную пьесу Коцебу: *Menschenhass und Reue*, подъ названіемъ: *Kein Menschenhass und Keine Reue*, неигранная тамъ лѣтъ около десяти. Главную роль въ этой пьесѣ занималъ Г. Шоллицъ; онъ исполнилъ ее превосходно. На томъ же театрѣ была дана въ первый разъ и имѣла успѣхъ небольшая пьеска Космара: *Der todte Bräutigam*.

— Новая пьеса Нестроя, которая будетъ представлена въ непродолжитель-

номъ времени, на одномъ изъ Вѣнскихъ театровъ называется: *die Papiere des Teufels, oder: der Zufall*. Пѣса эта состоитъ изъ трехъ дѣйствій и снабжена еще притомъ прологомъ.

— Нетцеръ пишетъ теперь новую оперу, подъ названіемъ: *Die Brautfahrt*.

— Въ Берлинѣ разучиваютъ новую комедію Блума: *Die Kunst zu gefallen* и новую драму Г-жи Бирхъ-Пфейферъ: *Elisabeth*.

— Въ Дрезденѣ давали *сotto* представленіе *Фрейшюца*. Представленіе было блистательное. Г-жа Шредеръ-Девриенъ превзошла сама себя. Публика потребовала повторенія увертюры, а послѣ спектакля вызвала всѣхъ артистовъ. Вдова и дѣти Вебера присутствовали при этомъ спектаклѣ.

— Въ Гамбургѣ строятъ новый театръ, вмѣсто такъ называемаго *второго*. Г. Морисъ получилъ на это 5-тилѣтнюю привилегію, обязавшись выстроить на свой счетъ приличное зданіе. — На *Городскомъ театрѣ* ангажирована Г-жа Штекль-Гейнефеттеръ, на зиму (до конца Февраля) за 20,000 марокъ.

И Т А Л І Я.

Знаменитая Нѣмецкая пѣвица Лѣве,

которая недавно блистала въ Парижѣ, дебютировала въ Неаполѣ съ величайшимъ успѣхомъ въ Нормѣ, Беллини.

— Въ Миланѣ, на театрѣ *Scala*, имѣлъ успѣхъ новый балетъ хореографа Виллы: *Fedra*. Этотъ балетъ обставленъ съ большимъ великолѣпіемъ.

— Въ Моденѣ была представлена, въ первый разъ, опера молодого композитора Солеры: *La fanciulla di Castel Gandolfo*. Это новое произведеніе Г. Солеры, имѣвшее успѣхъ, даетъ ему полное право на почетное мѣсто между Италіянскими композиторами.

— Въ Болоніи была играна, также въ первый разъ, опера маэстро Торриджіани: *La Sibilla*; но эта пѣса, не смотря на многія свои достоинства, имѣла успѣхъ посредственный.

А М Е Р И К А.

Въ Новомъ Орлеанѣ, нынѣшній годъ ужасныя несчастія постигаютъ театры. Два театра уже сгорѣли; теперь и третій подвергся той же участи. Это былъ старый театръ, который превращенъ былъ въ аукціонную залу.

V. А Ф И Ш А.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Ноябрь.	На ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣт- телей.	Каргъ.	Прочихъ экзажей.
1 Воскр.	Больш.	Аскольдова могила, оп.	315	25	28
	Алекс.	Угольно, драм. предст.	750	90	11
2 Понед.	Мих.	Die Räuber, Trsp.	313	11	14
	Больш.	Любовный напитокъ, оп.; Воспитанница Амура, бал.	217	15	19
3 Вторг.	Алекс.	Женатый проказникъ, или Рискнулъ да и закалялся, ком.; Кольцо Маркизы, или Ночь въ хлопотахъ, вод.; Людмила, др.	1300	60	70
	Алекс.	Король Энцио, др.; Катерина, или золотой крестикъ, ком.-вод.	280	12	27
4 Среда.	Мих.	La dot de Suzette, dr.	440	60	27
	Больш.	Донъ Жуанъ, бал.; Дая, или Португалцы въ Ин- ди, бал.	315	15	17
5 Четв.	Мих.	Mädchen und Frau, Lstsp.; Lorenzchen und seine Schwe- ster, Singsp.; Die Hottentottin, Vaud.	650	35	15
	Алекс.	Дезертеръ, оп.-вод.; Мертвыя души, ком.; Комедія съ дядюшкой, оп.-вод.; Макарь Алексеевичъ Губкинъ, вод.	285	16	10
6 Пятн.	Алекс.	Женатый проказникъ, или Рискнулъ да и закалялся, ком.; Кольцо Маркизы, или Ночь въ хлопотахъ, вод.; Людмила, др.	850	35	27
	Мих.	Les mémoires du diable, vaud.; Simplette la chevière, vaud.	434	75	26
7 Субб.	Больш.	Норна, оп.; Мельники, бал.	270	15	10
	Алекс.	Студентъ артистъ, хористъ и афферистъ, оп.; Брюз- га, ком.-вод.; Барабанщикъ, вод.; Ложа 1-го яру- са, анекд.-вод.	525	15	19
8 Воскр.	Мих.	Herrmann und Dorothea, idyllisches Familiengemälde; Der Sänger und der Schneider, kom.-Singsp.	140	2	7
	Мих.	Une jeunesse orangeuse, com.; Francine la gantière, vaud. Le maître d'école, vaud.	360	120	40
9 Понед.	Больш.	Бронзовый конь, оп.	250	11	29
	Алекс.	Материнское благословеніе, др.; Сардакскій корабель- ный мастеръ, ком.; Жены наши пропали, ком.	750	16	10
	Больш.	Робертъ, оп.	275	20	30

1842. Ноябрь.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посети- телей	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
	Алекс.	Женатый проказникъ, ком.; Кольцо маркизы, вод., Людмила, др.	585	17	24
10 Вторн.	Алекс.	Первая и послѣдняя любовь Карла XII, драм.; Параша Сибирячка, Русская быль; Первое Юля въ Петергофѣ, шутка-вод.; Провинциальный театр, шутка-вод.	525	15	19
	Мих.	Francine la gantière, vaud.; Une faute, vaud.; Les deux voleurs, op.	420	75	35
11 Среда.	Больш.	Герта, повелительница Эльфрида, бал.; Невѣста лунатикъ, оп.	381	24	11
	Алекс.	Князь Михаилъ Весильевичъ Скопинъ-Шуйскій, др. .	324	40	30
12 Четв.	Алекс.	Первый день брака послѣ тридцати-лѣтней свадьбы, ком.; Наука и женщина, ком.; Комедія о войнѣ Федосьи Сидоровны съ Китапцами, Сибирская сказка, Пуганица, вод.	265	3	27
	Мих.	Une jeunesse orageuse, com.; Les premières armes de Richelieu, com.	360	70	25
15 Пят.	Больш.	Сильфида, бал.; Невѣста лунатикъ, оп.	214	10	27
	Алекс.	Велизарій, др.; Кувцы, вод.	730	14	17
	Мих.	Iohann Faust, Drama	360	15	19
14 Субб.	Мих.	Le maître d'école, vaud.; Le démon de la nuit, vaud.; Tiridate, com.	360	3	11
15 Воскр.	Больш.	Аскольдова могила, оп.	415	25	17
	Алекс.	Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, др.; Чудакъ покойникъ, ком.-вод.	830	35	25
16 Понед.	Больш.	Герта, повелительница Эльфрида, бал.; Женни, или Нямая, оп.	215	8	11
	Алекс.	Въ людяхъ ангель не жена, дома съ мужемъ сатана, вод.; Первый дебютъ, или зритель по неволѣ, вод.; Кто изъ насъ, или тайна, купленная необыкновенною цѣной, ком.	380	15	10
17 Вторн.	Алекс.	Эмеральда, или четыре рода любви, съ прологомъ, др.; Сиротка Сусанна, ком.-вод.	630	19	15
	Мих.	La dot de Suzette, drama	440	100	5
18 Среда.	Больш.	Фаворитка, оп.	715	82	37
	Алекс.	Женатый проказникъ, ком.; Комедія съ дядюшкой, оп.-вод.; Заемный женихъ, ком.-вод.; Покойная ночь, шутка-вод.	380	10	13
	Мих.	Des Teufels Tagebuch, Lstsp.; Der Kaufmann von Venedig, Schsp.	643	16	26
19 Четв.	Алекс.	Два вора, оп.; Интересный случай, вод.; Вся бѣда, что плохо объяснились, ком.; Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета, шутка-вод.	875	20	17
	Мих.	Les mémoires du diable, vaud.; Une passion, vaud. . .	480	93	40
20 Пятн.	Больш.	Первое дѣйствіе оперы: Жизнь за Царя, Дѣва Дуна, бал.	441	18	31
21 Субб.	Алекс.	Два вора, оп.; Интересный случай, ком.; Вся бѣда, что плохо объяснились, ком.	550	15	17
	Мих.	Emeru, drama; Au croissant d'argent, com.-vaud. . . .	630	99	39
22 Воскр.	Больш.	Морской разбойникъ Цампа, или Мраморная невѣста, оп.; Мельники, бал.	315	12	39
	Алекс.	Людмила, др.; Мнимый больной, ком.	850	14	37
	Мих.	Des Teufels Tagebuch, Lstsp.; Der Kaufmann von Venedig, Schsp.	680	16	19
23 Понед.	Больш.	Фаворитка, оп.	345	9	18
	Алекс.	Два вора, оп.; Интересный случай, вод.; Харьковскій женихъ, вод.; Счастье лучше богатства, итермедія-вод.	518	13	27
24 Вторн.	Алекс.	Первое отдѣленіе исторической быль: Игольникъ, ку-			

1842. Ноябрь.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣти- телей.	Каретъ.	Прочихъ зрѣвшихъ.
		пецъ Новгородскій, Женатый проказникъ, ком.; Первая и последняя любовь Карла XII, др.; Про- винциальный театръ, шутка-вод.	350	10	17
23 Сред.	Мих.	Emeru, drame; Francine la gantière, vaud.; Le corporal et la payse, vaud.	388	79	38
	Больш.	Герта, повелительница Эльфридъ, бал.; Первое дѣй- ствіе оперы: Невѣста лунатикъ	320	19	18
	Алекс.	Железная маска, др.; Круговая порука, ком.-вод.; Имянины благодѣтельнаго помѣщика, шутка-вод. .	1350	13	28
	Мих.	Des Teufels Tagebuch, Lstsp.; Die seltene Verwandt- schaft, Lstsp.	230	8	7
26 Четв.	Алекс.	Гартювъ, ком.; Пожилая дѣвушка, ком.-вод.; Но- вички въ любви, ком.-вод.	288	10	8
	Мих.	Le maître d'école, vaud.; Le chevalier de Saint Geor- ges, dram.-vaud.	460	95	37
27 Пятн.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп. (Первое представленіе) . . .	1378	198	87
	Алекс.	Железная маска, др.; Круговая порука, ком.-вод.; Имянины благодѣтельнаго помѣщика, интерм.-вод. .	478	7	13
28 Суб.	Мих.	Le premier chapitre, com.; Les fées de Paris, com.-vaud.; Le Coucher du Soleil, vaud.	380	70	27
29 Воскр.	Больш.	Русланъ и Людмила; оп.	1278	100	80
	Алекс.	Интересный случай, вод.; Два вора, ком.-оп.; Вся была, что плохо объяснилась, ком.; Филатка и Ми- рошка соперники, вод.	787	6	37
	Мих.	Johann Faust, Drama	280	6	11
30 Понед.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	1118	103	48
	Алекс.	Материнское благословеніе, др.; 17 и 80 лѣтъ, ком.-вод.	350	6	20

